ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ШРАМКОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА

ЦЕЛИ, СРЕДСТВА И РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**12.00.01 – Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

**Научный руководитель:
доктор юридических наук,
доцент В.В. Субочев**

Пятигорск-2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение…… 3

Глава I. ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА…….. 17

Глава II. ЦЕЛИ И СРЕДСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ…… 44

1. Цели и функции процессуально-правового регулирования…… 44
2. Понятие и признаки средств процессуально-правового регулирования… 76
3. Виды средств процессуально-правового регулирования……. 94
4. Диалектика целей и средств в структуре механизма процессуально-правового регулирования……. 113

Глава III. РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ…… 136

1. Понятие и виды результатов процессуально-правового регулирования… 136
2. Эффективность процессуально-правового регулирования: понятие, критерии оценки, факторы детерминации……. 145
3. Пути повышения эффективности процессуально-правового регулирования в современной России……. 162

Библиография 187

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Процессы продолжающейся модернизации экономической, технологической, социальной, политической, информационной и других сфер жизни Российского общества в современных условиях не могут быть результативными без соответствующих преобразований правовой формы. Особую роль в правовом обеспечении проводимых сегодня реформ приобретает процессуально-правовое регулирование.

С началом политико-правовых реформ в новой России изменились привычные представления о природе и социальном назначении юридического процесса. На конституционном и законодательном уровне была признана значимость юридической процессуальной формы как одной из основных форм упрочения законности, обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан. Следует согласиться с Е.Г. Лукьяновой в том, что сегодня невозможно только по содержанию материальных отраслей права судить о демократичности правовой системы. Истинное лицо правовой системы, направленность ее на всемерное обеспечение и защиту прав и свобод личности определяется не столько их количеством, закрепленным в законодательстве, сколько реальностью и степенью надежности демократического механизма их осуществления[1].

В настоящее время в целом завершена кодификация норм основных процессуальных отраслей российского законодательства, закрепивших юридические средства, уже доказавшие на практике свою высокую эффективность. Юрисдикционно-процессуальная форма продолжает совершенствоваться, значительно расширился круг охватываемых ею социальных явлений и, что очень важно, увеличилась в этом роль закона[2].

---

[1] См.: Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 3.

[2] См.: Бахрах Д.Н. Юридический процесс и административное судопроизводство // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 8.

Вместе с тем, практика обнаруживает все еще имеющее место недостаточное совершенство процессуально-правовой формы, которая в ряде случаев демонстрирует свою пробельность, противоречивость, сигнализирует об отсутствии у законодателя четких стратегических и тактических ориентиров, о его неумении грамотно выстроить инструментальную структуру механизма процессуально-правового регулирования. Не вполне оптимальной является и правоприменительная процессуальная практика, а также практика использования процессуальных инструментов рядовыми участниками процессуальных правовых отношений (истцами, ответчиками, подозреваемыми, обвиняемыми, потерпевшими, их представителями и др.).

При этом, можно констатировать тот факт, что общая теория права существенно отстает от отраслевых правовых наук в части осмысления природы процессуально-правового регулирования, его специфических особенностей, закономерностей развития и социальной роли. Не последнее место в системе характеристик процессуально-правового регулирования занимают такие его аспекты, как целевой, инструментальный и результативный.

Связка философских категорий «цель», «средство» и «результат» образуют основу теоретико-методологического подхода, который уже нашел свое успешное применение в общетеоретической юриспруденции и в значительной степени содействовал развитию общей теории правового регулирования. По нашему мнению, этот подход может быть применен также при научном исследовании процессуально-правового регулирования как специфической формы правового регулирования.

Рассмотрение процессов процессуально-правового регулирования в аспекте предлагаемого подхода позволяет поставить и решить ряд теоретических проблем, углубиться в понимание сущности и особенностей рассматриваемого объекта. Кроме того, такой анализ выходит и на многие актуальные вопросы, имеющие практическую значимость, в частности: проблемы стратегических и тактических ориентиров процессуально-правового регулирования, оптимальности его инструментального компонента, повышения качества правовых средств и механизмов, эффективность достижения

поставленных результатов, проблемы оптимизации процессуально-правовой политики государства и др. Возможность постановки и решения названных и многих других вопросов в рамках темы диссертационного исследования определяет актуальность последней.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблемы, связанные с феноменом юридического процесса, процессуальными правовыми нормами и отношениями выступали объектом познания значительного числа правоведов, как теоретиков права, так и представителей отраслевых юридических наук. К их числу можно отнести таких авторов, как С.С. Алексеев, Д.Н. Бахрах, В.П. Беляев, А.Г. Братко, А.М. Васильев, В.М. Горшенев, Н.Б. Зейдер, С.Ф. Кечекьян, Е.Г. Лукьянова, М.В. Максютин, А.В. Малько, Т.В. Милушева, И.В. Михайловский, П.Е. Недбайло, А.А. Павлушина, А.С. Пиголкин, Н.Н. Полянский, В.Н. Протасов, Н.Н. Розин, В.А. Рязановский, М.С. Строгович, И.Я. Фойницкий, В.Н. Щеглов и др.

Проблемы процессуально-правового регулирования и процессуально-правовой политики государства анализировались в трудах таких специалистов, как: П.П. Баранов, Ю.Ю. Ветютнев, А.В. Дунаев, Н.В. Исаков, А.В. Колесников, А.П. Коробова, В.Я. Любашиц, И.А. Майдан, С.В. Поленина, В.А. Рудковский, В.В. Субочев, В.А. Терехин, Н.И. Химичева, К.В. Шундиков и др.

Существенный вклад в исследование проблемы процессуально-правового регулирования внесли научные труды исследователей, посвященные проблемам отдельных разновидностей юрисдикционного процесса: конституционного (Н.С. Бондарь, Н.В. Витрук, Н. Зыкова, С.А. Кажлаев, И.С. Назаров и др.); гражданского (С.Ф. Афанасьев, А.В. Власова, М.А. Викут, И. Дамбаева, А.А. Добровольский, И.М. Зайцев, Д.А. Туманов, М.А. Фокина, А.В. Юдин и др.); арбитражного (Н.И. Клейн, А.А. Лим, Т.А. Савельева, Д.Г. Фильченко и др.); административного (А.Т. Боннер, А.В. Лунев, С.Н. Махина, А.В. Минашкин, И.В. Панова, В.Д. Сорокин, Ю.Н. Старилов и др.); уголовного (Р.З. Абдурашитова, А.И. Александров, Н.С. Алексеев, Ю.В. Голик, В.Г. Даев, Л.Б. Зусь, Ю.А. Ляхов, О.А. Малышева, В.И. Руднев, А.В. Усс, В.Д. Холоденко, В.С. Шадрин, С.А. Шейфер и др.).

Вместе с тем, следует отметить, что сама научная категория «процессуально-правовое регулирование» разработана в правоведении недостаточно. Как в учебной, так и в научной литературе процессуально-правовому регулированию пока не уделяется должного внимания. Ощущается также дефицит внимания ученых к проблемам целевого, инструментального и результативного аспектов процессуально-правового регулирования, к их комплексному рассмотрению в рамках монографических исследований.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования являются целевой, инструментальный и результативный компоненты процессуального права, а также юрисдикционных правовых отношений.

Предметом диссертационного исследования выступают общие закономерности, характеризующие процессы формализации и функционирования целей, средств и результатов процессуально-правового регулирования.

Цели и задачи исследования. Основной целью диссертационного исследования является комплексный общетеоретический анализ феноменов целей, средств и результатов процессуально-правового регулирования в их диалектической взаимосвязи.

Достижение названной цели обусловило постановку и решение следующих исследовательских задач:

- анализ природы и особенностей целей и функций процессуально-правового регулирования;

- рассмотрение проблемы понятия и признаков средств процессуально-правового регулирования;

- обоснование основных классификационных подходов к системе средств процессуально-правового регулирования;

- уяснение особенностей взаимосвязей и взаимодействия целей и средств в структуре механизма процессуально-правового регулирования;

- раскрытие понятия и выявление закономерных свойств результатов процессуально-правового регулирования;

- разработка понятия эффективности процессуально-правового регулирования, обоснование критериев ее оценки, выявление факторов ее детерминации;

- выработка научных рекомендаций и предложений, направленных на совершенствование процессуально-правового регулирования в современном Российском государстве, обоснование основных путей повышения его эффективности.

Методологическая, эмпирическая и теоретическая основа исследования. Диссертационное исследование основано на использовании системы общенаучных и частнонаучных методов познания, традиционно используемых в правовых исследованиях: исторический, логический, системно-структурный, функциональный, сравнительный, социологический, формально-юридический и др.

Так, исторический и социологический методы были использованы при рассмотрении практики процессуально-правового регулирования в Российском государстве. Логические приемы и формально-юридический подход применялся при разработке основных понятий и категорий исследования: «цель процессуально-правового регулирования», «средство процессуально-правового регулирования», «функции процессуально-правового регулирования», «механизм процессуально-правового регулирования», «результаты процессуально-правового регулирования», «эффективность процессуально-правового регулирования» и др., а также при разнообразных операциях с уже устоявшимися абстракциями философии, правоведения, социологии и других гуманитарных наук.

Системно-структурный и функциональный методы познания нашли свое применение преимущественно при рассмотрении системы средств и механизмов регулирования юрисдикционных отношений, выявления их многообразных взаимосвязей, исследования особенностей их взаимодействия в рамках нормативно-правовых конструкций, а также в области правореализационной и

правоприменительной практики. При помощи сравнительного метода производилось сопоставление исследуемых феноменов на различных уровнях правового регулирования.

Кроме того, в качестве методологического инструментария в исследовании использован понятийный аппарат общей теории права в целом, а также отдельных общетеоретических правовых научных концепций, в частности, таких как телеологический и инструментальный подход к праву, теория эффективности права, теория правовой политики.

Эмпирическую основу исследования составили факты социально-политической практики, связанной с процессами регулирования юрисдикционных отношений, а также положения соответствующего законодательства, регламентирующие данные отношения.

Теоретической основой работы выступили научные исследования специалистов (преимущественно отечественных) в области философии, общей теории государства и права, конституционного права, уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, административного, арбитражно-процессуального права и других научных областей.

Научная новизна работы определяется, прежде всего, постановкой проблемы, а также целями и задачами исследования. Работа представляет собой попытку комплексного общетеоретического анализа проблем целей, средств и результатов процессуально-правового регулирования.

Кроме того, научная новизна работы состоит в следующем:

- проанализировано понятие и закономерные свойства процессуально-правового регулирования;

- исследована природа и особенности целей и функций процессуально-правового регулирования;

- сформулировано понятие и выявлены признаки средств процессуально-правового регулирования;

- обоснованы классификационные подходы к средствам процессуально-правового регулирования;

- показаны взаимосвязи целей, средств и результатов в структуре механизма процессуально-правового регулирования;

- разработано понятие и выявлены закономерные свойства результатов процессуально-правового регулирования;

- сформулировано понятие эффективности процессуально-правового регулирования, обоснованы критерии ее оценки, выявлены факторы ее детерминации;

- предложен ряд рекомендаций, направленных на совершенствование процессуально-правового регулирования в современном Российском государстве, обоснование основных путей повышения его эффективности.

Основные положения исследования, выносимые на защиту:

1. Процессуально-правовое регулирование – это осуществляемое при помощи процессуально-правовых средств нормативно-организующее воздействие на систему юрисдикционных правоприменительных отношений, направленное на формирование эффективных юридических процедур их реализации. Особенности процессуально-правового регулирования предопределены его объектом (природой регулируемых отношений), субъектами, принципами, целями и функциональным назначением процессуального права и выражены главным образом в применении специфических процессуальных юридических средств воздействия. Среди таких средств первостепенную роль играют процессуальные правовые акты правореализационного и правоприменительного характера (заявления, жалобы, ходатайства, извещения, разъяснения, вызовы, постановления, определения, протоколы, судебные приказы, заключения, решения, приговоры, мировые соглашения и др.), а также такие процессуально-правовые инструменты, как: сроки, процедуры, процессуальные действия, процессуальные статусы, доказательства, меры процессуального принуждения и пресечения, процессуальные санкции, процессуально-правовые режимы и др.

2. Под целью процессуально-правового регулирования (процессуально-правовая цель) следует понимать идеально (мысленно) сконструированный результат юрисдикционной деятельности, к достижению которого при

использовании юридических средств, стремятся субъекты правотворческой и правореализационной практики. К закономерным свойствам целей процессуально-правового регулирования относятся следующие:

– в качестве идеальных моделей они находят свое закрепление в нормативных положениях процессуального права;

– в области юрисдикционной правоприменительной практики выступают элементом сознания участников процессуально-правовых отношений;

– отражают потребности субъектов процессуально-правового регулирования и противоречия, возникающие в процессе юрисдикционной правоприменительной практики;

– являются формой отражения сущности и особенностей природы процессуально правовой формы, ее направленности на формирование действенных механизмов и процедур реализации материального права;

– объективированы в юридических средствах процессуально-правового характера;

– носят императивный характер, являются обязательными ориентирами правоприменительной деятельности;

– обеспечиваются ресурсами государственно-властного воздействия.

3. Цели процессуально-правового регулирования можно классифицировать по различным критериям. В частности, обосновано существование таких разновидностей процессуально-правовых целей, как: цели в процессуальном праве (законодательстве) и цели в правоприменительной процессуальной практике (процессе); общепроцессуальные, отраслевые и институциональные; цели отдельных нормативных, правоприменительных и правореализационных актов; объективные и субъективные; ближайшие и перспективные; цели конкретных процессуально-правовых средств; цели-модели, цели-мотивы и цели-задачи; официальные и неофициальные.

4. Процессуально-правовые средства – целостная система объективированных в процессуально-правовых актах (нормативных,

правореализационных и правоприменительных) инструментов и механизмов, позволяющих гарантированно достигать цели и задачи процессуально-правового регулирования, реализовывать права и законные интересы участников процессуально-правовых отношений. Особенности средств процессуально-правового регулирования связаны с тем, что они:

– обладают процессуально-правовой природой, объективированы в положениях процессуального законодательства, правореализационных и правоприменительных процессуально-правовых актах;

– диалектически взаимосвязаны с целями процессуально-правового регулирования, функционально направлены на их реализацию;

– отличаются системным характером, при функционировании в сочетании друг с другом образуют единый инструментальный комплекс – механизм процессуально-правового регулирования;

– по отношению к средствам материального права выполняют обеспечительную, гарантирующую роль;

– в своем регулятивном потенциале гарантированы мерами государственного убеждения и принуждения;

– обладают потенциальной результативностью, в процессе функционирования приводят к соответствующим юридически значимым последствиям.

5. Процессуально-правовые средства можно классифицировать на: нормативные (принципы процессуального права, процессуально-правовые сроки и др.), правоприменительные (судебное решение, протокол и др.) и правореализационные (исковое заявление, ходатайство, мировое соглашение и др.); институциональные (процессуально-правовые акты) и функциональные (процессуально-правовые действия, процедуры); простые, первичные (процессуальные права, обязанности, запреты, санкции) и сложные, комплексные (процессуально-правовые механизмы, режимы и процедуры); основные и вспомогательные; регулятивные и охранительные. Они могут быть классифицированы по отраслевому принципу, субъектам, которые их

используют; в зависимости от стадий юрисдикционного процесса, на которых они применяются и по другим критериям.

6. Системный анализ процессуально-правового регулирования позволяет рассмотреть его как особую инструментальную конструкцию (механизм). Механизм процессуально-правового регулирования – единая система всех процессуально-правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное специально-юридическое воздействие на юрисдикционные правоприменительные отношения, достижение стратегических и тактических целей процессуально-правовой политики. Основными структурными элементами данного механизма являются: процессуально-правовые нормы, процессуальные юридические факты, процессуальные правоотношения, процессуальные акты реализации и применения прав и обязанностей.

7. Механизм процессуально-правового регулирования призван обеспечить практическую реализацию таких задач и функций как: гарантирование эффективной практической реализации норм материального права; придание определенным видам деятельности и отношений юридической значимости; обеспечение доступности юрисдикционных форм защиты прав для всех заинтересованных субъектов; обеспечение своевременной и качественной защиты субъективных прав и законных интересов в процессе юрисдикционной деятельности и вынесения правовых актов; укрепление режима законности и правопорядка в обществе и деятельности государственных органов власти и должностных лиц, применяющих нормы материального права; предупреждение правонарушений; правовое воспитание, формирование уважительного отношения к закону и суду.

8. Под результатами процессуально-правового регулирования следует понимать объективированные в форме конкретных материальных изменений в социальных или в процессуально-правовых отношениях последствия применения на практике процессуально-правовых средств. Результаты процессуально-правового регулирования могут быть общесоциальными и специально-юридическими. Их можно разграничить на общепроцессуальные,

отраслевые, подотраслевые, результаты функционирования отдельных процессуальных правовых актов, а также результаты применения конкретных процессуально-правовых средств. Среди них можно выделить ближайшие, промежуточные и конечные; желательные и нежелательные; идеальные (в максимально возможной степени соответствующими поставленным ориентирам), частично соответствующие и несоответствующие поставленным целям; ожидаемые (прогнозируемые) и непредвиденные; положительные (эффективные), нейтральные и отрицательные.

9. Одним из важных условий оптимизации механизма процессуально-правового регулирования в современном Российском государстве является оптимизация его целевого аспекта, предполагающая: научный подход к установлению процессуально-правовых ориентиров, расширение практики и совершенствование юридической техники их формального закрепления в положениях действующего законодательства, обеспечение согласованности и непротиворечивости системы процессуально-правовых целей, более активное использование практики телеологического (целевого) толкования в юрисдикционных правоотношениях.

10. Приоритетным направлением повышения эффективности процессуально-правового регулирования в современном Российском государстве является совершенствование действующего процессуально-правового инструментария, мониторинг и своевременное устранение пробелов и коллизий в системе процессуально-правовых средств, переоценка уже отмененных и введенных в действие правовых инструментов на предмет их целесообразности, адекватности задачам регулирования юрисдикционных правоотношений в той или иной области.

В целях совершенствования современной нормативной базы процессуально-правового регулирования предлагаются, в частности: формирование ряда отсутствующих процессуально-правовых механизмов (оказания помощи и защиты жертвам и свидетелям преступлений и др.); доработка действующих правовых процедур (восстановления нарушенных прав

и компенсации ущерба, причиненного преступлением, исполнения судебных решений связанных с возмещением вреда в рамках гражданского, административного процессов), дальнейшая систематизация действующего процессуального законодательства, направленная на совершенствование механизмов функционирования отдельных подвидов процессуальных производств, в частности, конституционного и административного.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в постановке проблемы и ее научной разработке. На основе обобщения отобранной эмпирической информации, имеющихся доктринальных источников по отдельным аспектам рассматриваемой темы, сформулированы общетеоретические положения, отражающие ключевые аспекты проблемы. Настоящее исследование вносит вклад в развитие общей теории процессуального права путем более глубокой теоретической проработки ключевых категорий такой теории, а именно понятий целей, средств и результатов процессуально-правового регулирования. При этом сформирован методологический подход, в основе которого лежит рассмотрение данных категорий в единстве и взаимосвязи. Подобный подход может быть использован в качестве инструмента в иных научных исследованиях.

Практическая значимость работы связана, прежде всего, с разработкой автором практических рекомендаций, направленных на совершенствование действующего в современной России законодательства и правоприменительной практики. Определенный интерес для ученых и юристов практиков могут представлять положения диссертации, связанные с предложениями по совершенствованию процессуально-правовой политики Российского государства.

Выводы и положения диссертации могут быть использованы в учебном процессе юридических вузов, в частности при чтении лекций по курсам «Теория государства и права», «Административное право», «Конституционное право России», «Гражданско-процессуальное право», «Уголовно-процессуальное право», «Арбитражно-процессуальное право», специализированного курса

«Процессуально-правовое регулирование», а также при подготовке соответствующих учебно-методических материалов.

Апробация результатов исследования. Основные выводы и положения диссертации были предметом обсуждения на кафедре государственно-правовых дисциплин Пятигорского государственного гуманитарно-технологического университета, а также на кафедре государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Московского гуманитарно-экономического института.

Отдельные аспекты проблематики исследования были представлены в выступлениях диссертанта на научно-практических семинарах и конференциях, в частности таких как: 1) «Круглый стол» на тему: «Концептуальные основы российского законодательства», проведенный на базе Северо-Кавказского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Март 2010г. (г. Минеральные воды); 2) «Круглый стол» на тему: «Правовая политика и законотворчество субъектов Российской Федерации», проведенный на базе Северо-Кавказского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Октябрь 2010г. (г. Минеральные воды); 3) «Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» на тему: «Правовая политика в современной России: проблемы формирования», проведенный на базе Самарского государственного университета. Октябрь 2010г. (г. Самара); 4) «Круглый стол» на тему: «Правотворческая политика органов исполнительной власти, проведенный на базе Северо-Кавказского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Март 2011 г. (г. Минеральные воды).

Ряд положений работы были отражены в научных публикациях по теме диссертационного исследования, в том числе в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК.

Достоверность разработанных в ходе исследования выводов и рекомендаций подтверждается актами о внедрении результатов настоящей работы.

Структура диссертации обусловлена логикой темы, а также поставленными целью и задачами исследования**.** Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов и библиографического списка.

Глава I. ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Познание феномена процессуально-правового регулирования и характеристику его основополагающих параметров, свойственных современному Российскому государству, представляется целесообразным начать с предварительного рассмотрения проблемы понимания родовой научной абстракции – «правовое регулирование». Такой подход позволит нам сформировать некоторые отправные положения, значимые для целей нашей работы.

Словари русского языка толкуют термин «регулировать» как синоним терминов «упорядочивать», «налаживать»; «направлять» (развитие, движение чего-либо с целью привести в порядок, в систему); «приводить» (механизмы или их части в такое состояние, при котором они могут правильно, нормально работать)[1].

Объектом познания юристов является особая разновидность или форма регулирования – регулирование правовое, которому, помимо общеродовых характеристик, присущи свойственные лишь для него закономерные качества и особенности.

Понятие правового регулирования является одной из фундаментальных системных категорий современной отечественной теории права. При этом в понимании его сущности специалисты не обнаруживают абсолютного единодушия. Ряд правоведов использует эту абстракцию для обозначения комплексного, всестороннего воздействия позитивного права на поведение субъектов социальной жизни[2]. Другие предлагают различать феномен

---

[1] См.: С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1972. С. 620.

[2] См., например: Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 12-13; Шейндлин Б.В. Сущность советского права. Л., 1959, С. 110; Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961, С. 26; Голунский С.А. О творческой революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма. // Советское государство и право, 1961. № 3 С. 26; Пиголкин А.С. Формы реализации норм

правового регулирования и иные формы воздействия права на общественные отношения: информационную, воспитательную и пр.[1]

Более того, сам феномен правового регулирования не получил в науке универсальной интерпретации. Так, советские теоретики права понимали его и как совокупность средств юридического воздействия государства на сознательную на поведение участников общественных отношений[2]; и как установление границ поведения и внесение порядка в отношения людей[3]; и как воздействие права на поведение людей в процессе реализации норм права в правоотношениях[4].

общенародного права // Советское государство и право, 1963, № 3. С 26; Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., С.20-21.

[1] См: Мицкевич А.В. Некоторые черты взаимодействия права и нравственности в период перехода к коммунизму // Правоведение, 1962, № 3, С. 17; Шебанов А.Ф. Советское социалистическое общенародное право. М., 1963, С. 77-78; Витченко А.М. Механизм правового регулирования социалистических общественных отношений, его понятие и структура // Вопросы теории государства и права. Сб. статей/ Под ред. М.И. Байтина. Выпуск 1. Саратов, 1968. С. 67- 73; Шебанов А.Ф. О воздействии права на общественное развитие в условиях общенародного государства // Советское государство и право. 1963. № 12. С. 14-15.

[2] См, в частности: Явич Л.С. К вопросу о предмете и методе правового регулирования. // Вопросы общей теории советского права Сборник . М., 1960, С. 47; Шейндлин Б.В. Сущность советского права Изд. ЛГУ, 1959 С. 70; Быстржина И., Лакатош М. Некоторые вопросы правового регулирования в социалистическом обществе. // Советское государство и право, 1964, № 2, С. 15; Александров Н.Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе // Вопросы философии, 1957. № 1, С. 57; Алексеев С.С. Общая теория социалистического права, Вып. 1. Свердловск, 1963, С. 42; Горшенев В.М. Возрастание роли общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм советского права на современном этапе // Правоведение, 1963, № 1, С. 5; Его же. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 20-21.

[3] См: Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958 С. 15-16; Братусь С.Н. О роли советского права в развитии производственных отношений. М., 1964, С. 12.

[4] См.: Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959, С. 6-7; Витченко А.М. Механизм правового регулирования социалистических общественных отношений, его понятие и структура // Вопросы теории государства и права. Сб. статей / Под ред. М.И. Байтина. Выпуск 1. Саратов, 1968. С. 70.

Вместе с тем, можно заметить, что в объяснении природы правового регулирования в современной отечественной науке преобладающим подходом стало понимание данного феномена как специфической функции позитивного права.

С учетом предмета и задач нашего исследования нам представляется приемлемым понимание *правового регулирования* как реализуемого посредством системы правовых средств, процесса нормативно-организующего воздействия на общественные отношения, приведение их в определенную систему для обеспечения их упорядочения, целенаправленного и результативного развития. Подобный методологический подход представляется наиболее ценным в познавательном отношении, поскольку он позволяет сосредоточить фокус исследования на целевых, инструментальных и результативных компонентах процесса нормативно-правового воздействия на социальные процессы.

Правовое регулирование в наиболее общем виде характеризуется тремя основными путями воздействия права на общественные отношения. Во-первых, – оформление уже сложившихся в обществе отношений, их своеобразная правовая формализация. Так, образовательные отношения в своей глубинной сути, как отношения учителя и ученика, связанные с передачей первым второму определенных знаний, навыков, ценностей и т.п., сформировались еще во времена Сократа, и принципиально не изменились сегодня. Законодательство в области образования, строго говоря, не создает эти отношения, оно лишь придает им правовую форму, придавая им легитимность, закрепляя в нормах права их сущность. Вместе с тем, конкретные юридические конструкции в образовательном законодательстве различных государств могут предусматривать различные формы и процедуры образовательного процесса, те или иные его институты и т.д. Таким образом, право, не меняя сути регулируемых отношений, способствует развитию их форм, наиболее оптимальных с точки зрения законодателя.

Во-вторых, правовое регулирование предполагает в целом ряде случаев конструирование ранее не существовавших социальных коммуникаций.

Правовые нормы способны не только фиксировать и видоизменять общественные отношения, но и создавать новые, ранее неизвестные общественные связи. В данном направлении правового регулирования проявляется очевидная конструктивно-созидательная роль права. Например, отношения процессуального правового характера трудно себе представить вне юридической формы, они не существуют ранее, чем устанавливаются соответствующие правовые процедуры. В данном случае, можно говорить о том, что право создает соответствующие отношения в обществе.

В-третьих, одним из магистральных направлений правового регулирования выступает ограничение нежелательных, вредных для общества и государства социальных явлений и процессов (различного рода девиаций, правонарушений и т.п.). В данном случае правовые средства раскрывают свой охранительный, защитный потенциал, содействуя вытеснению из социально-правовой жизни общества разного рода «негатива».

Лучшему пониманию природы правового регулирования содействует постановка вопроса о его границах, прежде всего, – границах временных. В настоящее время в теории права доминирует точка зрения, согласно которой процесс правового регулирования начинается с момента вступления в силу соответствующей юридической нормы (С.Н. Братусь, П.Е. Недбайло, Б.В. Шейндлин и др.). В соответствии с данным подходом фактор правового регулирования начинает «работать» с момента введения в действие соответствующей юридической нормы. Как только нормативное предписание вступает в силу, формализованная в нем идеальная модель социальной связи проецируется на общественную практику и начинает реализовывать регулятивный потенциал, свои возможности. На этом этапе правового регулирования никаких существенных внешних изменений в социальных отношениях казалось бы еще не произошло, однако они уже урегулированы правом, ведь правовые предписания уже особым образом оформили, юридически оценили эти отношения.

Завершается процесс правового регулирования в момент полной или частичной реализации «регулятивной программы», заложенной в правовом предписании, с наступлением в структуре социальной жизни тех или иных изменений, конкретных последствий, результатов правовой регламентации.

Правовое регулирование отлично от иных форм правового воздействия на общественные отношения. Активное влияние права на общественную жизнь, поведение людей не исчерпывается исключительно одним правовым регулированием. Право не только регулирует социальные отношения, устанавливая определенные модели поведения, закрепляя права, обязанности, ответственность субъектов и т.д., но и во многих случаях оказывает на общественную жизнь информационное, психологическое, культурное, воспитательное и прочее влияние.

Нетрудно заметить, что перечисленные формы правового воздействия характеризуют действие права как духовного феномена, относятся к субъективной стороне правовой действительности, формируют правосознание и правовую культуру личности и общества, готовность к деятельности в правовой сфере. «Неюридическое» воздействие права во многом схоже с тем влиянием, которое оказывают на сознание, волю и поведение человека разного рода информационные системы (радио, телевидение, периодическая печать, Интернет и др.), произведения литературы и искусства, нравственные и религиозные идеи и т.п.

Эти общесоциальные формы влияния права на социальные связи в сочетании с правовым регулированием образуют единое *правовое воздействие.* Последнее понятие, по сравнению с понятием «правовое регулирование» является более широким по объему и содержанию. Правовое же регулирование, как особая форма правового воздействия, связано уже со специально-юридическим влиянием права на общественные отношения, с таким влиянием, которое не может оказывать на них ни один другой социальный регулятор. Специфика такого воздействия связана, прежде всего, со способами, методами и средствами регулирования регулятивного воздействия.

Таким образом, в качестве существенных *характеристик правового регулирования,* позволяющих провести теоретическое обособление данного понятия от других форм правового воздействия, необходимо выделить следующие его свойства.

1) правовое регулирование имеет свой *специфический предмет*, в качестве которого выступает группа социальных отношений, урегулированных правом.

Предмет правового регулирования по сравнению с предметом правового воздействия отличается более ограниченным характером;

2) оно представляет собой особое, специально-юридическое воздействие права, связанное с использованием *специфических способов методов и средств*, призванных определенным образом регламентировать и развивать социальные отношения;

3) правовое регулирование *направлено на достижение особых юридических целей;*

4) правовое регулирование всегда *реализуется в особой, нормативно предусмотренной форме* – в форме правоотношений (основанной на правовой норме связи субъектов с четким разграничением их на управомоченного и обязанного);

5) оно всегда *приводит к достижению конкретных социальных результатов*, имеющих юридическое значение.

В научных исследованиях правового регулирования следует учитывать тесную диалектическую взаимосвязь всех форм воздействия права на общественные связи. Специально-юридическое воздействие права фактически не может быть оторвано в реальной жизни от остальных векторов его влияния на жизнь общества, оно всегда определенным образом сочетается и опосредуется информационным, культурно-ценнностным, воспитательным и прочим воздействием правовых средств.

Проекция вышерассмотренных общетеоретических подходов теории правового регулирования на интересующий нас объект позволяет нам

сформулировать ряд отправных положений, касающихся понимания сущности процессуально-правового регулирования.

Процессуально-правовое регулирование представляет собой особый вид правового регулирования. Его специфика связана, главным образом, с объектом (природой регулируемых отношений), субъектами, целями, задачами и функциями, а также с особенностями применяемых в процессе такого регулирования юридических средств и методов.

Так, *субъектами* процессуально-правового регулирования выступает само государство в лице органов публичной политической власти и должностных лиц, а также не наделенные властными полномочиями участники процессуально-правовых отношений: юридические лица, рядовые граждане. Субъекты процессуально-правового регулирования, в зависимости от функциональной роли в данном процессе могут быть разделены на несколько групп. Первая из них представлена субъектами, формирующими процессуально-правовую политику, определяющими основы правового регулирования в области юрисдикционного процесса.

Субъектами формирования нормативных основ процессуально-правового регулирования в Российской Федерации выступает целый ряд высших федеральных органов государственной власти, обладающих правотворческой компетенцией. В рамках своих конституционных полномочий данную функцию реализует Президент РФ, пользуясь правом законодательной инициативы и определения основных направлений процессуально-правовой политики. Определенную роль в выстраивании такой политики играет Администрация Президента и иные структуры, которые создаются распоряжениями и указами Президента, Государственный Совет при Президенте РФ.

Субъектом процессуально-правового регулирования следует признать также Правительство РФ, которое, являясь непосредственным участником правотворческой деятельности, также оказывает влияние на определенные стороны юрисдикционного процесса. Примером подобного участия могут выступать утверждаемые постановлениями Правительства РФ федеральные

целевые программы, такие, например, как «Развитие судебной системы России» на 2002-2006 гг. и 2007-2011 гг.

Непосредственную и во многом определяющую роль в формировании процессуально-правового законодательства в Российской Федерации играет высший законодательный орган государственной власти – Федеральное Собрание РФ. Именно этот орган, разрабатывая и принимая соответствующие нормативно-правовые акты, формирует процессуально-правовую политику государства, определяет ее приоритеты, цели, задачи, устанавливает модельные правовые средства, процедуры, механизмы ее реализации.

Важную роль в формировании процессуально-правового регулирования в Российском государстве играют высшие судебные органы власти – Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ. Обобщая судебную практику и пользуясь правом законодательной инициативы, данные органы власти вносят свой весьма весомый вклад в развитие процессуального законодательства, обеспечивая необходимую обратную связь между нормативными положениями и практикой их применения.

Ряд специалистов, анализируя, в частности, акты Конституционного Суда РФ в области судопроизводства, приходят к выводу о том, что Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы пишутся не в парламенте, а в Конституционном Суде РФ. В связи с невысоким уровнем качества принимаемых парламентом законов, Конституционный Суд РФ фактически взял на себя нормотворческие функции и вносит серьезные коррективы в сфере действия права[1].

Другую группу субъектов процессуально-правового регулирования образуют субъекты, не принимающие участия в правотворческом процессе, но применяющие и реализующие положения процессуально-правового

---

[1] См.: Терехин В.А., Афанасьев С.Ф. Судебно-правовая политика// Правовая политика России. Монография / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2006. С. 18.

законодательства применительно к конкретным охранительным правовым отношениям. В эту группу включаются, прежде всего, правоохранительные, контрольно-надзорные и судебные органы государственной власти: Министерство юстиции РФ, Прокуратура, органы предварительного следствия и дознания, органы МВД, ФСБ, суды всех уровней.

К третьей группе субъектов процессуально-правового регулирования, следует отнести иных участников юрисдикционного процесса, не наделенных властными полномочиями: адвокатов, представителей, экспертов, переводчиков, свидетелей, потерпевших, обвиняемых, истцов, ответчиков, третьих лиц. Данные субъекты, участвуя в процессуальной деятельности, реализуют на практике свои права и обязанности, либо действуют в интересах других лиц, используя предоставленные для этого процессуальным законом средства.

В качестве *объекта* процессуально-правового регулирования выступает особая сфера правовых отношений, специфическая область юридической практики. Эта сфера представлена группой отношений процессуально-правового характера.

Для лучшего понимания особенностей данной группы отношений, следует обратиться к краткому рассмотрению содержания таких юридических категорий, как *«процессуальное право»* и *«юридический процесс»*.

Смысловые рамки понятия «процессуальное право», представляющиеся очевидными на уровне юридической догматики, при более детальном рассмотрении оказываются не вполне четкими. Это связано с наличием в науке двух во многом противопоставленных друг другу теоретических подходов к его пониманию: «широкого» и «узкого».

Концепция «узкого», традиционного понимания процессуального права сформировалась в середине прошлого столетия и на сегодняшний день претерпела весьма незначительные изменения. Ее адепты (С.С. Алексеев, А.М. Васильев, Н.Н. Полянский, М.С. Строгович и др.) понимают процессуальное право как систему юридических норм, регламентирующих непосредственно осуществление правосудия.

Данная точка зрения преобладает в современной учебной литературе, где понятия «процесс» и «судопроизводство» чаще всего отождествляются. Так, например, авторы учебного курса «Гражданский процесс» отмечают, что о процессе следует говорить, прежде всего, как о порядке судебного рассмотрения и разрешения гражданских дел, который установлен нормами гражданского процессуального права. «Гражданский процесс, – отмечается далее, – это совокупность процессуальных действий и возникающих в ходе этих действий процессуальных правоотношений, связанных с осуществлением правосудия по гражданским делам. Эти действия совершаются судом – органом по осуществлению правосудия, а также другими субъектами, привлеченными к рассмотрению дела»[1].

Авторы монографии «Теория юридического процесса» формулируют следующее определение: «Юридический процесс – это комплексная система органически взаимосвязанных правовых форм деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении различных юридических дел иных субъектов права, которая: а) выражается в совершении операций с нормами права в связи с разрешением определенных юридических дел; б) осуществляется уполномоченными органами государства и должностными лицами в пользу заинтересованных субъектов права; в) закрепляется в соответствующих правовых актах – официальных документах; г) регулируется процедурно-процессуальными нормами; д) обеспечивается соответствующими способами юридической техники»[2].

Вместе с тем, в 60-70 гг. XX века в рамках данного подхода проявила себя тенденция «расширения» понятия процессуального права. Ряд специалистов в области отраслевых юридических наук (Н.Б., Зейдер, В.Н. Щеглов и др.) поставили под сомнение корректность понимания в качестве предмета регулирования процессуального права лишь собственно юрисдикционной

---

[1] Гражданский процесс: Учебник. Издание третье, перераб. и доп. / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М.,: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2001. С. 3.

[2] Теория юридического процесса / Под общ. ред. проф. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 8.

практики, деятельности, связанной с осуществлением правосудия[1]. В соответствии с позицией названных ученых под процессом следует понимать юридическую деятельность, направленную на разрешение споров о праве и осуществление правового принуждения.

Например, Е.Г. Лукьянова отмечает, что само процессуальное право возникает из необходимости разрешить и устранить при помощи юридических средств аномальные проявления в общественных отношениях. При этом, правовую аномалию она понимает как обусловленное различными факторами объективного и субъективного порядка отклонение от общей закономерности, от традиционного развития общественных отношений[2].

Широкая трактовка понятия юридического процесса базируется на идее о том, что любая материальная отрасль права предполагает наличие соответствующих процессуальных норм и институтов и включает их в себя[3]. Согласно этой трактовке юридический процесс имманентно присущ любым отраслям права и представляет собою практическое применение материально-правовых норм этих отраслей.

Юридический процесс в данной случае видится как комплексная система правовых порядков (форм) деятельности уполномоченных государственных органов, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении тех или иных юридических дел субъектов права. Этот процесс регулируется

---

[1] См.: Зейдер Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права// Правоведение. 1962. № 3. С. 71; Щеглов В.Н. Соотношение гражданского процессуального правоотношения с другими правоотношениями // Ученые труды Томского госуниверситета им. В.В. Куйбышева. Вопросы экономики и права. Томск, 1963.

[2] См.: Лукьянова Е.Г. Процессуальное право и его место в структуре права. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С.8.

[3] См., например: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правого регулирования в социалистическом обществе. М., 1972; Пиголкин А.С. процессуальная форма в правотворчестве // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. Ярославль, 1976: Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / Под ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. М., 1976; Процессуальные нормы и отношения в советском праве. Воронеж, 1985.

процедурными и процессуальными нормами[1]. Так, И.М. Зайцев подчеркивает, что юридический процесс образуют нормативно установленные формы упорядочивания юридической деятельности.[2] По мнению Л.Л. Сабировой, «юридический процесс – это установленный процессуальными нормами права, содержащимися в положениях нормативно-правовых актов органов государства и местного самоуправления, порядок осуществления юридической деятельности субъектов права»[3].

Безусловно, позиция сторонников приведенной концепции юридического процесса имеет право на существование и основана на достаточно резонных аргументах. Действительно, по сути, любые процедурные формы применения юридических норм могут быть охарактеризованы через призму «понятия процесс». Кроме того, более общая абстракция – «процесс» применяется в юриспруденции и для характеристики правотворческой деятельности (правотворческий процесс), а также иных форм юридической практики.

Вместе с тем, считаем необходимым придерживаться традиционного «узкого» подхода к пониманию рассматриваемой категории и понимаем юридический процесс как процесс юрисдикционный. Такой подход представляется нам более обоснованным и с методологической точки зрения, поскольку позволяет разграничить собственно юрисдикционную правоприменительную практику и практику реализации регулятивных правовых норм и институтов, с другой.

Последняя, очевидно, является совсем иной по своим характеристикам, субъектам реализации и т.п. В противном случае мы допустим, по сути, отождествление юридического процесса с практикой реализации права в целом, что, по нашему мнению, не может считаться обоснованным исследовательским

---

[1] См.: Теория юридического процесса / Под ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 8-10.

[2] См.: Зайцев И.М. Понятие и содержание юридического процесса // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2001. С. 441.

[3] Сабирова Л.Л. Эффективность процессуально-правовых норм в сфере частного права: вопросы теории и практики. Автореф. дисс…к.ю.н. Казань, 2005. С. 11.

подходом. По аналогии с этим возможно было бы рассматривать и иные формы реализации права: соблюдение, исполнение и использование как виды юридического процесса, регламентированного особыми процессуальными нормами. Подобная же ситуация, как верно замечает И.А. Майдан, способна привести к тому, что в любой материальной норме права придется выделять «процессуальную составляющую», что, безусловно, некорректно[1].

Вместе с тем, не вполне обоснованной нам представляется отождествление процессуального правового регулирования только с реализацией охранительных правоотношений. На таком понимании настаивает, в частности, В.Н. Протасова, отмечающий, что «юридический процесс – это процессуальная процедура, в рамках которой реализуется охранительное правоотношение. Регулятивное правоотношение осуществляется не в форме юридического процесса, а в форме материальной процедуры»[2].

Полагаем, что юридический процесс – это форма, которая используется для формирования процедур реализации не только исключительно охранительных, но и в ряде случаев регулятивных отношений. Так, например, в судебную инстанцию может обратиться гражданин с просьбой об установлении того или иного юридического факта. В данном случае правоприменительный юрисдикционный процесс станет той формой, в которой найдут свое воплощение отношения регулятивного характера.

Кроме того, в нашем исследовании мы основываемся на позиции ряда отечественных процессуалистов о необходимости разграничения понятий *«процессуальное право»* и *«юридический процесс»*. В этой связи представляется весьма убедительной позиция П.С. Элькинд, согласно которой уголовно-процессуальное право есть выраженная в правовых нормах государственная воля, направленная на определение порядка производства по уголовным делам, в то время как уголовный процесс – это само производство, движение уголовных

---

[1] См.: Майдан И.А. Процессуально-правовая политика современной России: проблемы теории и практики. Дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 26.

[2] Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 29.

дел соответственно точно установленной уголовно-процессуальным правом процедуре[1].

Особенности процессуально-правового регулирования во многом связаны с его функциональным назначением, целевой направленностью, а также системой правового инструментария, который используется в данной области правового регулирования. Названные параметры процессуально-правового регулирования будут рассмотрены нами более детально в последующих главах работы.

Вышеприведенные предварительные обобщения позволяют нам сформулировать понимание феномена процессуально-правового регулирования, которым мы будем руководствоваться в своем исследовании. *Процессуально-правовое регулирование* – это осуществляемое при помощи процессуально-правовых средств нормативно-организующее воздействие на систему юрисдикционных правоприменительных отношений, направленное на формирование эффективных юридических процедур их реализации.

В современном Российском государстве удельный вес действующего процессуального законодательства достаточно велик. Нормативно-правовая база регулирования процессуальных отношений за последнее десятилетия была значительно обновлена и продолжает развиваться.

В задачи нашего исследования не входит детальный анализ названного сегмента российского законодательства. Этой проблематике посвящена весьма обширная библиография. В рамках настоящей главы представляется целесообразным дать общую характеристику основным направлениям процессуально-правового регулирования в сегодняшней России. При решении данной задачи полагаем возможным придерживаться устоявшегося в юридической науке подхода, согласно которому возможно выделение нескольких видов отраслей процессуального права и соответствующих им

[1] См.: Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград, 1976. С. 28.

отраслей процессуального законодательства, а именно: конституционно-процессуального, гражданско-процессуального, арбитражно-процессуального, уголовно-процессуального и административно-процессуального.

Конституционно-процессуальное регулирование.

Конституционное судебное процессуальное право (конституционный судебный процесс) понимается специалистами как система юридических норм, регламентирующих конституционные судебные процессуальные правоотношения и действия, складывающиеся при осуществлении конституционными (уставными) судами конституционного правосудия[1]. При этом, в научных работах подчеркивается, что формирование конституционного процессуального права как самостоятельной отрасли в системе российского права, находится в настоящее время лишь на самом начальном этапе[2].

Обоснованию самостоятельности конституционного процесса как самостоятельного вида юридического процесса в научной и учебной литературе пока уделяется недостаточно внимания. В частности учебные курсы по конституционному праву не содержат соответствующих разделов. Подобное положение дел, очевидно, связано с тем, что до сих пор многие специалисты не признают существование конституционного процесса в качестве самостоятельной отрасли права или законодательства.

Такое положение дел представляется нам не вполне обоснованным. Напротив, в нашем исследовании мы исходим из высказанной многими правоведами идеи о том, что конституционно-правовое регулирование – самостоятельный вид правового регулирования, а конституционное правосудие – самостоятельная отрасль права[3]. Конституционное судопроизводство, имея

---

[1] См.: Кокотов А.Н., Саликов М.С. Конституционное судебное процессуальное право // Конституционный судебный процесс / Отв. ред. М.С. Саликов. М., 2003. С. 12.

[2] См.: Саликов М.С. Конституционный судебный процесс в системе российского права // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 126.

[3] См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. М., 1998. С. 39-41.

некоторые схожие черты (например, общие принципы) с другими видами процесса (уголовного, административного, гражданского), тем не менее, отличается от последних особым назначением, спецификой предмета разбирательства, круга участников, процедур, мер ответственности и др[1].

Полагаем, что подобный подход не может вызывать существенных возражений. Для признания отраслевого статуса конституционного процесса сегодня есть все необходимые основания.

Во-первых, действующая Конституция России прямо закрепляет конституционную форму процессуальной деятельности в качестве самостоятельной разновидности юрисдикционного процесса в системе российского права.

Во-вторых, конституционный процесс отличается специфическим предметом правового регулирования – отношениями, связанными с осуществлением конституционного контроля. Данные отношения отличаются значительным своеобразием субъектов, задач, форм деятельности, применяемых средств. Так, Конституционный Суд РФ осуществляет конституционный контроль за соответствием нормативно-правовых актов государственных органов власти Конституции страны, разрешает споры о компетенции государственных органов власти, рассматривает дела по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан, реализует право официального толкования норм Конституции РФ, осуществляет иные полномочия, предоставленные ему действующим законодательством.

Особенностью предмета конституционно-процессуального права, как и других процессуальных отраслей, связана, с тем, что он тесным образом коррелирует с родственной материально-правовой отраслью – конституционное право. Конституционный процесс «обслуживает» конституционное материальное право, является производным от него, процессуальные нормы

[1] См., например: Конституционное право России: Учебник / Отв. ред. А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин. – 2 е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. С. 432.

регулируют деятельность, связанную с охраной и применением норм Конституции. Материальное же конституционное право, в свою очередь, определяет пределы правового регулирования, осуществляемого конституционно-процессуальным правом.

В-третьих, – основанием к обособлению конституционного процессуального права является специфический круг участников конституционно-процессуальных отношений. Нормы данной отрасли регламентируют деятельность особого вида специализированных юрисдикционных органов – Конституционного Суда РФ, конституционных (уставных) судов субъектов РФ.

Круг субъектов конституционного процесса устанавливается преимущественно Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», региональными законами о конституционных (уставных) судах. Кроме того, круг субъектов конституционно-процессуальных отношений может быть определен и другими законами.

В-четвертых, конституционно-процессуальное регулирование специфично в своих целевых установках, задачах и планируемых результатах. Оно направлено на пресечение произвола властных органов, обеспечение верховенства Конституции РФ, единства правового пространства государства, официальное толкование законодательства,

В-пятых, – конституционное судебно-процессуальное право подтверждает свое право на отраслевую институционализацию по критерию обособленности нормативных форм (источников) отрасли. Для современного состояния правового регулирования характерно закрепление основной части норм конституционного судебно-процессуального права в едином нормативном акте – Федеральном конституционном законе о Конституционном Суде РФ и в Регламенте Конституционного Суда РФ.

В-шестых, конституционный процесс отличается спецификой инструментального обеспечения, используемых правовых средств, механизмов и

процедур. Как справедливо отмечается специалистами, может быть выделен функциональный критерий отраслевой автономизации конституционного процесса в системе российского права, то есть особая процессуальная форма, соответствующая конституционному судопроизводству, которая интегрирует в себе признаки классических юрисдикционных процедур (гражданского, уголовного процессов, административной юстиции; но в результате этого синтеза рождается новое качество – новая процессуальная форма судебной деятельности[1]. Как отмечает Н.В. Витрук, – «осуществление конституционного контроля специальными судебными органами обусловливает существование адекватного ему, самостоятельного вида судопроизводства. Конфликты в процессе реализации норм конституционного права требуют специфических процессуальных форм разрешения»[2].

Так, например, конституционное процессуальное право по сравнению с классическими процессуальными отраслями характеризуется особой природой итоговых решений, принимаемых посредством конституционного судопроизводства. В частности, особенность постановлений КС РФ связана с возможностью корректирования ими самого широкого круга принимаемых в Российской Федерации нормативных актов, причем самой высокой юридической силы. В связи с этим, многими специалистами поддерживается точка зрения о прецедентной, нормативной природе итоговых решений КС РФ, сам же Конституционный суд рассматривается как орган, осуществляющий функцию судейского нормотворчества в Российской Федерации[3].

Конституционный процесс, как специфическая правовая форма отличается и особыми (по сравнению с иными видами процессуальных производств) стадиями судопроизводства. Хотя в законе о Конституционном Суде РФ система

---

[1] См.: Овсепян Ж.И. Конституционное судебно-процессуальное право: у истоков отрасли права, науки и учебной дисциплины // Правоведение. 1999. № 2. С. 196.

[2] Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Учебное пособие. М., 1998. С. 202.

[3] См., в частности: Страшун Б.А. Научно-практическая конференция «Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы (Обзор) // Государство и право. 1997. № 5.

стадий конституционного процесса прямо не зафиксирована, тем не менее, она довольно отчетливо просматривается и может быть установлена логически.

Можно выделить шесть обязательных стадий конституционного процесса: 1) внесение обращение (жалобы, запроса и т.п.); 2) предварительное изучение обращений и принятие их к рассмотрению (возбуждение конституционного судопроизводства) или отклонение обращения; 3) подготовка дела к судебному разбирательству; 4) разбирательство дела по существу в пленарном заседании и в заседаниях палат КС РФ; 5) совещание, голосование, принятие, провозглашение решения по делу; 6) исполнительное производство, обеспечение действия решения КС[1].

Первая стадия связана непосредственно с моментом внесения обращения (заявления, запроса, ходатайства, жалобы) в Суд, которое регистрируется Секретариатом Суда.

После предварительного анализа обращения секретариат выносит соответствующее заключение. Затем председатель Суда дает поручение одному или нескольким судьям предварительно рассмотреть обращение. На основании доклада на пленарном заседании Суда решается вопрос о принятии или отказе в принятии обращения к рассмотрению и в случае принятия дело готовиться к слушанию.

Основная часть конституционного судопроизводства выражена в судебной разбирательстве. Последнее структурно представлено подготовительным этапом, и рассмотрением дела по существу и вынесением решения суда.

Конституционный Суд рассматривает и разрешает дела в пленарных заседаниях (участвуют все судьи) и заседаниях палат, персональный состав которых определяется жеребьевкой. Предметом рассмотрения в пленарном заседании становятся вопросы особой важности, такие как: проверка конституционности конституций и уставов субъектов Федерации; толкование

---

[1] О стадиях конституционных судопроизводств см.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие: Учебное пособие. М., 1998. С. 218-219.

норм Конституции РФ; дача заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинений Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления; утверждение послания Конституционного Суда; решение вопроса о выступлении с законодательной инициативой по вопросам ведения Суда, решение некоторых организационных вопросов (избрание председателя, его заместителей, секретаря, распределение дел между палатами и др.).

На заседаниях палат решаются вопросы, не подлежащие обязательному рассмотрению на пленарных заседаниях. Вместе с тем, Конституционный Суд вправе рассмотреть в пленарном заседании любой вопрос, отнесенный к его ведению.

Конституционный Суд принимает два вида решений: 1) итоговые решения, в форме постановлений или в форме заключений выносимые по результатам рассмотрения конкретного дела, ему подведомственного; 2) решения по организационным вопросам деятельности или по вопросам толкования ранее принятых итоговых решений. Последние принимаются в форме определений и часто не оформляются в виде отдельного документа, а излагаются в протоколе заседания. Каждый вид решений принимается и оформляется при соблюдении определенного механизма и процедуры, предусмотренной законодательством[1].

Гражданско-процессуальное регулирование.

Источниками, регламентирующими порядок гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции, являются Конституция РФ, Федеральный конституционный закон «О судебной системе», Гражданский процессуальный кодекс, принятый 14 ноября 2002 г., введенный в действие с 1 февраля 2003 г., а также принятые в соответствии с ними другие федеральные законы. Порядок гражданского судопроизводства в мировых судах

[1] См.: Там же. С. 434-435.

регулируется также Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации».

Кроме того, пункт 2. Статьи 1 ГПК РФ устанавливает положение в соответствии с которым, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила гражданского судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора.

В целом нормативную базу для разрешения судами гражданских дел образуют: Конституция РФ, международные договоры РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативно-правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов государственной власти, конституции (уставы), законы иные нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации, нормативно-правовые акты органов местного самоуправления. В случаях, предусмотренных законодательством, допускается также разрешение гражданских дел на основе обычаев делового оборота. В соответствии с федеральным законом или международным договором при разрешении дел суд может применять нормы иностранного права. (ст.11 ГПК РФ).

Статья 2 ГПК определяет задачами гражданского судопроизводства правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду.

Среди основополагающих принципов гражданского процессуального регулирования можно отметить: осуществление правосудия только судом (ст. 5 ГПК РФ); равенства граждан перед законом и судом (ст. 6); сочетание

единоличного и коллегиального рассмотрения гражданских дел (ст. 7); независимость судей (ст. 8); национального языка судопроизводства (ст.9); гласность судебного разбирательства (ст. 10); состязательность и равноправие сторон в гражданском процессе (ст. 12); обязательность судебных постановлений (ст.13).

Субъектами гражданско-процессуального регулирования на его юрисдикционном этапе являются суды различных инстанций, стороны в деле (истец и ответчик), третьи лица, чьи права и законные интересы могут быть затронуты при рассмотрении дела, прокурор, представители сторон, адвокаты, свидетели, эксперты, переводчики

Гражданско-процессуальное регулирование отличается также использованием специфических правовых средств, механизмов, процедур, процессуальных стадий: иски, судебные приказы, решение суда, определение суда, заочное производство, особое производство, апелляционное, кассационное и надзорное производства, исполнительное производство.

Арбитражно-процессуальное регулирование.

Данный вид процессуально-правового регулирования направлен на регламентацию юрисдикционного процесса в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, осуществляемого в Российской Федерации специализированными арбитражными судами.

Задачи арбитражного судопроизводства отражены в ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ. К ним относятся:

1) защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Органов местного самоуправления, иных органов и должностных лиц в указанной сфере;

2) обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

3) справедливое публичное судебное разбирательство в установленный законом срок независимым и беспристрастным судом;

4) укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

5) формирование уважительного отношения к закону и суду;

6) содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота.

Нормативными основаниями правового регулирования порядка судопроизводства в арбитражных судах являются: Конституция РФ, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации», Арбитражный процессуальный кодекс РФ, принимаемые в соответствии с ними другие федеральные законы. (п. 2 ст. 3 АПК РФ). П.3 ст. 3 АПК РФ дублирует норму ГПК РФ о приоритете норм международного договора Российской Федерации в случае их коллизии с нормами национального закона.

Арбитражные суды рассматривают дела на основе норм Конституции РФ, международных договоров РФ, федеральных конституционных и федеральных законов, нормативно-правовых актов Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, конституций (уставов), законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, актов органов местного самоуправления. В ряде случаев допускается применение обычаев делового оборота и норм иностранного права (ст. 13, 14 АПК РФ).

Принципы судопроизводства: независимость судей, законность при рассмотрении дел, равенство всех перед законом и судом, равноправие сторон, состязательность, непосредственность и гласность судебного разбирательства, национальный язык судопроизводства (ст.ст. 5-12 АПК РФ).

Субъекты арбитражного процесса: судьи, помощники судей, секретари судебных заседаний, стороны, заявители и заинтересованные лица, третьи лица, прокурор, государственные органы, органы местного самоуправления и иные органы, обратившиеся в арбитражный суд, организации, представители, свидетели, эксперты, переводчики.

Определенную специфику имеет и применяемый в арбитражно-процессуальном регулировании правовой инструментарий. Набор базовых первичных правовых средств такого регулирования в принципе мало отличается от тех, что используются в гражданском юрисдикционном процессе. Вместе с тем на уровне комплексов связок таких инструментов, образующих особые процессуальные процедуры и механизмы, можно заметить и некоторое своеобразие.

Так, свои особенности имеют процессуальные процедуры, связанные с рассмотрением определенных категорий арбитражных дел: производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правонарушений (Глава 22 АПК РФ); дел об оспаривании нормативно-правовых актов (глава 23); дел о взыскании обязательных платежей и санкций (глава 26); дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение (глава 27); дел о несостоятельности (банкротстве) (глава 28); дел по корпоративным спорам (глава 28 1); рассмотрение дел в порядке упрощенного судопроизводства (глава 29) и др.

Уголовно-процессуальное регулирование.

Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается Уголовно-процессуальным кодексом РФ, принятым 18 декабря 2001 года и введенный в действие с 1 июля 2002 г.

Ч. 3 ст. 1 УПК РФ закрепляет положение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство, а также

признает приоритет международных договоров РФ в случае их противоречия с Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Назначение уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 6 УПК РФ, заключается в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, уголовное преследование и назначение справедливого наказания виновным; отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Основными принципами уголовного судопроизводства являются: принцип законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК); осуществление правосудия только судом (ст. 8); уважение чести и достоинства личности (ст. 9); неприкосновенность личности (ст.10); охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11); неприкосновенность жилища (ст. 12); тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13); презумпция невиновности (ст. 14); состязательность сторон (ст. 15); обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16); свобода оценки доказательств (ст. 17); доступность языка судопроизводства (ст. 18); право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19).

Участниками уголовного судопроизводства являются: суд в коллегиальном составе или единоличном составе (мировой судья, федеральный судья); прокурор; следователи; руководители следственных органов; органы дознания; начальники подразделения дознания; дознаватели; потерпевшие; частные обвинители; гражданские истцы и ответчики, подозреваемые, обвиняемые, защитники, законные представители, свидетели, эксперты, специалисты, переводчики, понятые.

Весьма специфичны правовые средства и механизмы, применяемые в процессе уголовно-процессуального судопроизводства: возбуждение уголовного

преследования, задержание, меры пресечения, меры процессуального принуждения (обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество или ценные бумаги и др.) ходатайства, соединение уголовных дел, экспертизы. Допросы, очные ставки, опознания, розыск и др.

Свои инструментальные и процедурные особенности имеют отдельные формы уголовного судопроизводства в зависимости от рассматривающей дело инстанции или отдельной категории уголовных дел: в суде первой инстанции; особый порядок судебного разбирательства, производство у мирового судьи, производство с участием присяжных заседателей, на стадии апелляционного и кассационного обжалования судебных решений, исполнение приговора, производство по делам в отношении несовершеннолетних, производство о применении принудительных мер медицинского характера и др.

Административно-процессуальное регулирование.

Центральный нормативно-правовой акт – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г., введенный в действие с 1 июля 2002 года.

Помимо норм материального права, касающихся конструирования отдельных составов административных правонарушений, данный нормативный акт содержит и процессуальные нормы, регламентирующие производство по делам о таких правонарушениях (раздел IV).

Задачами производства по делам об административных правонарушениях являются всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений (ст. 24.1.).

Участниками процесса являются: лицо, в отношении которого ведется производство, потерпевшие, законные представители физических или

юридических лиц, защитники, свидетели, понятые, специалисты, эксперты, переводчики, прокурор.

Особенностью производства по делам об административных правонарушениях является значительное число органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать подобные дела. Помимо судей, Кодекс причисляет к таким субъектам еще 69 органов и должностных лиц (глава 23). Каждый из них рассматривает соответствующие категории дел.

Свои особенности имеет также инструментально-процедурная составляющая административного производства. В частности, в административном процессе применяются такие специфические меры обеспечения производства, как: доставление, административное задержание, личный досмотр и досмотр транспортного средства, изъятие вещей и документов, задержание транспортного средства, запрещение его эксплуатации, привод, временный запрет деятельности и др. (глава 27). Спецификой отличается также порядок исполнения отдельных видов административных наказаний (глава 32 кодекса).

Глава II. ЦЕЛИ И СРЕДСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

1. Цели и функции процессуально-правового регулирования

Процессуально-правовое регулирование, как одна из форм социально-юридической практики отличается такими характеристиками как целесообразность и целенаправленность. Постановка и достижение тех или иных ориентиров пронизывает данный процесс на всех его этапах.

Целеполагание является неотъемлемым параметром правотворческого замысла. Именно с постановки общих и конкретных целей начинается нормативная регламентация социальных связей. Такие ориентиры, в свою очередь, определяют систему принципов правового регулирования, а также выбираемых для их воплощения на практике форм, типов, методов такого регулирования. Для достижения определенной системы целей формируется массив законодательства, формализующего соответствующую систему правовых средств, механизмов, процедур и т.п.

Известный классик юриспруденции Р. Иеринг подчеркивал, что «цель есть творческая сила всего права, что нет правового положения, которое не было бы обязано своим происхождением какой-либо цели»[1]. Позитивное право, являясь продуктом сознательной целесообразной деятельности общества и государства, заключает в себе определенную систему общих и частных ориентиров, поэтому анализ этой системы предполагает в том числе и познание этого целевого аспекта.

Познание целевого аспекта правового регулирования является одним из важных методологических подходов к исследованию права. В отечественной правовой науке уже накоплен существенный опыт в познании данной научной проблематики[2]. При этом, обращает на себя внимание тот факт, что в

---

[1] Иеринг Р. Фон. Цель в праве // Избранные труды. Самара, 2003. С. 12.

[2] См., например: Знаменский Г.Л. Совершенствование хозяйственного законодательства: цель и средства. Киев, 1980; Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972; Лаптев В.В., Шахматов

большинстве научных трудов юристов, посвященных вопросам цели и целесообразности, приоритетное внимание уделяется исследованию целевых компонентов позитивного права или законодательства.

Вместе с тем, комплексный подход к пониманию категории «правовое регулирование», по нашему мнению, ориентирует также на постановку проблемы целей, функционирующих в области юридической практики, в сфере практической реализации соответствующих нормативно-правовых конструкций, фактического применения тех или иных правовых средств. Целевые установки выступают неотъемлемым структурным компонентом субъективной стороны правовых отношений, теми побудительными факторами, которые мотивируют и направляют активность участников правореализационного и правоприменительного процесса. Как справедливо отмечает П.С. Элькинд, – «раскрыть цели правового регулирования это значит уяснить – каковы они в сфере и правотворческой и правоприменительной деятельности»[1].

Общеметодологической основой для научного исследования проблем целей процессуально-правового регулирования, на наш взгляд, должно быть, прежде всего, философское учение о цели, поскольку «цель» есть философская категория. Кроме того, в своем исследовании мы будем опираться на

В.П. Цели правового регулирования в системе права// Правоведение. 1976. № 4; Малько А.В., Шундиков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003; Насырова Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Казань, 1988; Рабинович П.М. О юридической природе целей правовых актов// Правоведение. 1971. № 5. С. 28-35; Самощенко И.С., Никитинский В.И. Цели правовых норм – масштаб оценки их эффективности// Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1969. Вып. 19. С. 55-58; Чулюкин Л.Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань, 1984; Экимов А.И. Категория «цель» в советском праве. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Л., 1970; Экимов А.И. Категория цели в науке права// Философские проблемы государства и права. Л., 1970; Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в уголовно-процессуальном праве. Л., 1976; Шундиков К.В. Цели и средства в праве: общетеоретический аспект. Автореф. дисс… к.ю.н. Саратов, 1999.

[1] Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград, 1976. С. 7.

общетеоретические разработки юридической науки, предметом которых являются проблемы цели и целесообразности в правовой сфере.

Философская материалистическая традиция при осмыслении феноменов цели и целеполагания исходит из ключевой идеи о связи данных феноменов с человеком, как существом разумно преобразующим окружающий мир. В рамках такого подхода цель видится как сконструированный человеческим сознанием образ того результата, ради достижения которого предпринимаются те или иные действия, к достижению которого, субъект стремиться в ходе своей трудовой практики.

Наиболее существенными характеристиками цели как феномена сознания в философском аспекте можно считать следующие. Во-первых, цель – это мысленное отражение результата какой-либо деятельности, она всегда связана с прогнозированием развития того или иного процесса, с элементом предвидения. Во-вторых, любая цель основана на комплексе тех или иных потребностей и интересов, что обуславливает желаемый характер планируемого результата. Вследствие этого ориентиры человека всегда несут с собой мотивационную, стимулирующую функцию. В третьих, цели человека, будучи органически связанными с его преобразующей трудовой практикой, всегда находятся в диалектическом соотношении со средствами этой практики, с теми инструментами, которые задействуются для их достижения[1].

Названные характеристики феномена цели проявляют себя и в области правового регулирования. Вместе с тем, в данной сфере целевые установки приобретают новые специфические свойства, связанные главным образом с особенностями формализации правовых ориентиров, а также средствами и методами их практической реализации.

---

[1] См., в частности: Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии. Л., 1969; Ропаков Н.И. Категория цели: проблемы исследования. М., 1980; Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968; Тугаринов В.П. Философия сознания (современные вопросы). М., 1971.

Исходя из разделяемой нами широкой трактовки понятия правового регулирования, наиболее приемлемой в методологическом плане нам представляется концепция «юридических целей», предложенная А.В. Малько и К.В Шундиковым. Под «юридической целью» данные авторы понимают идеально предполагаемую и гарантированную государством модель какого-либо социального явления, состояния или процесса, к достижению которой при помощи юридических средств, стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности. При этом, они подчеркивают, что понятие «юридическая цель» охватывает как цель в праве (официальный ориентир законодателя, отраженный в юридических средствах модельного, нормативного характера), так и цель в юридической практике (субъективные ориентиры конкретных участников правореализационного процесса, объективированные в юридических средствах-деяниях) [1].

Основанием для такого методологического подхода выступает идея о том, что в идеале цель в праве и цель в юридической практике должны быть тождественны друг другу, ибо в противном случае в правовом регулировании не удастся обеспечить необходимой целостности, согласованности нормативных моделей правовых отношений и их реального состояния.

Понятие «правовая цель» в первую очередь отражает собой ориентиры, формализованные в законодательных текстах, в письменных источниках позитивного права. Что касается целевых установок конкретных участников правовых отношений, то их, очевидно можно считать правовыми, только в случае их соответствия тем ориентирам, которые нашли официальную формализацию в праве, а также если в процессе их достижения используются средства, предусмотренные действующим законодательствам, или по крайней мере не противоречащие ему. В противном случае ориентиры субъектов следует рассматривать как неправовые, противоречащие закону.

---

[1] См.: Малько А.В., Шундиков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 44.

Подобный подход представляется нам убедительным, поскольку позволяет наиболее комплексно подойти к характеристике цели в области правового регулирования, рассмотреть особенности ее формализации и функционирования на всех этапах правового регулирования, начиная с правотворческого замысла и заканчивая практической реализацией правовых положений в деяниях субъектов, достижением конкретных результатов правового регулирования.

Проецируя вышеизложенные положения на объект нашего исследования, перейдем к характеристике целевых аспектов процессуально-правового регулирования.

Прежде всего, следует отметить, что в специальной научной юридической литературе проблемам, связанным с целевыми аспектами процессуально-правового регулирования уделяется крайне мало внимания. Такое положение дел, по нашему мнению, нельзя считать удовлетворительным, поскольку данные проблемы имеют важную теоретическую и практическую значимость. Последняя связана с тем, что исследование вышеупомянутых проблем позволяет:

во-первых, – более основательно исследовать феномен системы процессуально-правового регулирования в целом, а также отдельных процессуальных средств, механизмов, процедур и т.п.;

во-вторых, – раскрыть социальную ценность и значимость процессуального права как инструмента достижения общественно и государственно значимых интересов;

в-третьих, – решать проблемы, связанные с выбором стратегии и тактики правотворческой и правоприменительной деятельности в области процессуально-правового регулирования;

в-четвертых, – совершенствовать практику нормативной фиксации и фактической реализации тех или иных правовых ориентиров;

в-пятых, – более плодотворно оценивать степень эффективности действия процессуально-правовых средств, выявлять факторы ее детерминации, намечать пути ее повышения.

Для понимания специфики целей процессуально-правового регулирования представляется необходимым учитывать не только вышеупомянутые общеметодологические положения философии и общей теории права, но также особое место и роль процессуального права в общей системе правового регулирования общественных связей, особенности субъектов реализации процессуального законодательства, его инструментальной основы, процедурных механизмов и др.

Следует также отметить, что само процессуальное законодательство, закрепляя в своих нормах те или иные ориентиры, самого понятия цели (процессуального регулирования, процессуального законодательства, отдельных этапов юрисдикционного процесса и т.д.) не формулирует. Законодатель лишь раскрывает эти ориентиры с содержательной стороны.

В связи с этим, при конструировании понятия цели процессуально-правового регулирования мы полагаем необходимым ориентироваться, прежде всего, на вышеприведенные методологические положения философии и общей теории права, а также на рассмотренные нами ранее понятия процессуального права и процессуально-правового регулирования.

Исходя из упомянутых общенаучных положений, полагаем, что под *целью процессуально-правового регулирования* (процессуально-правовая цель) следует понимать идеально (мысленно) предполагаемый результат юрисдикционной деятельности, к реализации которого при использовании правовых средств, стремятся участники правотворческой и правореализационной практики.

Цель, функционирующая в сфере процессуально-правового регулирования представляет собой сложный и многогранный феномен, выражающий единство человеческого сознания и практики, диалектическое единство субъективного и объективного начал. «Объективный источник

возникновения цели в праве, – пишет Д.А. Керимов, – и субъективная ее природа – две органически связанные между собой стороны одного и того же явления»[1].

Субъективная сторона процессуально-правовой цели выражается в интегрированности ее в структуры сознания и воли законодателя и участников процессуально-правовых отношений. Закрепляя те или иные законодательные положения, правотворческие субъекты действуют целеосознанно, устанавливаемые ими нормативно-правовые конструкции «подбираются» под задачи достижения тех или иных ориентиров. Таким же образом действуют и субъекты, участвующие в процессуальных действиях, связанных с реализацией и применением правовых норма.

Объективная сторона процессуально-правовой цели проявляется, прежде всего, в том, что она выступает отражением в сознании упомянутых субъектов объективных потребностей и противоречий социально-правовой жизни.

Такими противоречиями и потребностями выступают в частности: невозможность в целом ряде случаев разрешения юридического спора вне посреднических правоприменительных процедур, необходимость привлечения к юридической ответственности от лица государства лиц, допустивших нарушение правовых норм, невозможность осуществления вышеуказанных юридических операций без опасности нарушения прав их участников вне рамок детально регламентированной правовой процедуры, необходимость защиты основополагающих прав и свобод человека при осуществлении процессуальных действий, необходимость установления разумных сроков совершения таких действий и др.

Кроме того, объективная сторона процессуально-правовой цели выражается в том, что она всегда находит свою формализацию, закрепляется в соответствующих нормативных положениях процессуального

[1] Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 370.

законодательства, а также в ее диалектическом взаимодействии с юридическими средствами, используемыми при ее реализации. Такая взаимосвязь выражается в том, что правовые инструменты по сути выступают той объективированной, материализованной формой, в которой закрепляются правовые ориентиры. Одновременно они выступают механизмом, инструментальной базой достижения этих ориентиров.

Любое процессуально-правовое средство (иск, заявление, следственное действие, решение и др.) имеют собственную целевую направленность, которая далеко не всегда находит прямое отражение в законодательстве в виде соответствующих целевых норм. Вместе с тем, такие цели становятся очевидными при логическом анализе и толковании правовых положений. Так, например, исковое заявление, как процессуально-правовое средство, направлено, прежде всего, на обеспечение возможности для любого субъекта инициировать процессуальную процедуру защиты нарушенного материального права. Процессуальный акт любого следственного действия направлен, главным образом, на формально-юридическую фиксацию соответствующих юридически значимых фактов, обстоятельств, имеющих значение для дела.

Диалектическая взаимосвязь рассматриваемых явлений объясняет существование феномена «подмены целей средствами». На пути практического воплощения правовой ориентир «проживает» несколько этапов, на каждом из которых он материализуется в различных правовых институтах, механизмах и процедурах. Один и тот же компонент материи процессуального права может становиться на разных стадиях правового регулирования то целью, то средством достижения цели. Например, законное и обоснованное судебное решение на этапе судебного процесса рассматривается его участниками как ориентир, который должен быть достигнут на завершающем этапе рассмотрения дела. Когда же такое решение вынесено, на этапе его исполнения, оно воспринимается заинтересованным субъектом как правило как инструмент, позволяющий достичь иных целей, защитить соответствующее материальное право и т.п.

Подобная «растворенность» правовых ориентиров в инструментальной базе позитивного права предопределяет ряд их существенных специфических характеристик. Одной из них выступает нормативный характер процессуально-правовой цели. Данное качество связано с тем, что юридическая цель, будучи формализованной в положениях процессуального законодательства, приобретает присущую всем правовым конструкциям абстрактность, «отрывается» от сознания и мотивов конкретных лиц и становится как бы всеобщим ориентиром деятельности. Такой ориентир отличается свойственной юридическим нормам модельностью, абстрактным характером.

Еще одной важной характеристикой процессуально-правовых целей является их императивность. Это свойство обуславливается тем, что процессуальное право по своей природе относится к публично-правовому сегменту правовой системы, основанному на преобладании императивного метода правового регулирования. Соответственно ориентиры, отраженные в нормах процессуального права и иных процессуально-правовых средствах, отражают обязательные, повелительные законодательные установления.

Еще одно закономерное свойство процессуальной правовой цели – ее гарантированность ресурсами власти государственной организации. Речь идет о потенциальной возможности обеспечения достижения поставленного ориентира путем применения комплекса средств идеологического, информационного, юрисдикционного и прочего характера. В случае необходимости реализация процессуальной правовой цели гарантируется посредством властно-принудительных механизмов. Это достигается путем соответствующей корректировки сознания и поведения участников процессуально-правовых отношений, в случаях, если данные параметры начинают отклоняться от желательных.

Так, на практике нередко возникают ситуации злоупотребления процессуально-правовыми средствами, при которых их инструментальный потенциал используется для достижения личных ориентиров тех или иных лиц, не совпадающих с ориентирами законодателя. Допустим, работник полиции

использует предоставленные ему законом инструменты (например, задержание лица) для того, чтобы свести личные счеты или же принудить лицо к даче взятки. В подобных случаях применение мер юридической ответственности способно предотвратить вред, причиняемый подобными действиями, и одновременно содействует реализации подлинных ориентиров процессуально-правового регулирования.

Обобщая вышеприведенные положения, выделим более четко основные закономерные характеристики целей процессуально-правового регулирования:

1) в качестве идеальных моделей находят свое закрепление в нормативных положениях процессуального права;

2) в области юрисдикционной правоприменительной практики выступают элементом сознания участников процессуально-правовых отношений;

3) отражают потребности субъектов процессуально-правового регулирования и противоречия, возникающие в процессе юрисдикционной правоприменительной практики;

4) являются формой отражения сущности и особенностей природы процессуально правовой формы, ее направленности на формирование действенных механизмов и процедур реализации материального права;

5) объективированы в юридических средствах процессуально-правового характера;

6) носят императивный характер, являются обязательными ориентирами правоприменительной деятельности;

7) обеспечивается ресурсами государственно-властного воздействия.

Многообразный характер целевых установок, обнаруживаемых в сфере процессуально-правового регулирования, позволяет использовать для и научного познания и описания классификационный метод.

Одним из оснований для построения научной классификации процессуально-правовых ориентиров, на наш взгляд, может выступить стадийность процессуально-правового регулирования. Последнее представляет

собою сложный, многостадийный процесс опосредования соответствующих социальных связей правовой формой.

Его первоначальной стадией является нормативно-правовая регламентация отношений, связанных с процедурами рассмотрения и разрешения правовых ситуаций уполномоченными субъектами. На данном этапе правотворческие органы государства, исходя из объективных социальных и государственных потребностей и интересов, определяются в понимании концепции регулирования процессуально-правовой сферы юридической деятельности. Результатом данного этапа правового регулирования является формирование массива процессуального законодательства, закрепляющего единообразные юрисдикционные процедуры.

Следующим этапом процессуально-правового регулирования является стадия практической реализации процессуально-правовых норм в деятельности правоприменительных органов и должностных лиц. Процессуально-правовые нормы практически реализуются в системе процессуальных правовых отношений, содержанием которых является процессуальная деятельность участников рассмотрения и разрешения конкретных юридических дел. Названные отношения, как любые правовые отношения, имеют сознательно-волевую природу, которую невозможно себе представить без постановки и достижения тех или иных ориентиров.

Учитывая сказанное, в зависимости от сферы формализации и функционирования следует различать *цели в процессуальном праве* (законодательстве) и цели *в сфере правоприменительной процессуальной практики (процессе).*

Специфика каждой из названных разновидностей процессуально-правовых ориентиров связана со своеобразием тех правовых средств, в которых они получают свою формализацию. Так, цель в законодательстве является одним из логических содержательных элементов структуры процессуальной правовой нормы, входящим в состав ее гипотезы, либо

диспозиции. В последнем случае норма приобретает характер целевого предписания.

В области юридической практики цель выступает или элементом субъективного сознания, или одним из конструктивных аспектов процессуального правореализационного или правоприменительного акта (искового заявления, постановления, решения, приговора и др.). Такая цель также как правило, выступает в форме конкретной задачи, более детально и конкретно отражает место, время, способ своей реализации и другие параметры.

Другим классификационным критерием целей процессуально-правового регулирования может выступать степень их общности и уровень функционирования в правовой системе общества. Ориентиры процессуально-правового регулирования – сложная многоуровневая система, в которой одни являются более общими, другие более частными, конкретными целями.

В этой связи полагаем, что ориентиры процессуально-правового регулирования, исходя из названного критерия, можно подразделить на *общепроцессуальные, отраслевые (подотраслевые), цели нормативных и правоприменительных актов, и конкретно-инструментальные цели*.

Первая разновидность целей присущи системе процессуально-правового регулирования в целом как правовой форме, независимо от той или иной разновидности юридического процесса. В качестве примеров таких ориентиров можно назвать: формирование оптимальных юридических механизмов реализации норм материального права, придание цивилизованного правового характера процедурам разрешения конфликтов в обществе, а также привлечения виновных лиц к юридической ответственности, обеспечение максимального уровня защиты прав и свобод человека в процессах рассмотрения и разрешения юридических дел и др.

Приведенные примеры показывают, что данная разновидность ориентиров отличается достаточно абстрактным характером и отражает предполагаемые результаты правового воздействия в достаточно общем виде.

Примером формулировки такой цели может служить положение диссертационной работы И.А. Майдана, который в качестве «основных» ориентиров процессуально-правовой политики рассматривает: 1) наиболее полное удовлетворение личных, общественных и государственных интересов посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства; 2) утверждение всеобщего авторитета, независимости и самостоятельности судебной власти, укрепление ее легитимности; 3) повышение качества, объективности и эффективности юрисдикционного процесса; 4) повышение эффективности таких судебных процедур как апелляционное и кассационное производство, пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам решений и определений суда, вступивших в законную силу; 5) обеспечение исполнения судебных решений[1].

С вышеприведенными положениями полагаем возможным согласиться лишь частично, поскольку последние два из них, по нашему мнению, выражают не общепроцессуальные правовые ориентиры, а специальные задачи отдельных процессуальных стадий.

Общепроцессуальные ориентиры раскрывают социально-правовое назначение и роль всей процессуальной формы в целом и во многом проистекают из стратегических социально-политических и правовых ориентиров. Особенность данной группы целей связана также с тем, что в отличие от частных правовых ориентиров они обладают большей объективностью, поскольку их содержание более жестко детерминировано реальной действительностью, закономерностями ее развития, во многом определяется содержанием ориентиров правового регулирования в целом. Частные же юридические ориентиры более свободны от таких закономерностей, поскольку нередко выступают отражением законодательного

[1] См.: Майдан И.А. Процессуально-правовая политика современной России: проблемы теории и практики. Диссертация…к.ю.н. Краснодар, 2009. С. 88-89

произвола, политических амбиций, социального компромисса и иных проявлений действия «человеческого» фактора в правовом регулировании.

Общепроцессуальные правовые ориентиры получают свою конкретизацию в целях отдельных процессуальных отраслей и подотраслей – конституционного, гражданского, административного, уголовного процессуального права (законодательства), доказательственного права и др. Данные виды целей, как правило, формально отражены на уровне базовых нормативно-правовых актов конкретной отрасли права[1] и отражают особенности функционального назначения каждого конкретного массива правовых норм и институтов.

Так, например, в качестве наиболее общих отраслевых целей гражданского судопроизводства в литературе называются: создание и эффективное практическое применение механизма по защите прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан, юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Федерации, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления, других лиц в сфере имущественных и личных неимущественных отношений, укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, формирование уважительного отношения к праву и суду[2].

Еще более конкретным и узким отражательным содержанием отличаются цели отдельных нормативных и правоприменительных актов, характеризующих телеологический контекст того или иного юридического документа (закона, указа, постановления, положения, приговора, решения, определения и т.п.). Так, целевые установки достаточно очевидно проявляют

---

[1] См., например: ст. 2 ГПК РФ; ст. 2 Арбитражно-процессуального кодекса РФ; ст. 6 УПК РФ; ст. 24.1. Кодекса РФ об административных правонарушениях

[2] См.: Фокина М.А. Гражданская процессуальная политика: понятие и приоритеты // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 2. С. 91-92.

себя при анализе вводной части постановления о возбуждении уголовного дела, мотивировочной части судебного решения или приговора.

По нашему мнению, следует согласиться с обоснованным еще в советский период развития отечественной правовой науки положением о том, что каждый юридический акт (не только нормативный, но и индивидуальный) имеет свою цель, независимо от того, выражена она в нем прямо или косвенно[1].

Наконец, конкретно-инструментальные цели выступают отражательным элементом отдельных юридических средств. Каждая юридическая норма и институт обладают своей специфической целевой ориентацией. «В той мере, в какой право осуществляется через конкретные правовые нормы, – отмечает П.С. Элькинд, – цели права претворяются в жизнь, не иначе, как путем реализации их конкретного отражения в применяемых нормах»[2]. Поэтому вопрос о целях правовых норм традиционно рассматривается в правовой науке как «часть общей проблемы целевого назначения, мотивационного характера права в целом»[3].

Кроме того, в контексте инструментального подхода к праву представляется необходимым выделять правовые цели не только на уровне базовых элементов системы права, но и на уровне простейших элементарных правовых средств (правовой принцип, презумпция, фикция, субъективное право, законный интерес, правовой запрет, юридическая обязанность, исключение, льгота, поощрение и др.

Например, такое правовое средство как принцип презумпции невиновности отличается достаточно очевидным целевым контекстом, связанным с необходимостью гарантирования соблюдения и защиты прав и свобод человека при осуществлении юридического процесса. Многоцелевое назначение имеет такой процессуально-правовой инструмент как юридическая фикция. Так, фиктивное предположение о том, что местом проживания

---

[1] См.: Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. С. 190.

[2] Элькинд П.С. Указ. соч. С. 20.

[3] Орлов В.Н., Экимов А.И. Цель в норме советского права // Правоведение. 1968. № 5. С. 22.

ответчика считается последнее известное суду место его фактического проживания или регистрации в значительном числе случаев оказывается предположением, противоречащим реальности. Вместе с тем, данная правовая фикция позволяет упростить процесс установления юридического факта, сэкономить время, обеспечить непрерывность процессуального производства.

Система процессуальных правовых средств отличается значительным разнообразием, о чем будет сказано в последующих разделах работы. При этом каждое из правовых средств характеризуется собственной целевой установкой. Так, например, общие цели уголовного процесса получают свою конкретизацию в ориентирах каждой отдельной процессуальной стадии, а также каждого конкретного вида процессуальных действий (осмотра, обыска, выемки, допроса, экспертизы и т.п.). Как справедливо отмечает Г.А. Жилин, «любое процессуальное действие не может не иметь цели»[1].

Процессуально-правовые цели условно можно разграничить на *объективные* и *субъективные*. При этом, следует заметить, что в данном случае приемлемым классификационным критерием может являться только форма материализации тех или иных ориентиров. Так, объективными следует считать цели, формализованные в положениях нормативных и правоприменительных актов. Целевые же установки конкретных участников правовых отношений (судьи, прокурора, следователя, адвоката, обвиняемого) в значительной степени отражают их субъективные ориентиры и при этом выступают более ситуационными и изменчивыми.

Поскольку процессуально-правовые ориентиры нередко являются элементами сознательно-волевой практики участников процессуальных отношений, их можно классифицировать также *по субъектам*, которые выступают их «носителями». На основе такого параметра можно выделять

[1] Жилин Г.А. Понятие целевых установок в гражданском судопроизводстве // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 87.

процессуальные ориентиры суда, прокурора, свидетеля, защитника, третьего лица, ответчика, потерпевшего, обвиняемого и т.п.

Вместе с тем, учитывая ранее упомянутую сложную диалектическую природу феномена цели, следует отметить, что в содержательном контексте разграничение объективных и субъективных ориентиров представляется достаточно искусственным познавательным приемом.

В зависимости от временных сроков наступления процессуально-правовые цели, возможно разграничить на *ближайшие и перспективные*. Первая группа ориентиров отражают наиболее актуальные потребности и интересы, возникающие в юрисдикционном процессе. Эта группа целей, как правило, выступает непосредственными ориентирами для субъектов, участвующих в тех или иных процессуальных действиях. Примерами данной разновидности ориентиров могут служить: получение сведений о фактических обстоятельствах дела в результате проведения следственного действия, правильная юридическая квалификация деяния, составление обвинительного заключения, проведение очной ставки, допроса, осмотр вещественных доказательств, вынесение законного и справедливого судебного решения и т.п.

Вышеприведенные примеры показывают, что данная группа правовых ориентиров характеризуется достаточно конкретным содержанием и связана с конкретными правовыми средствами. Следствием этого выступает высокая степень императивности данных целевых установок. Как верно замечает П.М. Рабинович, достижение ближайшей цели возводится в юридическую обязанность, которой придается либо общее, нормативное, либо лишь индивидуальное значение[1]. Данное свойство ближайших правовых целей позволяет им играть в процессе правового регулирования не только ориентирующую и воспитательную роль, но и выступать общеобязательным эталоном правомерного поведения, юридический критерий оценки действий[2].

---

[1] См.: Рабинович П.М. Указ. соч. С. 30.

[2] Там же.

В отличие от ближайших, перспективные цели процессуально-правового регулирования являются более общими по содержанию. Их реализация связывается с более или менее отдаленной временной перспективой и обуславливается предварительной реализацией определенного количества ближайших юридических целей, а также системным, регулятивным воздействием на социальные связи посредством всего комплекса правовых инструментов.

В качестве примеров таких ориентиров в области процессуального права могут служить уже упомянутые нами общепроцессуальные правовые цели. Так, например, П.С. Элькинд, отмечает, что «цель уголовно-процессуального права состоит в наиболее эффективном и рациональном урегулировании данных общественных отношений, в обеспечении их направленности к решению задач уголовного судопроизводства, в конечном счете – к уничтожению преступности»[1].

Значение данной группы правовых ориентиров нельзя недооценивать, поскольку именно они формируют представления о конечных пунктах правового регулирования, позволяют преодолеть стихийность и мозаичность последнего. Следовательно, формализация перспективных целей в положениях действующего законодательства представляется весьма значимым приемом юридической техники.

В научной литературе высказана точка зрения о том, что «когда говорят о цели в праве, то имеют ввиду не всякую цель, достигаемую правовыми средствами, а только цель конечную»[2]. Вместе с тем, существует и прямо противоположный подход, согласно которому понятие цели в праве сводится лишь к ближайшим целям. Так, например, цели уголовного судопроизводства

---

[1] Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград, 1976. С. 12.

[2] См.: Экимов А.И. Указ. соч. С. 54.

нередко сводятся к познанию истины[1], к установлению, конкретизации и реализации уголовно-правового отношения, либо в констатации факта его отсутствия[2].

Думается, что обе вышеприведенные позиции представляют собою упрощения реальной картины телеологического аспекта процессуального регулирования, в котором и стратегические и ближайшие цели находят свое отражение.

Одним из важных критериев классификации правовых целей, предложенных в специально-юридических исследованиях, являются особенности технико-правовых способов их закрепления в положениях правовых актов, способы их логико-текстовой формализации. На основании данного критерия юридические цели могут выступать как *цели-модели, цели-мотивы и цели-задачи*[3]. Такая классификация правовых ориентиров представляется нам обоснованной и находящей свое подтверждение, в частности, при анализе процессуально-правовых нормативных актов.

Отражение в процессуальном законодательстве тех или иных ориентиров может быть сформулировано в форме конструирования идеального образа предполагаемого результата путем абстрактного описания его наиболее существенных характеристик. Примером подобной формулировки цели может служить статья 89 УПК РФ, предусматривающая, что меры пресечения могут быть применены для недопущения определенных нежелательных действий обвиняемого либо для обеспечения исполнения приговора.

Особую разновидность юридической цели образует цель, сформулированная в виде задачи.

Цель-задача – ориентир, который сформулирован более конкретно и отражает не только «конечный пункт», но и пути, по которым можно туда

---

[1] См., например: Чельцов-Бебутов М.А. Цель уголовного процесса и организация окончательного производства. Киев, 1925. С. 1.

[2] См.: Дагель П.С. Взаимодействие уголовного материального и процессуального права. // Правоведение. 1972. № 2.

[3] Малько К.В., Шундиков К.В. Указ. соч. С. 57-62.

добраться. Задача в тексте правового акта всегда формулируется более или менее детально, она предполагает совершение конкретных действий, использование определенных юридических средств в заданных условиях и в установленные сроки[1].

Примером в данном случае может служить статья 109 УПК РФ, устанавливающая обязанность прокурора, следователя, органа дознания или судьи принимать заявления и сообщения о любом совершенном или подготовляемом преступлении и принимать по ним решения в срок не более трех суток со дня получения заявления или сообщения, а в исключительных случаях – в срок не более десяти суток. Очевидно, что подобный способ формулирования правовой цели ставит правоприменительную практику в более жесткие юридические рамки, оставляют меньше простора для произвольного толкования правовых установлений правоприменителем.

Прием формулирования процессуально-правового ориентира в форме задачи законодатель использует весьма широко, обозначая им и весьма конкретные целевые установки отдельных субъектов юрисдикционного процесса и достаточно общие по содержанию цели тех или иных нормативно-правовых актов, и даже общеотраслевые процессуальные ориентиры. Так, например, именно в форме задач сформулированы цели уголовного судопроизводства в ст. 6 УПК РФ; задачи арбитражного судопроизводства в ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ; задачи производства по делам об административных правонарушениях в ст. 24.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Еще одним типичным способом формулировки процессуальных правовых целей является цель-мотив. В данном случае образ будущего результата отражается в тексте правового документа не прямо, а как бы завуалировано – путем описания мотивации, разъяснение смысла, значения

---

[1] См.: Пастушенко Е.Н. Цели и функции административной ответственности // Правоведение. 1987. № 3. С. 36.

существования определенного нормативного акта, конкретного юридического средства либо деятельности субъекта.

Цели и мотивы как субъективно-психологические феномены весьма тесно взаимосвязаны друг с другом. Такая связь проявляется в том, что в сфере человеческой практики цели и мотивы могут превращаться друг в друга[1]. В связи с этим, полагаем, что в рамках правовой телеологии приемлемым подходом является рассмотрение мотива как особой разновидности правовых целей, выделяемых по признаку формы объективного выражения и по способу логико-текстуальной формулировки.

Одной из классификаций целей процессуально-правового характера является их деление на *официальные и неофициальные*[2]. Данная классификация связана со сложной противоречивой природой процессуально-правовых отношений, в которых официальным установкам государственной власти нередко противостоят неофициальные ориентиры конкретных участников процессуальных отношений.

Официальные ориентиры процессуально-правового регулирования как правило получают свою формализацию в законодательных текстах. Целевые же установки участников юрисдикционного процесса нередко могут иметь некоторые отклонения от содержания таких ориентиров. При этом, степень такого отклонения неофициальных ориентиров может колебаться от незначительного до весьма существенного, при котором цель субъекта уже нельзя характеризовать не только как официальную, но и как правовую. В последнем случае целевые установки государственной власти, выраженные в тексте закона и цели субъекта находятся в противоречии, прямом конфликте. Сведение таких противоречий к минимуму – важная задача, связанная с реализацией воспитательного воздействия на субъектов правоотношений.

---

[1] См.: Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1959. С. 195.

[2] См.: Элькинд П.С. Указ. соч. С. 56-59.

Приведенные нами классификации целей процессуально-правового регулирования, безусловно, не охватывают всех возможных подходов к видовой характеристике данного правового феномена. Целевые установки в процессуальном праве отличаются значительным многообразием, что позволяет обосновать значительное число классификационных критериев.

Целевые аспекты процессуально-правового регулирования весьма тесно связан с его *функциональными характеристиками*.

Функциональный подход в общей теории права чаще всего выражается в постановке и рассмотрении проблем, связанных с функциями права. Само понятие функций права возникло в отечественной правовой науке в 60-е годы прошлого века в работах И.Е. Фарбера и С.С. Алексеева. Дальнейшее его развитие связано с работами таких ученых, как: Т.Н Радько, В.Н. Синюков, В.М. Горшенев и др. Сложившееся в работах этих авторов классическое понимание функций права как основных направлений его воздействия на общественные отношения и сегодня является общепризнанным подходом. Под функциями права в учебной литературе предлагают понимать: «основные направления воздействия права на общественные отношения и поведение людей»[1], «основные пути (каналы) правового воздействия, выражающие роль права в упорядочении общественных отношений»[2].

При этом функции права принято рассматривать в двух плоскостях, в зависимости от того, освещаются ли они в специально-юридических (узких) или в общесоциальных (более широких) рамках. В числе общесоциальных (внешних) функций обычно выделяются: экономическая, политическая, воспитательная, культурно-историческая, инфомационно-коммуникативная, социального контроля. Данные аспекты действия права включаются в понятие «правовое воздействие», и в строгом смысле слова не относятся к правовому

---

[1] См.: Теория государства и права: Учебник для вузов. 2-е изд., изм и доп. / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 2000. С. 247.

[2] Матузов Н.И, Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М., 2001. С. 167.

регулированию как специально-юридическому воздействию права на общественные связи.

На внутреннем или «специально-юридическом» уровне обычно выделяют две основных функции права – регулятивную и охранительную[1]. При этом первая нередко подразделяется на два направления воздействия: регулятивное статическое и регулятивное динамическое[2].

Регулятивно-статическая функция права связывается главным образом со стабилизацией общественных отношений путем закрепления их идеальных юридических моделей. Наиболее отчетливо она выражается в определении основ государственного и общественного устройства, правового статуса различных категорий субъектов права, компетенции государственных органов и должностных лиц, определении границ правовой свободы. Данная функция реализуется с помощью управомочивающих и запрещающих правовых норм и возникающих на их основе отношений пассивного типа, в которых субъекты права сами по собственной инициативе проявляют правовую активность[3].

Регулятивно-динамическая функция выражается в воздействии права на социальные связи посредством оформления должных юридических моделей их развития, движения, трансформации. Ее реализация связана с использованием преимущественно обязывающих правовых норм и предполагает формирование правовых отношений активного типа.

Вместе с тем, в научной литературе, в частности в работах В.П. Реутова, высказана идея о том, что статическое и динамическое начала присущи в равной степени и регулятивной и охранительной функциям права. При этом В.П. Реутов высказывает интересное для нас предположение о том, что

---

[1] См., например: Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. Волгоград, 1970. С. 38-42.

[2] См., например: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1 М., 1981. С. 191-196.

[3] См.: Теория государства и права: Учебник под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. С. 247.

«наличие статического и динамического аспектов связано с выделением процессуальных норм, институтов и отраслей права»[1].

Наконец, охранительная функция права выражается в охране и защите наиболее значимых для общества отношений и вытеснение нежелательных и опасных социальных связей. Она связана с использованием преимущественно ограничительных правовых средств (обязанностей, запретов, санкций и т.п.) и носит вторичный, производный от регулятивной функции характер, поскольку осуществляется как бы в дополнение к ней в случаях, когда нарушается нормальный процесс регулирования тех или иных социальных связей, когда его развитию мешают какие-либо препятствия[2]. Кроме того, некоторые правоведы отмечают, что данная функция вступает в действие не только тогда, когда совершено нарушение закона, но имеет и превентивное (предупредительное) значение[3].

Следует отметить, что разграничение на теоретическом уровне регулятивной и охранительной функций права не вполне соответствует традиционному пониманию категории «правовое регулирование», отражающей процесс упорядочивания социальных связей при помощи всей системы юридических средств (и стимулирующего и запретительно-ограничительного характера). В связи с этим, функция охраны социальных связей через конструирование охранительных правоотношений, по нашему мнению, должна быть рассмотрена как составляющая (подфункция) правового регулирования или как его особая разновидность.

Помимо названных основных специально юридических функций права, в литературе упоминаются и его некоторые другие неосновные собственно-юридические функции, в частности такие, как: оценочная (право выступает

---

[1] Реутов В.П. Структурирование правовой системы как выражение ее функциональных возможностей. Автореф. дисс. в виде научного доклада… д.ю.н. Нижний Новгород, 2004. С. 22.

[2] См.: Матузов Н.И, Малько А.В. Указ. соч. С. 169.

[3] См., например: Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2008. С. 209.

критерием правомерности или неправомерности чьих-либо решений или поступков)[1]; компенсационная (право – основание для возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями различных субъектов); ограничительная (связана с ограничением законом действий лиц, ущемляющих права других лиц); восстановительная (связана с восстановлением нарушенных прав, утраченного правового положения и т.п.)[2] и др.

Достаточно обоснованным, по нашему мнению, подходом является предложенный Т.Н. Радько и поддержанный рядом авторитетных правоведов подход к построению системы функций права, базирующийся на понятии структуры системы права и выделяющий пять групп функций права: общеправовые (присущие всем отраслям права); отраслевые (присущие отдельным отраслям права); межотраслевые (присущие двум и более отраслям права); функции правовых институтов; функции отдельных правовых норм[3].

С вышеприведенной классификацией правовых функций в целом можно согласиться. Вместе с тем можно заметить, что она охватывает лишь нормативно-институциональный уровень правовой системы и не отражает функции иных ее сегментов: правового сознания, юридической практики, правовых отношений и др.

Кроме того, структурирование правовой системы в аспекте инструментального подхода к праву, позволяет поставить проблему функций отдельных юридических средств, как институционального характера (запреты, санкции, дозволения, исключения, обязывания и др.), так и правореализационного, «технологического» характера (правореализационные и правоприменительные операции, акты-действия и т.п.).

Вышеприведенные теоретические положения могут стать отправными пунктами при рассмотрении функций процессуально-правового

---

[1] См.: Теория государства и права: Учебник под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. С. 248.

[2] См.: Морозова Л.А. Указ. соч. С. 209.

[3] См.: Реутов В.П. Указ. соч. С. 21.

регулирования. Однако, при этом следует преодолеть несколько теоретических затруднений.

Первое из них связано с необходимостью разграничения объема и содержания таких понятий, как функции процессуального права и функции процессуально-правового регулирования. Сложность в данном случае связана с некоторым логическим противоречием. Оно заключается в том, что правовое регулирование само по себе является функцией процессуального права, как системы нормативных установлений. С другой стороны, нам следует разобраться в вопросе о том, какие функции выполняет процессуально-правовое регулирование (то есть функция процессуального права).

Поэтому, говоря о функциях процессуально-правового регулирования, в строгом смысле слова корректно было бы вести речь только о подфункциях, то есть более узких, конкретных направлениях воздействия права, осуществляемых в рамках регулятивного воздействия. В противном случае, допуская отождествление понятий «функции процессуального права» и «функции процессуально-правового регулирования»[1], по сути, означало бы также отождествление более общих родовых абстракций «право» и «правовое регулирование». Последнее же представляется нам методологически некорректным подходом.

Второе методологическое затруднение связано с некоторой методологической «родственностью» понятий «цель» и «функция». Тесная диалектическая связь целей и функций как характеристик любой социальной практики, связано с тем, что понимание функции как направления воздействия изначально несет в себе целевой контекст. Любое направление воздействия (права, отдельной правовой отрасли, нормы и т.п.) предполагает воздействие по направлению к какому-либо ориентиру (системе ориентиров), ведь направление без ориентира есть нонсенс.

---

[1] Понимание функций права и функций правового регулирования в качестве синонимичных понятий встречается в научной литературе. См., в частности: Реутов В.П. Указ. соч. С. 13-14.

Цель как идеальный образ результата предопределяет наличие тех или иных направлений и форм правового регулирования, а также во многом детерминирует их содержание, инструментальную обеспеченность и прочие характеристики. С другой стороны, любая функция права или правового регулирования является целенаправленным воздействием, служит достижению тех или иных правовых целей.

Отмеченная взаимосвязь данных понятий на уровне теоретического познания обуславливает возможность их взаимозаменяемости, взаимопереходов. Так, например, одни и те же процессуально-правовые феномены (установление объективной истины по делу, юридическая квалификация, применение мер пресечения, вынесение решения по делу и т.п.) могут быть рассмотрены и как цель и как функция в зависимости от смыслового контекста.

Близость понятий «цель» и «функция» и отражаемых ими явлений проявляется также в постановке на теоретическом уровне проблемы так называемых «функциональных целей», отражающих результаты правового регулирования, выражающиеся в тех или иных динамических процессах, поведении субъектов. Другая группа правовых ориентиров – «предметные» цели отражают помимо этого также и материальные результаты значимой деятельности[1]. Таким образом, получается, что любая правовая цель несет в себе информацию о функциональных характеристиках отражаемых объектов.

Процессуальное право, как особая правовая форма имеет собственное целевое и функциональное назначение, характеризуется самостоятельными направлениями воздействия на регулируемые отношения. Так, например, в учебной литературе уже догматический характер приобрел тезис о служебной роли процессуального права по отношению к праву материальному, на процессуальные нормы смотрят как на обладающие своего рода

[1] См., например: Экимов А.И. Категория «цель» в советском праве… С.37.

вторичностью,[1] именно в том смысле, что они и выступают наиболее универсальными гарантиями верной реализации материальных норм.

Следует отметить, что такая характеристика назначения процессуального права отражает его главное назначение в общей системе позитивного права. Она в наиболее абстрактной форме отражает функциональную роль всех процессуальных отраслей и может быть рассмотрена в качестве одной из основополагающих функций процессуального права.

Вместе с тем, полагаем, что приведенная характеристика отражает функциональную роль процессуальной формы недостаточно полно. Как резонно замечает в этой связи А.А. Павлушина, «в настоящее время одним из гуманитарных достижений всего опыта существования человеческого сообщества является понимание, что любая процедура, любые процессуальные нормы, обслуживающие материальное право, помимо функции такого «обслуживания», имеют самостоятельную содержательную ценность»[2]. Ей вторит Е.Г. Лукьянова, подчеркивая, что процессуальное право – есть самостоятельный правовой блок, имеющий собственный предмет правового регулирования, единство особенностей методов процессуального регулирования, единые цели, функции и задачи правового регулирования[3].

Полагаем, что наряду с функцией формирования механизмов реализации материального права, процессуальному праву присуще также выполнение таких общих функций, как: придание определенным видам деятельности и отношений юридической значимости; защита субъективных прав и законных интересов в процессе юрисдикционной деятельности и вынесения правовых актов; обеспечение режима законности в деятельности государственных

---

[1] См.: Тихомиров Ю.А. Проблемы развития процессуального права. // Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства. По материалам научно-практической конференции. Москва, 28 мая 2001г. М., 2001. С.10.

[2] Павлушина А.А. Процессуально-правовая политика// Российская правовая политика. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2003. С. 417.

[3] См.: Лукьянова Е.Г. Процессуальное право и его место в структуре права. Автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2000. С. 18.

органов власти и должностных лиц, применяющих нормы материального права. Очевидно, что с точки зрения положений общей теории права процессуальное право выполняет регулятивно-динамическую и охранительно-динамическую функцию.

Функциональный подход к праву предполагает выделение функций на различных уровнях правового регулирования применительно к тем или иным структурным компонентам системы права. Как верно отмечает В.П. Реутов: «существуют функции различных уровней. Каждому уровню функций соответствует определенная система. Между уровнями существует тесная взаимосвязь. Каждая функция остается частью уже имеющейся более общей функции»[1].

Осмысление приведенного тезиса применительно к объекту нашего исследования приводит к выводу о том, что в системе процессуального правового регулирования следует выделять несколько уровней функций в соответствии со структурным строением системы правового регулирования. При этом полагаем необходимым учитывать как традиционный предметно-институциональный, так и инструментальный аспект рассмотрения системы права.

В соответствии с таким подходом в структуре правового регулирования представляется возможным выделять следующие уровни выделения функций: 1) функции отдельных процессуальных отраслей и подотраслей права; 2) функции отдельных процессуальных правовых институтов и субинститутов; 3) функции отдельных процессуальных правовых средств нормативного характера; 4) функции отдельных процессуальных правовых средств правореализационного характера.

Приведенная система функций правового регулирования весьма тесно коррелирует со структурой его телеологического компонента, что представляется закономерным с учетом уже упомянутой нами тесной

[1] Реутов В.П. Указ. соч. С. 25.

взаимосвязи, соотносимости и взаимообусловленности целей и функций правового регулирования. Каждый структурный уровень функций детерминируется соответствующими данному уровню целями и задачами правового регулирования и определяется ими.

Так, каждая специальная отрасль процессуального права выполняет свои специфические функции, определяемые целевой ориентацией данной системы норм. Например, задачи гражданского судопроизводства, упомянутые в ст. 2 ГПК РФ – правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел, защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов гражданских, трудовых или иных правоотношений, укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, формирование уважительного отношения к закону и суду – вполне могут быть рассмотрены и в качестве основополагающих функций данной отрасли права. Телеологический или функциональный аспект трактовки данных понятий зависит от того, рассматриваются ли они в качестве ориентиров, потенциальных результатов правового регулирования или же в качестве специфических форм воздействия процессуальных норм и институтов на регулируемые отношения.

Достаточно оживленная дискуссия ведется в рамках уголовно-процессуальной науки по вопросу о функциях уголовного процесса[1]. Классическим можно назвать подход, обосновывающий существование трех основных уголовно-процессуальных функций: обвинения, защиты и разрешения дела[2]. Сочетание трех названных функциональных начал обнаружило себя еще в российском дореволюционном судопроизводстве (после судебной реформы 1864 г.).

---

[1] См.: Конин В.В. Уголовно-процессуальные функции: дискуссия не закончена// Уголовное судопроизводство. 2008. № 2. С. 2-4.

[2] См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1; Нажимов В.П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1973. № 5; Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. И др.

Существуют и другие подходы к рассматриваемой научной проблеме. Так, например, В.Г. Даев предложил классификацию функций уголовного процесса, основанную на таком критерии, как специфика интересов субъектов, участвующих в процессуальном производстве. Он выделяет такие функции, как: расследование уголовного дела; 2) прокурорский надзор за соблюдением законности в ходе уголовного судопроизводства; 3) защита личных процессуальных интересов; 4) оказание содействия в ходе уголовного судопроизводства[1]. Р.Д. Рахунов, помимо упомянутых трех «классических» уголовно-процессуальных функций, называет и такие, как: расследование уголовного дела, поддержание гражданского иска и защиту от него[2].

По мнению П.С. Элькинд, к функциям уголовного процесса относятся: 1) установление, проверка данных относительно преступлений, их расследование; 2) функция обвинения; 3) функция защиты; 4) функция судебного рассмотрения и разрешения дела; 5) вспомогательные функции (связаны с деятельностью таких участников процесса, как свидетели, переводчики, секретари судебных заседаний и т.п.); 6) побочные функции (выражаются в процессуальных действиях гражданского истца и гражданского ответчика или их представителей)[3].

Не углубляясь далее в дискуссию о функциях уголовно-процессуального регулирования, заметим, что последние из приведенных точек зрения демонстрируют универсальность функционального подхода при рассмотрении процессуально-правовой формы. По сути, они отражают функции отдельных стадий или субъектов уголовного судопроизводства, которые, конечно же, не являются общими функциями последнего как специфической правовой отрасли.

---

[1] См.: Даев В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1974. № 1. С. 72.

[2] См.: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 10-11.

[3] См.: Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., Изд-во Ленинградского университета, 1963. С. 66.

В области уголовно-процессуального регулирования можно обнаружить весьма многообразные направления воздействия правовых норм, механизмов, процессуальных стадий, отдельных процессуальных правовых средств, конкретных субъектов – участников процесса. При этом, такие функции всегда весьма тесно связаны друг с другом, а также с теми или иными целями, представляют собою их отражение, направлены на их практическую реализацию. В связи с этим, разделяем позицию Л.Б. Алексеевой, по мнению которой «необходимо обратить внимание на два непреложных методологических правила, которые следует соблюдать при функциональном анализе уголовно-процессуальной деятельности: а) анализу функций должен предшествовать тщательный анализ задач и целей уголовного судопроизводства, поскольку каждая функция прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно вытекает из задач и целей процесса; б) в любой выделенной системе функций должна четко просматриваться связь между ними, поскольку функции всегда взаимосвязаны»[1].

В связи с этим полагаем, что наиболее обоснованным методологическим подходом при исследовании функций процессуально-правового регулирования является многоуровневый функциональный анализ корреспондирующий аналогичному анализу целевого аспекта процессуальной формы.

Тесная связь целей и функций процессуально-правового регулирования выражается также в феномене взаимных «переходов» этих явлений друг в друга. Последнее явление связано с тем, что одно и то же направление или форма процессуальной деятельности нередко может быть рассмотрена и как соответствующий ориентир и как функциональная характеристика процессуального производства. Так, например, очевидно, что в статье 2 ГПК задачи гражданского судопроизводства сформулированы в виде

[1] Алексеева Л.Б. Уголовно-процессуальные функции// Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М.: Юридическая литература, 1989. С. 423.

функциональных целей, которые могут трактоваться одновременно и в качестве процесса и в качестве результата этого процесса.

Цели процессуального правового регулирования вообще носят преимущественно функциональный характер, что создает предпосылки для их понимания одновременно в качестве соответствующих функций. Примерами подобных формулировок целей (задач) отраслевого процессуального правового регулирования в текстах законодательства могут служить уже упоминаемые нами ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ; ст. 6 УПК РФ; ст. 24.1. Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Подобная же корреляция целей и функций прослеживается и на других уровнях процессуального правового регулирования.

2. Понятие и признаки средств процессуально-правового регулирования

Важным аспектом научного познания феномена процессуально-правового регулирования является рассмотрение его инструментальной стороны, познание тех средств и механизмов, при помощи которых осуществляется процесс специально-юридического воздействия на юрисдикционные отношения.

Актуальность и необходимость исследования проблемы процессуально-правовых средств связана с тем, что такое исследование:

1. Дает возможность более глубокого познания сущности и процессуальной формы в целом, отразить ее прикладную сторону, дополнить понимание ее функционального и служебного назначения в общественной и правовой жизни, особое место в общей системе правового регулирования;

2. Расширяет представление о системном характере процессуально-правового регулирования, позволяет показать тесную логическую, структурную и функциональную взаимосвязь процессуально-правовых инструментов. В конечном счете речь идет о понимании механизма процессуально-правового регулирования как целостной системы;

3. Дает возможность дать оценку действующему законодательству на предмет его социальной адекватности, сопоставить целевую, программную сторону развития процессуально-правовой материи с ее инструментальным ресурсом. Последнее особенно важно в связи с быстрыми темпами развития и усложнения социальных отношений в современном обществе (в частности, в российском), что требует адекватного совершенствования юридических процедур;

4. Позволяет более успешно решать ряд практических задач правового регулирования, на основе соответствующих обобщений – предложить конкретные рекомендации для законодателя и субъектов правоприменения по вопросам наиболее целесообразного, оптимального и эффективного использования тех или иных правовых средств.

5. сформулировать некоторые обобщения и рекомендации, связанные с оптимизацией работы тех или иных правовых инструментов.

Фундаментальным методологическим основанием нашего исследования для решения задачи познания сущности процессуально-правовых средств будут выступать положения инструментальный подхода или инструментальной теории права[1]. Суть инструментального подхода в правовой науке в краткой форме достаточно просто выражается на уровне принципиальной идеи. Квинтэссенцию инструментальной исследовательской программы образует понимание того, что одним из существенных свойств, как права в целом, так и его отдельных элементов является их способность быть средствами достижения тех или иных целей, выполнять в правовой системе служебную роль. Иными словами, речь идет о познании неких инструментальных качеств позитивного права.

Согласно базовым положениям инструментального подхода в правовой системе обособляются различного рода инструменты, образующие

[1] См., например: См.: Сапун В.А. Инструментальная теория права в юридической науке// Современное государство и право. Вопросы теории и истории. Сб. науч. трудов. Владивосток, 1992; Шундиков К.В. Инструментальная теория права – перспективное направление научного исследования// Правоведение. 2002. № 2.

относительно самостоятельные механизмы, режимы регулирования, определяющие особенности «работы» права на различных участках и стадиях правового регулирования[1].

Инструментальное видение правовых феноменов обусловило, в свою очередь, известную тематическую ориентацию научных исследований юристов, направляло их мысль на постановку и решение определенного круга проблем. Так, для отечественной теории права такими проблемами выступали, в частности: регулятивная ценность права, сущность правового регулирования, функции, формы, методы, способы, типы, механизмы действия права и правового регулирования, реализация правовых норм и др.

В рамках отраслевых юридических исследований множество научных работ российских и советских правоведов было посвящено вопросам инструментального анализа отдельных юридических инструментов: правовых норм, институтов, субъективных прав, обязанностей, запретов, мер ответственности и пр.

Одной из центральных понятийных конструкций инструментального подхода к праву, играющей важную методологическую роль в отраслевых правовых исследованиях, является *понятие «юридические средства»*. Первоначально эта проблематика была поставлена в области цивилистической науки[2], а затем и на общетеоретическом уровне[3]. Понятие «правовое средство» широко применяется и на отраслевом уровне по отношению к самым разным правовым явлениям, нередко без четкого определения его смысловых границ[4].

---

[1] См.: Сапун В.А. Указ. Соч. С.18.

[2] См.: Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.,1984 ; Его же: Правовые средства обеспечения эффективности производства. М.,1980; Баринов Н.А. Имущественные потребности и гражданское право. Саратов, 1987.

[3] См.: Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация// Светское государство и право. 1987 № 6.

[4] См., например: Штефан М.И. Процессуальные средства, обеспечивающие защиту прав в гражданском судопроизводстве. Дисс. докт. юрид. наук. Киев, 1973; Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976; Шевченко Я.Н. Средства защиты в гражданском праве// Советское государство и право. 1977. № 7; Материальное право и

Вопрос об объеме и содержании самого понятия «правовое средство» до сих пор продолжает оставаться дискуссионной научной проблемой. Обобщив высказанные в специальной литературе позиции, представляется возможным выделение трех принципиальных теоретической подходов к ее решению.

Суть первого из них кратко можно выразить в формуле: «правовые средства – это явления правовой материи». Данный подход представлен в работах таких ученых, как С.С. Алексеев и В.А. Сапун, которые трактуют правовые средства как «субстациональные», «институциональные» правовые явления, «правовые установления». Так, например, С.С. Алексеев правовые средства как «объективированные субстанциональные правовые явления, обладающие фиксированными свойствами, которые позволяют реализовать потенциал права, его силу»[1].

По мнению В.А. Сапуна, понятие «правовые средства» охватывает группу юридических явлений, составляющих «субстанцию права». Правовые средства, по его мнению, есть «явления-регуляторы», «первичные центры правовой действительности», вокруг которых группируются иные правовые явления. Таковы, в частности: нормы права, правоотношения, правоспособность, правомочия и компетенция, субъективные права и обязанности, договоры, юридическая ответственность и меры защиты. К этой же категории правовых явлений следует отнести разнообразные правовые формы: нормативно-правовые акты, индивидуальные акты и прочие юридические документы, юридическая техника[2].

При этом разнообразные элементы юридической деятельности, активность субъектов принимающих, толкующих, применяющих право на практике,

---

процессуальные средства его защиты. Сборник научных трудов. Калинин, 1981; Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984; Шугаев А.А. Правовые средства укрепления трудовой дисциплины и борьбы с текучестью кадров. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 1985; Баринов Н.А. Имущественные потребности и гражданское право. Саратов, 1987; Правовые средства и методы защиты законопослушного гражданина. Вестник Нижегородского государственного университета. Н.Новгород, 1996.

[1] Алексеев С.С. Теория права. М., 1995.С. 223.

[2] См: Сапун В.А. Право. Правовые средства. Правосознание. СПб., 2012. С. 33-34.

согласно данной точке зрения не охватываются понятием «правовые средства». Юридическая деятельность находится в иной плоскости правовой действительности. Хотя она и осуществляется с использованием правовых средств, тем не менее, к самим правовым средствам она не может быть причислена[1].

Другая точка зрения на рассматриваемую проблему в своей исходной идее является прямо противоположной вышеприведенной. Ее суть упрощенно можно выразить в тезисе: «правовые средства – это юридическая деятельность».

Данный подход был предложен Б.И. Пугинским применительно к сфере хозяйственных отношений. По его мнению, следует принимать во внимание, что юридические нормы, правовые институты, правоотношения и другие «традиционные понятия» юридической науки не являются однопорядковыми с такими явлениями как договор, внедоговорное обязательство, меры имущественной ответственности и т.п., следовательно термин «правовые средства» должен относиться к неким «сущностям», для обозначения которых требуется новое понятие, таких, которые не укладываются в содержание традиционных терминов[2].

Согласно концепции Б.И. Пугинского, правовые средства «представляют собой сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества»[3].

Наконец, третий подход в понимании феномена правовых средств можно назвать широким или комплексным, поскольку он, по сути, является синтезом

двух вышеописанных точек зрения. Данный подход обосновывается в работах таких авторов, как А.В. Малько и К.В. Шундиков. Его суть можно свести к

---

[1] См.: Там же. С. 34.

[2] См.: Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984 С. 84-85.

[3] Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 87.

формуле: «правовые средства есть явления правовой материи (правовые установления) плюс юридическая деятельность (практика)».

В частности, А.В. Малько под правовыми средствами предлагает понимать «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей»[1]. К.В. Шундиков определяет правовые средства как взятую в единстве систему «правовых установлений (инструментов) и форм правореализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей»[2].

Применительно к процессуально-правовым средствам данную точку зрения высказывает, в частности С.К. Струнков, который полагает, что «процессуально-правовые средства представляют собой такие правовые инструменты и деяния, при помощи которых обеспечиваются интересы субъектов юридического процесса»[3].

Плюрализм мнений в данном случае представляется неизбежным этапом развития теоретического знания и обуславливается, как различиями в исходных методологических установках исследователей, так и сложностью исследуемого объекта. Не в последнюю очередь он связан и с многозначностью самой категории «средство», являющегося общеупотребительным, общенаучным и философским понятием с весьма широким объемом и содержанием.

Так, в максимально абстрактном философском контексте средство есть любой феномен, опосредующий процесс достижения той или иной задачи,

выступающий «связкой» цели субъекта и соответствующего результата его деятельности. В качестве средства можно рассматривать и самого человека, его

---

[1] Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики. // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 69.

[2] Шундиков К.В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект). Автореф. дисс…. канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 13.

[3] Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики. Саратов, 2005. С. 28.

сознание, волю, интеллектуальные и физические способности, таланты, трудовую активность, его преобразующее воздействие на природу[1].

Наконец средствами достижения определенных результатов являются конкретные инструменты, механизмы, орудия труда, используемые человеком на практике. Средствами могут выступать различные природные явления, а также социальные процессы (политические, экономические, научно-технические, культурно-нравственные и др.).

Термин «средство» отличается многозначностью, своеобразной универсальностью, в связи с чем, его можно употреблять для обозначения самых различных по природе явлений. Данная особенность рассматриваемого термина достаточно очевидно проявляется и в рамках правовой науки.

Не углубляясь в дальнейшую дискуссию о понятии правового средства, полагаем необходимым выразить свою солидарность с последним из вышеприведенных общетеоретических подходов к данной проблеме. По нашему мнению, при рассмотрении инструментального аспекта правового регулирования наиболее методологически перспективным является комплексный подход, позволяющий охватить единым понятием «правовые средства», как соответствующие институциональные структуры позитивного права, так и многообразные средства правореализационной практики, элементы «юридической технологии», при помощи которых обеспечивается достижение поставленных в праве задач. Достаточно развернутую и убедительную научную аргументацию методологических преимуществ подобного подхода к понятию правовых средств приводят в своих работах А.В. Малько и К.В. Шундиков.

Применительно же к сфере процессуального правового регулирования данный подход, представляется бесспорно наиболее оптимальным. Ведь процессуальная правовая форма по прямому своему назначению направлена на

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 357.

формирование «живых», действующих «технологических механизмов», которые своей работой должны гарантированно обеспечивать решение определенных задач на тех или иных этапах правового регулирования.

Любой процессуальный правовой инструмент (срок, допрос, осмотр, освидетельствование, обыск, арест, оспаривание, заявление, жалоба, возражение, взыскание, обжалование решения, пересмотр приговора и т.п.) существуют в структуре правовой системы и механизма процессуального регулирования, во-первых, как институциональные конструкции позитивного права и законодательства, и, во-вторых, как реальные процедуры и процессы, как элементы непосредственной практики реализации и применения закона. В противном случае, ценность подобных инструментов была бы равна нулю.

В связи со сказанным, полагаем, что при характеристике инструментальной стороны правового регулирования недопустимо не учитывать или недооценивать ни процессуальную «технику», ни процессуальную правовую «технологию». Только комплексный подход к проблеме в данном случае является оправданным.

Вместе с тем, данный подход, отнюдь не означает, что объединяя институты и деятельность в содержании общего родового понятия «процессуальные правовые средства», мы смешиваем эти две категории правовых инструментов, нивелируем их специфику, особенности их природы, функциональные характеристики и т.д. Последнее также было бы недопустимым упрощением. Особенности этих двух групп процессуальных средств, вполне могут быть исследованы и описаны в рамках предлагаемого теоретического подхода.

Вышеприведенные методологические и теоретические обобщения позволяют нам на настоящем этапе исследования сформулировать рабочее понятие процессуально-правовых средств.

Процессуально-правовые средства – целостная система объективированных в процессуально-правовых актах (нормативных, правореализационных и правоприменительных) инструментов и механизмов,

позволяющих гарантированно достигать цели и задачи процессуально-правового регулирования, реализовывать права и законные интересы участников процессуально-правовых отношений.

Понимание сущности и специфической природы средств процессуального права предполагает рассмотрение их закономерных свойств, характеристик, отражающих, с одной стороны, их инструментальную сущность, а, с другой, позволяющих отграничить их от иных средств, используемых в области правового регулирования социальных связей.

Прежде всего, в качестве важнейшей характеристики рассматриваемой группы правовых средств выступает их *процессуально-правовая природа*. Данное свойство связано с тем, что, во-первых, данные средства являются феноменами правового характера, они объективированы в структурах правовой системы общества (юридических нормах, институтах, положениях законодательства и правоприменительных актов-документов, правореализационных деяниях и др.), выступают элементами механизма процессуально-правового регулирования

По данному критерию можно отличить рассматриваемые инструменты от иных средств, применяемых в области юридической практики, но не обладающих юридической природой (экономических, политических, культурных, научно-технических, идеологических, информационных, субъективно-психологических и др.).

В научной литературе обоснованно отмечается, что средства, применяемые в сфере юридической практики, не ограничиваются собственно правовым инструментарием, а предполагает также широкое использование политических, экономических, научно-технических и прочих инструментов[1].

И.А. Майдан отмечает, что к средствам процессуально-правовой политики целесообразно относить как инструменты сугубо юридической природы, так и технологии, влекущие юридически-значимые последствия, но, по сути,

[1] См., в частности: Элькинд П.С. Указ. соч. С. 40; Малько А.В., Шундиков К.В. Указ. соч. С. 66-67.

правовыми средствами не являющиеся. В последнюю группу средств он включает, в частности, финансово-экономические, материально-технические, информационные, политические, идеологические средства[1].

Полагаем, что подобный теоретический подход может считаться корректным применительно к понятию процессуально-правовой политики, понимаемой как целенаправленная деятельность, связанная с преобразованием, совершенствованием сферы процессуально-правового регулирования (законодательства, практики и т.п.). Правовая материя в таком контексте выступает объектом воздействия и ее преобразование действительно опосредуется применением весьма разнообразных по природе инструментов.

Что же касается процессуально-правового регулирования, как специально-юридического воздействия на общественные отношения, то средствами такого регулирования следует признавать лишь правовые по природе явления и процессы.

Кроме того, специфика рассматриваемой группы средств связана также с тем, что их формализация и функционирование непосредственно связано с особой сферой правовой материи – процессуальным правом. Данное обстоятельство высвечивает их особенности в общей системе правовых инструментов, в числе иных регулятивных феноменов правовой системы

Процессуально-правовые средства существуют, функционируют и взаимодействуют не иначе как в рамках процессуально-правовой формы. Они формализованы в нормах процессуального права, процессуальных актов-документов (исковые заявления, жалобы, возражения, показания, протоколы, постановления, решения, приговоры и т.п.) и актов-действий (допросы, выемки, обыски, осмотры, экспертизы, освидетельствования, вынесение и оглашение решений и др.)

---

[1] См.: Майдан И.А. Процессуально-правовая политика современной России: проблемы теории и практики. Диссертация… к.ю.н. Краснодар, 2009. С. 92-95.

Особенности процессуальной правовой формы обуславливают и специфические задачи, на достижение которых направлено использование процессуального правового инструментария. Цели и задачи применения этих инструментов в специально-юридическом контексте также отличаются процессуальным характером. Так, например, вся система уголовно-процессуальных средств российского права призвана «работать» на достижение общеотраслевых задач, обозначенных в ст. 6 УПК РФ.

Каждое конкретное правовое процессуальное средство, в свою, очередь служит достижению тех или иных целей процессуального характера. Так, например, мировое соглашение как правовой инструмент призвано выступать способом оперативного и взаимовыгодного для сторон урегулирования процессуального спора. Допрос свидетеля направлен на получение информации, установление фактов и обстоятельств, имеющих непосредственное значение для дальнейшего развития юрисдикционного процесса и вынесения законного решения по делу.

Средства процессуального права неразрывно *связаны с процессуальными правовыми ориентирами*. Каждое правовое средство зачастую направлено на достижение нескольких правовых ориентиров. Любое правовое средство или механизм в идеале должен носить целесообразный и целенаправленный характер, сориентированы на решение тех или иных задач. В противном случае оно превратиться в «мертвое» правовое установление, использование которого способно привести к самым непредсказуемым последствиям. Кроме того, процессуальные правовые средства выражают собой один из закономерных способов формализации, объективизации целевых установок процессуально-правового регулирования.

Еще одной характеристикой средств процессуального правового регулирования является их *системность*, обусловленная их многочисленными структурными взаимозависимостями и функциональными связями. Группируясь определенным образом, они формируют особые процессуальные правовые механизмы, правовые режимы и в своей целостности образуют структуры

механизма процессуального-правового регулирования. Данный аспект процессуально правовой формы еще будет, нами затронут в последующих разделах работы.

Характеризуя процессуально-правовые средства следует также отметить и такое их свойство, как *обеспечительная, гарантирующая* по отношению к материальным средствам *роль*. Последнее связано с основным назначением юридического процесса – обеспечением надлежащей реализации материальных норм[1].

Процессуальные правовые средства, как и любой правовой инструментарий, *поддерживаются в своем практическом публично-политическим влиянием, разнообразными средствами государственного убеждения и принуждения.*

Так, немаловажное значение в обеспечении эффективного функционирования процессуального законодательства является информационная поддержка через средства массовой информации, обеспечивающая доведение соответствующих сведений до всех заинтересованных субъектов. Весьма значима в этом отношении также практика толкования положений процессуального законодательства, осуществляемая как в форме официальных интерпретаций со стороны государственных органов власти, так и в форме неофициального научного и профессионального разъяснения (комментарии к законоположениям, научные статьи, публичные выступления авторитетных правоведов и должностных лиц и т.п.).

Действие процессуальных правовых средств в необходимых случаях обеспечивается также мерами государственного принуждения, использованием ограничительных правовых средств, механизмов юридической ответственности, соответствующей практикой юрисдикционных органов.

---

[1] См.: Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003. С. 150.

Наконец, еще одной закономерной характеристикой процессуальных правовых средств является их потенциальная *результативность*. В своем практическом функционировании процессуальные правовые инструменты всегда приводят к тем или иным приводят к определенным юридически значимым последствиям. Последние могут быть охарактеризованы как положительные и демонстрировать эффективные (в той или иной степени) или быть отрицательными и свидетельствовать о неэффективном (дефектном) правовом регулировании.

Формирование определенного, точного содержания понятия «процессуально-правовые средства» требует провести его сопоставление и смысловое разграничение с некоторыми другими *близкими по содержанию понятиями* правовой науки.

Так, например, определенности требует ответ на вопрос в чем заключается принципиальная разница между средствами, способами и методами правового регулирования? В частности, в специально-научной литературе понятия «средство» и «метод» нередко рассматривают как синонимичные, тождественные по смысловому наполнению[1].

По нашему мнению, названные правовые категории все же целесообразнее различать как конструкты, отражающие различные правовые явления.

В трактовке понятия «метод правового регулирования» в российской правовой науке преобладает «широкий подход», согласно которому данный параметр отражает совокупность тех специфических черт, характеристик, которыми отличается регулятивное воздействие в рамках той или иной отрасли права. Метод выступает как один из критериев отраслевой дифференциации в системе позитивного права.

Так, П.С. Элькинд под методом правового регулирования понимает «совокупность (систему) органически единых и взаимосвязанных элементов,

---

[1] См., например: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. С. 71 и сл.

определенных средств воздействия на поведение людей в сфере общественных отношений»[1]. В другой своей работе она отмечает, что в число элементов метода уголовно-процессуального регулирования входят и определенные средства воздействия на поведение людей в сфере уголовно-процессуальных отношений, и юридическое положение субъектов уголовно-процессуальных прав и обязанностей, и специфика юридических фактов, вызывающих к жизни соответствующие правоотношения, их изменение и прекращение и порядок защиты правомочий, и характер применяемого государством принуждения и убеждения и некоторые другие компоненты[2].

С.С. Алексеев под методом правового регулирования понимает «приемы юридического воздействия, их сочетание, характеризующее использование в данной области общественных отношений того или иного комплекса юридического инструментария, средств юридического воздействия[3]. Специфические черты метода правового регулирования выражены, по его мнению, в особенностях правового статуса субъектов, в основаниях формирования правоотношений, способах определения их содержания, в юридических санкциях[4]. Подобные же рассуждения встречаются и в трудах иных правоведов[5].

В юридической науке принято говорить о существовании таких основных методов правового регулирования, как: централизованный и

---

[1] Элькинд П.С. Предмет и метод уголовно-процессуального регулирования// Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. Л., 1961. С. 81.

[2] См.: Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. С. 61-62.

[3] Алексеев с.С. Общая теория права. Т.1. С. 294.

[4] Там же. С. 295.

[5] См., например, Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974. С. 57-60; Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 89; Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования. Автореф. дисс… к.ю.н. Саратов, 2000. С. 15; Рукавишникова И.В. Метод финансового права. Автореф…д.ю.н. Саратов, 2004. С. 22.

децентрализованный; субординации и координации; учредительный, императивный, диспозитивный (дозволительный), поощрительный, рекомендательный.

Очевидно, что сами названия данных методов отражают специфику организационного, информационно-психологического, мотивационного воздействия на сознание и волю субъектов правоотношений со стороны соответствующих правовых конструкций. Подобное воздействие предполагает влияние не одного, а достаточно масштабной системы правовых инструментов. Поэтому, когда речь идет о методе правового регулирования, то данное понятие используется для того, чтобы охарактеризовать особенности использования всей совокупности юридических средств в рамках отдельной правовой отрасли (подотрасли).

Анализ научной литературы приводит к выводу о том, что аналогичную, по сути, смысловую нагрузку имеет в рамках правоведения понятие «способ правового регулирования». Оно также применяется для отражения особенностей организационного и информационно-мотивационного воздействия на субъектов правовых отношений. Вместе с тем, в отличие от понятия «метод правового регулирования» оно используется для характеристики более узких правовых явлений – отдельных правовых институтов, норм, конкретных правовых установлений.

Особенности традиционной методологии формирования понятия «способ правового регулирования» достаточно ярко проявляются в дефиниции, которую предлагает в своей диссертационной работе К.Е. Игнатенкова. «Способ правового регулирования, – пишет она, – это установленная в нормах права юридически значимая информация, содержащая позицию государства касательно существующих или будущих общественных отношений (недопустимость, необходимость, желательность либо нейтральная позиция – запрет, позитивное обязывание и дозволение соответственно), обладающая

свойством оказывать при помощи общего психологического и специального юридического механизма воздействие на поведение людей»[1].

В.Л. Кулапов и И.С. Хохлова полагают, что способ правового регулирования – «это основанная на государственной оценке социально значимых явлений система правовых предписаний, фиксирующая комплекс правовых средств, приемов и процедур их использования, с помощью которых осуществляется регулятивное воздействие на сознание и волю людей с целью достижения социально полезного результата»[2]. Данная позиция также подчеркивает информационно-регулятивную природу рассматриваемого феномена. В числе основополагающих функций способа правового регулирования авторы называют: оценочную, закрепительную, воспитательную, мотивационную, стимулирующую, ограничивающую, прогностическую, сбалансированного учета и выражения частных и публичных интересов общества[3].

В соответствии с классическим подходом, выделяется три основополагающих способа правового регулирования: обязывание, запрет и дозволение. Иные методологические подходы связаны только с ограничением количества таких способов[4], либо, наоборот, – с расширением их числа[5]. Очевидно, что приведенные понятия применимы лишь на уровне частного правового инструментария для отражения особенностей его влияния на волю и поведение людей.

Вместе с тем, они не подменяют понятия самого этого инструментария. Следовательно, не стоит смешивать правовые средства, с одной стороны, и методы, способы правового воздействия, с другой. Подобный вывод, по нашему

---

[1] Игнатенкова К.Е. Дозволение как способ правового регулирования. Автореф. дисс… к.ю.н. Саратов, 2006. С. 12.

[2] Кулапов В.Л., Хохлова И.С. Способ правового регулирования. Саратов, 2010. С. 62.

[3] См.: Там же. С. 142-152.

[4] В частности, В.М. Горшенев выделяет лишь запреты и дозволения. См. его монографию «Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе». М., 1972. С. 50.

[5] Так, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский дополняют число названных способов также способом рекомендации. См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 141.

мнению, полностью применим и к области процессуально-правового регулирования.

Учитывая вышеприведенные положения, а также принимая во внимания системный характер материи позитивного права, представляется вполне обоснованной точка зрения о том, что метод правового регулирования (как характеристика отрасли права) включает в себя способы правового регулирования (как характеристики отдельных регулятивных элементов отрасли). Так, И.В. Рукавишникова полагает, что структура метода финансового права «представляет собой уникальное сочетание способов правового регулирования, принципиально отличающее рассматриваемый метод от иных отраслевых методов»[1].

Экстраполяция приведенного тезиса на сферу процессуального правового регулирования подтверждает его убедительность. Сердцевину метода процессуального регулирования в целом образует сочетание таких способов правового регулирования, как обязанности и запреты, проявляющие себя на уровне отдельных процессуальных правовых средств и их сочетаний.

Менее распространен в процессуальном праве способ дозволения, еще более редкими являются рекомендации и поощрения. Это обстоятельство объясняет факт доминирование императивного метода регулирования в отраслях процессуального права. В целом такое положение дел представляется оправданным с учетом преимущественно охранительной направленности процессуального права.

Вместе с тем, полагаем, что потенциальные возможности рекомендаций и поощрений (еще не оцененные в должной степени российским законодателем) требуют более активного их использования при регулировании отдельных аспектов юрисдикционных отношений. Данная проблема будет нами затронута в дальнейшем более обстоятельно.

---

[1]Руковишникова И.В. Указ. Соч. С. 24.

Понятие «тип правового регулирования» вошло в теорию права в трактовке, предложенной С.С. Алексеевым, который различает два основных его типа (порядка): общедозволительный, основанный на принципе «дозволено все, кроме ...», и разрешительный, который строится по принципу «запрещено все, кроме...»[1].

Тип правового регулирования – категория, направленная на комплексное отражение специфики юридического воздействия в той или иной сфере, показывает «как и в каком сочетании глубинные элементы структуры права...«работают» на его специфику, на осуществление через механизм юридического регулирования социальной свободы...»[2].

Не следует также отождествлять понятия правового средства и правовой формы. Последняя абстракция применяется для отражения целостного комплекса правовых методов и средств и используется как правило для отражения особенностей юридической сферы социальной жизни в целом.

Разнообразные позиции существуют в правовой науке и по поводу содержания понятия «процессуальная форма». Ее нередко отождествляют с правовыми понятиями, нормами процессуального права, юридическими фактами. Условиями совершения процессуальных действий и др.

Наиболее убедительной представляется нам попытка обоснования унифицированного понимания процессуальной формы как особой юридической конструкции, представляющей собой единство системы требований, предъявляемых к действиям участников процесса и нацеленных на оптимизацию достижения конкретного материально-правового результата[3]. Очевидно, что в подобном смысловом контексте понятие «процессуальная

---

[1] См. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 103-106. Об общедозволительном типе правового регулирования см. также Матузов Н.И. Правовое государство и гражданское общество// Теория государства и права. Курс лекций/ Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 203-218.

[2] Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. С. 299.

[3] См.: Панова И.В. Курс административно-процессуального права России. Саратов, 2003. С. 76.

форма» оказывается весьма близким по содержанию к понятию «процессуальное право».

Очевидно также и то, что по сравнению с анализируемой абстракцией, понятие «процессуально-правовые средства» является более узким по объему, поскольку отражает в своем содержании далеко не всю, а только регулятивную часть процессуальной правовой формы, ее инструментальную структуру и функциональные закономерности последней.

Таким образом, понятие «процессуальные правовые средства» является самостоятельным понятием, смысловое содержание которого не охватывается иными близкими к нему по смыслу юридическим абстракциям.

3. Виды средств процессуально-правового регулирования

Система процессуально-правовых средств включает достаточно разнообразные юридические регуляторы, отличающиеся своеобразием юридической природы, целевого назначения, структуры, функций и иных характеристик. В связи с этим важным исследовательским приемом их познания представляется метод научной классификации, позволяющий отразить на абстрактном уровне их дифференциацию и многообразие.

При формировании классификационных подходов первоочередное значение приобретает проблема критериев их конструирования, выбора тех или иных закономерных характеристик, позволяющих показать видовые особенности определенных категорий описываемых феноменов. Применительно к процессуально-правовым средствам возможны различные критерии классификации.

Одним из таких критериев можно считать особенности правовой природы процессуальных средств, специфику юридической формы их объективации. На этом основании процессуальные средства могут быть классифицированы на *нормативные средства*, *правоприменительные средства* и

правореализационные средства. При этом последние две группы процессуальных инструментов можно подразделить на *институциональные* и *функциональные*.

Нормативные процессуальные правовые средства образуют инструментальную основу механизма процессуально-правового регулирования. По своей юридической природе они являются конструкциями позитивного права, выступают регулятивными элементами правовых норм.

Данную группу правовых средств А.В. Малько обозначает понятиями «средства права» (инструменты) или «средства-инструменты», и отмечают, что им присущи такие характеристики, как: институциональность (субстанциональность); статический характер, нахождение в сфере должного; информационный характер[1].

Особенности данной группы процессуальных средств напрямую детерминированы специфическими свойствами нормативного компонента правовой формы. Нормы как абстрактные положения позитивного права сообщают формализованным в них юридическим конструкциям особые свойства.

Нормативно-процессуальные средства отличаются модельно-статическим характером, являются правовыми установлениями, которые должны быть затем практически использованы субъектами процессуальных отношений. Их информационная сторона выражается в передаче указанным субъектом сведений о возможных, обязательных или запрещенных путях и механизмах реализации их законных интересов, достижения тех или иных ориентиров, процедурах, в которых эта реализация может или должна осуществляться. Идеальный характер этих правовых регуляторов связан с тем, что, по сути, действующее законодательство формирует лишь модельные «образы» процессуальных действий, процедур, механизмов и т.п., которые в сфере

---

[1] См. Малько А.В. Основы теории правовых средств // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 1. Тольятти, 1998.С. 138-139.

реальной юридической практики могут быть подвергнуты значительной трансформации.

В качестве примера основополагающих нормативных правовых средств процессуально-правового регулирования можно привести *принципы процессуального права и процесса*. Последние понимают в рамках процессуально-правовой науки чаще всего как идеи правосознания или правовой науки, определяющие характер и порядок правового регулирования определенного круга общественных отношений[1].

Принципы как основополагающие идеи процессуально-правового регулирования носят по сравнению с конкретными процессуальными нормами более общий характер и формируют наиболее существенные стороны юрисдикционного процесса, определяя, таким образом, его сущность и целостность. Процессуально-правовые принципы – прежде всего и главным образом являются нормативными по своей природе институтами, поскольку конструируются законодателем и чаще всего находят свое прямое или косвенное закрепление в соответствующих положениях нормативно-правовых процессуальных актов.

При этом способы законодательного закрепления процессуальных принципов могут быть различными. Возможны три вида норм (статей), закрепляющих такие принципы: содержащие лишь перечень наименований принципов; содержащие краткое описание сущности принципа; выражающие в своем тексте их конкретное содержание. Принципы процессуального правового регулирования могут быть закреплены не только отдельными статьями, но и их группой, могут быть выражены в том или ином процессуально-правовом институте. Возможно и сочетание указанных способов формализации применительно к тому или иному принципу.

---

[1] См., например: Букина В.С. Принципы советского гражданско-процессуального права: Автореф. дисс… к.ю.н. Л., 1975. С. 5.

Принципы современного процессуального права России в зависимости от сферы их функционирования можно подразделить на межотраслевые и отраслевые. В зависимости от источников их закрепления можно подразделить на две группы: конституционные и закрепленные в нормах конкретных процессуальных отраслей права.

Межотраслевые принципы процессуального права как правило отражены на конституционном уровне. Многие из них получили свою формализацию также в положениях базовых отраслевых процессуальных актов.

К числу подобных принципов можно отнести, в частности принципы: осуществления правосудия только судом; независимости судей и подчинения их только закону; несменяемости и неприкосновенности судей; коллегиальности, состязательности и гласности судебного разбирательства.

Еще одним характерным нормативны процессуально-правовым инструментом являются *процессуальные сроки*, устанавливаемые законом для совершения тех или иных процессуальных действий. Процессуальные сроки – это промежутки времени, в течение которых должны быть совершены процессуальные действия[1].

Сроки как юридическое средство направлены на достижение таких целей, как гарантирование правильного и своевременного совершения участниками процессуальных правовых отношений тех или иных процессуальных действий, содействие устойчивости и определенности правоотношений сторон, обеспечение реального воплощения в жизнь субъективных прав и свобод. Сроки устанавливаются для суда, сторон и других участников процесса, а также для лиц, участвующих в деле.

Природа процессуальных сроков может быть различной. Так, принято различать процессуальные сроки, установленные законом (нормативные) и сроки, установленные судом, для лиц участвующих в процессе (судебные).

---

[1] См.: Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина и др. / Под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2007. С. 121.

К первой группе сроков можно отнести, в частности: общий срок исковой давности; сроки обжалования решения о определения суда, подготовки дел к разбирательству и их рассмотрения; выполнения судебного поручения; выдачи судебного приказа, принятия искового заявления к производству и др.

Если для совершения процессуальных действий закон не устанавливает определенного срока, он может быть определен судом. Так, например, суд может установить сроки для исправления недостатков искового заявления, предоставления дополнительных доказательств, исправления недостатков кассационной жалобы или протеста и т.п. Продолжительность таких сроков суд определяет с учетом обстоятельств конкретного дела и времени, необходимого для совершения конкретных процессуальных действий.

Правореализационные и правоприменительные процессуальные средства выражаются в актах реализации субъективных прав и юридических обязанностей как самостоятельном элементе механизма правового регулирования.

Таким образом, в структуре данной группы правовых инструментов представляется возможным разграничивать институциональные и функциональные процессуальные средства.

Институциональные процессуально-правовые средства по своей природе являются документальными актами правореализационного или правоприменительного характера. По сравнению с нормативными институциональными правовыми средствами они отличаются таким качеством, как казуальный (индивидуальный) характер, поскольку связаны с регламентацией индивидуально определенных правовых связей субъектов либо с закреплением тех или иных юридических фактов, представляют собой своего рода конкретизированные модели нормативно-правовых инструментов.

К числу подобных правовых инструментов могут быть, в частности, отнесены: судебные извещения и вызовы, судебные приказы, исковые заявления, определения, решения и приговоры судов, ходатайства, жалобы, постановления, протоколы, обвинительные заключения органов

предварительного следствия, экспертные заключения, судебные извещения и другие документальные акты. Индивидуальные правовые акты опосредуют абсолютное большинство процессуальных правоотношений, отражают содержание и результаты практически всех стадий юридического процесса, отдельных процессуальных действий.

Вместе с тем, как бы не была велика значимость актов документов процессуально-правовых отношениях, процессуальные акты во многом связаны с правореализационными и правоприменительными действиями, с актами-деяниями, с юридически значимым поведением участников правоотношений. Подобную группу процессуальных инструментов, по нашему мнению, можно охарактеризовать понятием *«функциональные процессуальные средства».*

В научной и учебной литературе подобная группа процессуально-правовых средств обычно обозначается понятием «процессуальные действия». Особенность процессуальных действий состоит в следующем:

1) Содержание процессуальных действий, возможность их совершения или не совершения предусмотрены процессуальным законом;

2) Процессуальные действия, как правило, совершаются в определенной последовательности, которая либо прямо предусмотрена законом, либо вытекает из логики развития процесса по конкретному делу;

3) Возникновение юридических последствий – реальный результат совершения процессуального действия;

4) Процессуальные действия совершаются в предусмотренной законом процессуальной форме[1].

Функциональные правовые средства наиболее ярко отражают особенности процессуального правового регулирования, поскольку именно в них выражена динамическая, процедурная его сторона, без которой институциональные правовые инструменты не имели бы никакой практической ценности. Сфера

[1] См.: Гражданский процесс. Учебник. Издание третье, перераб. и доп. / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М.: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2001. С. 4-5.

«живой» практики процессуально-правового регулирования – та реальность, где цели и средства процессуального права получают свою конкретизацию и через деятельность, определенную юридически значимую активность участников процессуальных действий и отношений поэтапно трансформируются в те или иные результаты. «В регулировании,– пишет Ю.А. Тихомиров,– следует сочетать и устойчивость и динамичность, иначе оно не будет эффективным»[1].

Данное обстоятельство является еще одним аргументом в пользу обоснованности распространения инструментальной методологии на сферу реализации и применения права.

Как верно подчеркивает А.В. Малько, правовые средства с неизбежностью должны охватывать как фрагменты идеального (средства-инструменты: права, обязанности, запреты, дозволения и т.п.), так и фрагменты реального (средства-деяния: разнообразные действия и операции, в ходе которых используется правовой инструментарий,– прежде всего это акты реализации прав и обязанностей)[2]. Аналогичная точка зрения прослеживается в работах многих правоведов[3].

Институциональные и функциональные процессуальные правовые средства диалектически связаны и в единстве единую систему, целостный механизм процессуально-правового регулирования. При этом средства-деяния являются своего рода динамическим продолжением нормативных процессуальных инструментов, а также формой их «перевода» в область юридической практики, их «включения» в структуры процессуальных правовых отношений.

---

[1] Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 382.

[2] См.: Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики// Журнал российского права. 1998. № 8. С. 70.

[3] См., в частности: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства. Автореф. дисс. докт. юрид. наук. Свердловск, 1969. С. 10-11; Сандевуар П. Введение в право. М., 1994. С. 174–192.

Двухуровневая система функционирования отличает также и систему средств, процессуальной юридической практики, которые являются, с одной стороны, компонентами «регулятивного вещества» права, объективированными на нормативном уровне правовыми конструкциями, а, с другой, – являют собой непосредственные элементы процессуальных правовых отношений и соответствующей правореализационной деятельности. Очевидно, что эти две ипостаси правового регулирования не могут существовать в отрыве друг от друга. Как регулятивные институты процессуального права бессмысленны без их практической эффективной работы, так и юридическую практику невозможно представить без соответствующего нормативно-инструментального обеспечения.

Диалектику институционального и функционального в процессуальной правовой форме можно проследить на примерах отдельных правовых средств, таких, например, как иск.

Под иском в юриспруденции понимается требование о защите нарушенного или оспоренного права или охраняемого законом интереса. В более точной и развернутой формулировке в рамках науки гражданско-процессуального права иском называется «обращенное к суду требование вынести решение о признании судом субъективного права истца и о присуждении ответчика к совершению определенных действий, либо о подтверждении судом наличия или отсутствия между истцом и ответчиком определенного гражданского правоотношения, либо об изменении или прекращении правоотношения между истцом и ответчиком» [1].

Понятие иска является дискуссионным в науке гражданского процесса. В частности, М.А. Гурвич и его последователи различают понятие иска в материально-правовом смысле (как обращенное через суд к ответчику материально-правовое притязание) и понятие иска в процессуально-правовом смысле (как обращенной к суду требование о защите нарушенного или

[1] См.: Гражданский процесс. Учебник.. / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. С. 188.

оспоренного права). При таком подходе материально-правовая и процессуально-правовая сторона иска предстают как взаимосвязанные, но при этом самостоятельные правовые явления[1].

Другая группа правоведов-процессуалистов обосновывают идею о том, что иск представляет собою единое понятие, имеющее две стороны: процессуальную и материально-правовую[2].

Наконец, третья группа авторов полагает, что иск как сугубо процессуальный правовой институт достаточно охарактеризовать только как требование о защите субъективного права, обращенное к суду[3].

Последняя позиция представляется наиболее противоречивой, поскольку делает абстрактное понятие иска беспредметным. Полагаем более корректным понимание иска, как требования, обращенного одновременно и к ответчику и к суду.

Иск выступает тем правовым средством, которое возбуждает правозащитную деятельность суда. В связи с этим иск можно рассматривать также и как процессуально-правовой инструмент защиты субъективного права.

Процессуальное законодательство предусматривает особый порядок, в рамках которого протекает названная деятельность суда. Этот порядок получил в юриспруденции название «исковое судопроизводство». Исковое судопроизводство характерно для юрисдикционного процесса, связанного с рассмотрением и разрешением споров частноправового характера, в которых стороны находятся в отношениях правового равенства друг к другу.

---

[1] См., например: Гурвич М.А. Право на иск. М., 1949. С. 145; Советское гражданско-процессуальное право. Учебное пособие / Под ред. М.А. Гурвича. М., 1964. С. 158.

[2] См., в частности: Добровольский А.А. Некоторые вопросы исковой формы защиты права: Автореф. дисс… д.ю.н. М., 1966. С. 8; Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. М., 1954. С. 147; Чечот Д.М. Иск и исковые формы защиты права // Правоведение. 1969. № 4. С. 72.

[3] См.: Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. М., 1956. С. 200; Советский гражданский процесс / Под ред. К.И. Комиссарова и В.И. Семенова. М., 1988. С. 230-233; Осокина Г.Л. Иск. Теория и практика. М., 2000. С. 25-28.

Аналогичные связки институциональных и функциональных правовых средств можно обнаружить при анализе множества процессуальных институтов. Так, любое субъективное право, предусмотренное нормой процессуального закона реализуется не иначе, как в практических актах-действиях; заявление подается, принимается, оставляется без рассмотрения; ходатайство заявляется; обвинение предъявляется и поддерживается; протокол составляется; осмотр производится; экспертиза назначается и проводится; доказательства собираются, предоставляются и исследуются; решение и приговор выносятся и оглашаются и т.п. В своем единстве эти две группы инструментов образуют более или менее сложные по структуре процессуально-правовые механизмы достижения тех или иных целей.

Одним из возможных классификационных критериев процессуальных правовых средств может выступать сложность их структурного строения. На основании этого критерия процессуальные инструменты могут быть подразделены на *простые (первичные)* и *сложные (комплексные)*.

Первая группа процессуальных инструментов обнаруживает себя на уровне базовых простейших элементов процессуально-правовой материи и механизма процессуально-правового регулирования. Речь идет, прежде всего, о процессуальных правах, обязанностях и запретах и санкциях.

К числу подобных простейших процессуальных инструментов можно отнести, в частности: право на обращение в суд (ст. 3 ГПК РФ); право ведения дела через представителя (ч.1 ст. 48 ГПК РФ); право суда приостановить производство по делу (ст. 216 ГПК РФ); отмена или изменение решения суда в кассационном порядке (ст. 361-365 ГПК РФ); обязанность следователя или дознавателя рассмотреть каждое заявленное по уголовному делу ходатайство в установленном порядке (ч. 1 ст. 159 УПК РФ); запрет на разглашение данных предварительного следствия (ч. 1. Ст. 161); обязанность закончить предварительное следствие по уголовному делу в срок, не превышающий 2 месяцев со дня возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 162 УПК РФ); запрет на производство следственных действий в ночное время (ч. 3 ст. 164 УПК РФ) и др.

Названные и многие другие базовые процессуальные инструменты во многом образуют регулятивную базу процессуально-правового регулирования. Вместе с тем, сами по себе они не обладают достаточным инструментальным потенциалом для того, чтобы обеспечить гарантированное достижение необходимых целей.

Сущность и назначение процессуального права требует их дополнения соответствующими процедурными ресурсами, их органичного включение в структуры более сложных по составу процессуальных «технологий». Только в качестве элементов последних базовые процессуальные средства становятся действенным инструментальным ресурсом.

В этой связи представляется закономерным тот факт, что инструментальная структура механизма процессуально-правового регулирования состоит преимущественно из сложных по составу регулятивных комплексов. Последние охватывают собой определенное количество первичных юридических инструментов в единстве с нормативными, правореализационными или правоприменительными технологиями. К данной группе инструментов следует отнести *процессуальные механизмы, процессуальные процедуры*, и *процессуальные акты*.

Проблема правовых механизмов, как относительно самостоятельных юридических явлений и особой разновидности комплексных правовых средств поставлена в отечественной теории права относительно недавно[1], хотя сам термин «механизм» широко используется юристами для характеристики самых разных явлений и процессов в правовой сфере общественной жизни.

Процессуально-правовые механизмы можно определить как необходимые и достаточные для достижения целей процессуально-правового регулирования комплексы процессуально-правовых средств.

При анализе процессуального законодательства можно обнаружить значительное количество идеальных нормативных моделей процессуально-

[1] См.: Шундиков К.В. Правовые механизмы: основы теории // Государство и право. 2006. № 12.

правовых механизмов, при помощи которых субъектам предлагается удовлетворять свои законные интересы, реализовывать права и выполнять обязанности в рамках юридического процесса.

Так, например в Уголовно-процессуальном кодексе нашли свое закрепление механизмы: отвода судьи; доказывания обстоятельств дела; задержания подозреваемого; применения разного рода мер процессуального принуждения; обжалования действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство; реабилитации; возбуждения уголовного дела; соединения и выделения уголовного дела; привлечения лица в качестве обвиняемого; осмотра; освидетельствования; следственного эксперимента; допроса; очной ставки; приостановления и возобновления предварительного следствия; прекращения уголовного дела; судебного следствия; постановления приговора суда; производства у мирового судьи и в суде с участием присяжных заседателей, производства в суде второй инстанции, исполнения приговора и др.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ закрепляет нормативные модели процессуальных механизмов представительства в арбитражном суде; применения обеспечения иска; наложения судебных штрафов, судебного извещения; подготовки дела к судебному разбирательству; заключения, утверждения и исполнения мирового соглашения; приостановления и прекращения производства по делу; оставление заявления без рассмотрения; вынесения решения, вступления решения в законную силу, обжалование решения суда; производства по делам отдельных категорий и др.

Уже одно перечисление процессуальных правовых механизмов позволяет заметить, что они выступают теми сущностями, из которых, по сути, слагается процессуально-правовая материя. Большинство процессуальных инструментов отличаются сложным структурным строением, охватывающим множество более простых правовых регуляторов.

В этой связи хотелось бы критично оценить позицию С.К. Струнков, приводящего в качестве примеров «первичных» правовых средств меры

пресечения в уголовном процессе, меры процессуального принуждения к подозреваемому, а под комплексными процессуально-правовыми средствами понимающего юридические институты (например, институт апелляционного производства в арбитражном суде)[1].

Полагаем, что приведенная позиция не вполне корректна. Во-первых, понятия правового института и правовых средств лежат в разных плоскостях, обозначают структурные части правовой материи в рамках двух различных методологических подходов: формально-структурного и инструментального. Понятие правового института не позволяет отразить уровень структурной сложности инструментальной компоненты правовой материи. Правовой институт как относительно небольшая система юридических норм является структурным элементом системы позитивного права. Будучи рассмотренным с инструментальной точки зрения, он может включать в себя как простое (право на обжалование судебного решения), так и комплексное (механизм обжалования судебного решения) правовое средство. И меры пресечения, и меры процессуального принуждения могут быть рассмотрены и как правовые средства и как правовые институты.

Кроме того, приведенные С.К. Струнковым примеры «первичных» процессуально-правовых средств, представляются неудачными, поскольку и меры пресечения и меры процессуального принуждения являются, по сути, достаточно сложными процессуальными механизмами, охватывающими и первичные правовые регуляторы (права, обязанности, запреты) и процедурные элементы.

Полагаем, что характеризуя сущность процессуально-правовых механизмов, можно ориентироваться на общие характеристики правовых механизмов, к которым относятся следующие:

---

[1] См.: Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики. Саратов, 2005. С. 33.

1) структура правового механизма складывается из более или менее большого числа простейших правовых средств;

2) правовой механизм включает в себя как нормативно установленные правовые средства, так и элементы правореализации, акты юридически значимой деятельности субъектов;

3) системность правового механизма, предполагающая его целостность, взаимосвязь и взаимодействие отдельных компонентов;

4) правовой механизм сконструирован для реализации определенной юридической цели (или нескольких целей);

5) динамическая, функциональная природа правового механизма;

6) связь с правовыми процедурами, наличие определенной «программы», «алгоритма» действия правового механизма предусматривающего какие средства, на каком этапе и при каких условиях должны быть задействованы[1].

Особой разновидностью процессуальных правовых средств является *правовая процедура.* Данный инструмент по своей природе носит сугубо процессуальный характер и неизвестен материальному праву.

Правовая процедура определяется в юридической литературе как особый нормативно установленный порядок осуществления юридической деятельности, направленный на реализацию норм материального права и основанных на них материальных правоотношений, охраняемый от нарушений правовыми санкциями[2].

Правовой механизм и правовая процедура имеют некоторые общие черты: они представляют собой системы, сложные по своей структуре образования, охватывающие ряд взаимозависимых и взаимодействующих звеньев; являются правовыми по своей природе феноменами, так как опосредованы правовой формой; характеризуются целенаправленностью, ориентацией на достижение

[1] См.: Шундиков К.В. Указ. соч.

[2] См.: Яковенко О.В. Правовая процедура. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 7.

конкретных юридически значимых результатов; отличаются служебным характером.

Однако, правовые механизмы следует отличать от юридических процедур. Основной критерий такого различия, по нашему мнению, заключается в дифференциации структурно-содержательного компонента данных явлений. Если процедура в правовой сфере – это нормативно установленный порядок осуществления юридической деятельности, состоящий из последовательно сменяющих друг друга актов поведения[1], то правовой механизм – более сложный по своей материальной структуре феномен, представленный всем комплексом правовых средств, с помощью практического действия которого достигается конкретный результат.

Сравним для примера такие понятия как «процедура допроса» и «механизм допроса». На первый взгляд они кажутся тождественными понятиями. Однако, на наш взгляд, между ними все же существуют некоторые смысловые отличия. Последнее из названных понятий призвано характеризовать не только основные стадии, по которым развивается процесс допроса, но и все многообразие правовых средств, задействованных на тех или иных его этапах, учитывать разнообразные варианты и нюансы их взаимодействия.

Таким образом, логическое структурное содержание правовой процедуры представлено нормативно обозначенными стадиями, юридически смоделированными этапами, образующими своеобразный «алгоритм», по которому будет развиваться та или иная деятельность субъектов правоотношений. Процедура характеризует формальную сторону юридической практики, отражает поэтапность и последовательность ее организации.

Правовой механизм главным образом представляет собою инструментальный феномен, содержательный аспект которого представлен определенной конструкцией юридических средств, как материально-правового, так и процессуально-правового характера. Правовой механизм нельзя сводить к

[1] См.: Протасов В.Н. Юридическая процедура. М., 1991. С. 6.

юридической процедуре, которая является лишь одним из его логико-структурных элементов.

Следует также отметить, что степень структурной сложности различных правовых механизмов и процедур не является однородной. В связи с этим в структуре многих из них можно выделить более простые инструментальные комплексы. Так, весьма масштабный процессуальный механизм судебного разбирательства может быть логически подразделен на отдельные механизмы открытия судебного заседания, допроса свидетелей, исследования доказательств, судебных прений, принятия решения, объявления решения суда и др.

Механизм досудебного производства в уголовном процессе складывается из таких самостоятельных правовых механизмов, как: возбуждение уголовного дела, предварительного расследования, привлечения лица в качестве обвиняемого, предъявления обвинения, осмотра, освидетельствования, следственного эксперимента, допроса, очной ставки, производства экспертизы, приостановления и возобновления предварительного следствия, прекращения уголовного дела, направления уголовного дела с обвинительным заключением прокурору и пр.

Приведенные примеры свидетельствуют о системном устройстве инструментальной конструкции процессуального права, которое основано на принципе включения более простых элементов в число более сложных.

Особыми комплексными правовыми юрисдикционными инструментами является *процессуальные правовые акты-документы.* Неотъемлемой чертой любого процессуального производства является закрепление полученных на тех или иных его стадиях результатов правового регулирования. Подобная формализация производится посредством тех или иных правовых документов с использованием соответствующих приемов юридической техники.

Сущность процессуального документа некоторыми авторами сводится к тому, что в нем оформляется властное волеизъявление тех субъектов и

участников юридического процесса, которые выполняют в разбирательстве юридического дела лидирующую функцию (следователь, судья)[1].

Процессуальные документы должны соответствовать строго установленным требованиям: быть законными и обоснованными, содержать четкое, ясное и грамотное изложение сведений, обеспечивать определенную структуру и логику изложения содержания, содержать необходимые реквизиты и т.п. Процессуальное законодательство исчерпывающе перечисляет такие требования.

Определяющими функциями процессуальных документов является фиксационная (объективированное закрепление полученных в ходе процессуальных действий результатов), а также динамическая (в качестве юридических фактов документы порождают возникновение, изменение или прекращение процессуальных правоотношений)[2].

В зависимости от выполняемой нагрузки в динамике юридического процесса, отдельного процессуального производства, все процессуальные документы подразделяются на исходные (протокол об административном правонарушении, постановление о возбуждении уголовного дела), промежуточные и информационные (справки, повестки, извещения, подписки, представления, частные определения, поручения, описи, протоколы и др.), завершающие (постановление по делу об административном правонарушении, решения суда, приговор суда)[3].

Процессуально-правовые средства могут быть классифицированы *по отраслевому принципу* на инструменты конституционно-процессуальные, гражданско-процессуальные, уголовно-процессуальные, административно-процессуальные и арбитражно-процессуальные. Большинство процессуальных правовых средств имеет отраслевую «прописку», поскольку структурно локализовано в нормах и правоотношениях.

---

[1] См.: Теория юридического процесса / Под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 116.

[2] См.: Там же. С. 118-119.

[3] См.: Там же. С. 120-121.

Вместе с тем, среди процессуально-правовых инструментов есть особая группа средств, которые можно назвать *межотраслевыми*, поскольку они функционируют в различных отраслях процессуального права. К этой категории можно отнести, в частности иск, жалобу, ходатайство, экспертизу, кассационное рассмотрение дела, вынесение судебного решения. Наличие подобных регулятивных элементов в различных отраслях процессуального права обусловлено особенностями процессуальной юридической формы в целом, сходством принципиальных характеристик многих ее отраслей.

По таким критериям как степень распространенности в правовой системе и значимость в юридической практике процессуальные правовые средства можно классифицировать на *основные* (базовые, первичные) и *вспомогательные* (дополнительные, вторичные).

Первая группа юридических инструментов представляет собой наиболее распространенные и важные регулятивные конструкции, при помощи которых производится процессуальное правовое регулирование и достигаются цели участников юридического процесса. Вторая группа процессуальных средств выполняет гарантирующую функцию, поскольку их основное предназначение заключается в создании необходимых условий для беспрепятственного функционирования базовых процессуальных правовых средств. Например, возбуждение уголовного дела следует считать одним из основных уголовно-процессуальных средств, в то время как вынесение постановления о возбуждении уголовного дела – вспомогательным по отношению к первому инструменту.

Функциональное назначение правовых регуляторов служит основанием для классификационного деления процессуальных правовых средств на *регулятивные и охранительные.* Первым присуще выполнение основной регулятивной функции позитивного права, которая выражается прежде всего в формализации соответствующих нормативных моделей процессуальных правовых отношений, закреплении на законодательном уровне комплекса соответствующих правовых институтов, базовых процессуальных правовых

средств (прав, обязанностей, запретов, санкций и др.) Группа охранительных процессуальных средств имеют своим назначением реализацию охранительного потенциала права и применяются на практике в случаях тех или иных «сбоев» в работе механизма процессуально-правового регулирования. В использовании подобных инструментов наиболее ярко проявляется правозащитная функция процессуального права. К последней группе средств могут быть в частности отнесены иски, заключение под стражу, личное поручительство и др.

Функциональные характеристики каждой из вышеупомянутых групп процессуальных средств могут быть дифференцированы более подробно.

Возможным классификационным критерием процессуально-правовых средств могут выступать *субъекты*, которые используют их в рамках той или иной разновидности процесса, на определенных его стадиях. Так, применительно к сфере уголовного процесса П.С. Элькинд выделяет средства, осуществляемые компетентными органами государства (дознания, следствия, прокуратуры, суда) и осуществляемые другими субъектами уголовно-процессуальных прав и обязанностей – экспертами, специалистами, обвиняемыми, их защитниками, потерпевшими, гражданскими истцами, гражданскими ответчиками в уголовном судопроизводстве и др[1].

Средства процессуально-правового регулирования могут быть подразделены *в зависимости от стадий юрисдикционного процесса*, на которых они используются. Данный критерий позволяет дифференцировать их на средства, применяемые на стадии: возбуждения уголовного дела, предварительного следствия, производства в суде первой инстанции, производства к кассационном и апелляционном порядке, исполнения приговора, пересмотра вступивших в законную силу решений и др.

Каждое процессуальное средство «привязано» действующим законодательством к той или иной стадии определенной разновидности

[1] См.: П.С. Элькинд. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. С. 68.

юрисдикционного процесса. При этом в системе процессуальных средств можно обнаружить и немало «универсальных» инструментов, применяемых практически на всех его этапах (вынесение постановлений, заявление жалоб, ходатайств, обжалование незаконных процессуальных действий и др.)

Процессуально-правовые инструменты могут быть дифференцированы и по другим критериям, поэтому приведенные в данном разделе работы их классификации не образуют законченного перечня.

3. Диалектика целей и средств в структуре механизма процессуально-правового регулирования

Важным аспектом исследования целевого и инструментального аспектов процессуально-правового регулирования представляется рассмотрение проблем, связанных с взаимосвязями, взаимозависимостями, существующими между его ориентирами и средствами их достижения. При этом, наиболее оптимальным подходом, по нашему мнению, является анализ этой проблемы на «макроуровне» действия процессуальной юридической формы, предполагающим осмысление особенностей связей целей и средств их достижения на различных этапах ее функционирования.

Процессуально-правовое регулирование как целостный феномен, безусловно, обнаруживает свойства системного объекта. Системность, как общее качество правовой материи в области процессуального права проявляет себя достаточно очевидно. Как отмечает В.Н. Протасов, - юридический процесс, возникающий по конкретному делу, обслуживается не отдельными нормами, как это существует применительно к правоотношениям в материально-правовых отраслях, а каждый раз задействуя практически всю отрасль процессуального права, в результате чего создается сложная и целостная нормативная основа функционирования данного юридического процесса[1].

[1] См.: Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 100.

Системный, комплексный характер юридического процесса, особая логика организации процессуально-правового регулирования общественных отношений требует дополнить традиционный для теоретической юриспруденции теоретический подход синтезом накопленного научного знания. Речь идет об исследовании всех процессуальных правовых явлений в неразрывной взаимосвязи, взаимодействиях.

Системно-функциональный «макроподход» к познанию процесса правового регулирования в рамках отечественной теории права первоначально был связан с постановкой проблемы стадийности или этапов правового регулирования. Представления правоведов о неких основополагающих звеньях воздействия права на социальные отношения отталкивались от связки понятий «норма права» – «правоотношение» [1].

Именно норма и правоотношения рассматривались в советском и продолжают рассматриваться в современном российском правоведении большинством авторов как два наиболее важных и основных звена юридического урегулирования.

В дальнейшем в качестве самостоятельной научной проблемы была поставлена проблема механизма правового регулирования (правового воздействия). Одним из первых в отечественной правовой науке данную проблему поставил Н.Г. Александров, предпринявший попытку выяснить в чем заключается «механизм» воздействия права на общественные отношения. При этом в понятие такого механизма автор включает совокупность специфических именно для права способов и форм воздействия на общественные отношения через сознание и волю людей.

К таким формам воздействия он относит: а) установление запретов совершать известные действия; б) установление правоспособности или правового статуса для граждан, общественных организаций, хозяйственных

[1] Пионтковский А.А. К вопросу о взаимоотношении объективного и субъективного права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 28; Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правоотношений // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 24-25.

предприятий и учреждений культуры; в) установление компетенции органов государственной власти, управления и правосудия, а также общественных организаций в случаях выполнения последними государственных функций; г) установление взаимосвязи между участниками общественных отношений в виде правоотношений[1].

Идеи Н.Г. Александрова послужили основополагающим источником концепции механизма правового регулирования, сконструированной впоследствии советскими правоведами. Парадагмальный характер впоследствии приобрели высказанные им идеи о том, что правовое воздействие а) есть специфическое именно для права воздействие, отличное от «идейного воздействия» на людей, осуществляемого посредством иных форм волевого влияния власти на общество (печать, устная пропаганда и т.п.)[2]; б) правовое воздействие есть процесс специфического упорядочения общественных отношений, который берет свое начало от юридической нормы.

Определенный вклад в разработку общетеоретических проблем механизма правового регулирования был связан с работами В.М. Горшенева, П.Е. Недбайло, Л.С. Явича, Н.И. Матузова, А.С. Пиголкина и других ученых-правоведов.

Свою завершенную форму рассматриваемая теоретическая конструкции приобрела в трудах профессора С.С. Алексеева. Так, его монографическая работа «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве», вышедшая в 1966 году, стала первой и до настоящего времени последней общетеоретической монографией, целиком посвященной анализу МПР[3].

---

[1] См.: Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 188-196.

[2] См.: Там же. С. 189.

[3] Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.

С.С. Алексеев вводит в понятийный аппарат правоведения понятие «правовые средства»[1], которое, по его мнению, характеризует целый ряд юридических феноменов, общей характеристикой которых является присущая им регулятивная функция, способность выступать инструментами правового воздействия на регулируемые отношения.

С.С. Алексеев характеризует МПР как «взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения»[2]. Объем понятия МПР в трактовке С.С. Алексеева включает не только содержательные элементы позитивного права, но и ряд элементов правовой системы общества, находящихся за его рамками. МПР характеризует не столько специфику средств регулирования, предусмотренных самим правом, сколько специфику процесса правового регулирования, осуществляемого в обществе при посредстве права.

Данный шаг сам по себе стал этапным событием в истории правовых исследований, поскольку был связан с попыткой принципиально нового уровня теоретического познания правовых явления – попыткой их рассмотрения как целостного механизма, анализа их как некоего единства. Кроме того он заложил концептуальные теоретико-методологические основы для исследования функциональной природы различных юридических институтов, явлений, процессов, конструкций.

Теоретическая конструкция структуры МПР у С.С. Алексеев выстраивается в соответствии с предложенной им стадийностью процесса правового регулирования. По мнению автора, этот процесс состоит из трех основных стадий. Первая стадия связана с нормативной регламентацией тех или иных социальных отношений. Вторая стадия охватывает процесс практического действия правовых предписаний, обусловливающий формирование или

---

[1] Термин «правовые средства» имел хождение в правовой науке и ранее, однако именно С.С. Алексеев попытался наполнить его конкретным содержанием, сформировать как общетеоретическое понятие юриспруденции.

[2] Алексеев С.С. Указ. соч. С. 30.

изменение соответствующих правовых отношений. На третьей, завершающей стадии правовое регулирование выражается в совершении участниками правоотношений поведенческих актов, направленных на реализацию их субъективных прав и юридических обязанностей, смоделированных на нормативном уровне.

Перечисленным выше стадиям правового регулирования корреспондируют соответствующие элементы (части) механизма правового регулирования: 1) юридические нормы; 2) правоотношения; 3) акты реализации субъективных юридических прав и обязанностей[1]. Последовательное действие названных правовых феноменов образует типичный цикл правового регулирования и обеспечивает достижение запланированного юридического результата.

Понятие механизма правового регулирования, вне всякого сомнения, играло и продолжает играть важную методологическую роль и в общетеоретических[2] и в отраслевых юридических исследованиях. В рамках последних данная категория используется достаточно активно в качестве методологического инструмента познания частных объектов[3]. Вместе с тем,

---

[1] См.: С.С. Алексеев. Указ. соч. С. 34.

[2] См., например: Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961; Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.; Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений Саратов, 1974; Гойман В.И. Действие права (Методологический анализ) М., 1992; Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе М., 1972; Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972; Малько А.В. Механизм правового регулирования// Правоведение 1996. № 3; Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972; Шабалин В. А. Системный анализ механизма правового регулирования// Сов. гос-во и право. 1969. № 10. С. 123-127; Шейндлин Б.В. Сущность советского права. Л., 1959; Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 107.

[3] См., в частности: Ерпылева Н.Ю. Европейское банковское право: механизм правового регулирования банковской деятельности// Государство и право. 1998. № 3. С. 71-81; Грошев А.В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования. Автореф. дисс…д.ю.н. Екатеринбург,

необходимо отметить, что нередко она применялась и применяется достаточно формально, как некий расхожий штамп, как словосочетание, призванное придать фундаментальность звучанию той или иной темы исследования.

Значение понятия механизма правового регулирования для целей нашей работы обусловлено тем, что данная научная абстракция позволяет дать системную характеристику функционального аспекта правовой материи, в системном виде на теоретическом уровне отразить множество компонентов правовой материи, подчеркнуть их функциональное единство, их диалектические связи.

Такой подход является перспективным и в нашем исследовании, поскольку именно в процессе практической «работы» процессуально-правовых средств на различных этапах правового регулирования обнаруживаются взаимозависимости между целями и инструментами их реализации.

Экстраполяция положений общетеоретической концепции механизма правового регулирования на объект нашего исследования позволяет нам сформировать понятие механизма процессуально-правового регулирования. Данное понятие уже стало предметом исследования в работах некоторых отечественных правоведов, хотя до сих пор и не получило обстоятельного анализа.

1997; Кропачев Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования. Автореф. дисс…д.ю.н. Санкт-Петербург, 2000; Лукашук И.И. Механизм международно-правового регулирования. Киев, 1980; Марченко М. Н. Частно-правовой договор в механизме правового регулирования// Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2004. № 2. С. 3-14; Павлова Е.В. Механизм правового регулирования защиты гражданских прав потерпевших в ДТП// Юрист. 2004. № 9. С. 41-42; Полянская Н.Ю. Реализация принципа диспозитивности в механизме гражданского процессуального регулирования. Автореф…к.ю.н. Саратов, 2005; Рогов Д.И. Механизм гражданско-правового регулирования отношений, возникающих по поводу чести, деловой репутации и доброго имени граждан. Автореф. дисс…к.ю.н. Екатеринбург, 2003; Сафина О.А. Механизм правового регулирования международных кредитно-денежных и расчетных отношений // Международное публичное и частное право. 2004 № 1(16). С. 16-19; Ялбулганов А.А. Плата за землю: механизм правового регулирования// Юрист. 2003. № 12. С. 18-21.

Так, например, В.Н. Протасов в одной из своих работ обосновал необходимость выделения такой научной категории и сформулировал общие положения, касающиеся понятия и структуры механизма процессуально правового механизма. По мнению В.Н. Протасова, процессуально-правовой механизм как элемент общего механизма правового регулирования и одновременно – основная обобщающая категория в рамках общеправовой процессуальной теории, охватывает совокупность взаимосвязанных процессуальных средств отраслевого характера, необходимых и достаточных для выявления и реализации материального охранительного правоотношения[1].

В качестве основных элементов структуры процессуально-правового механизма В.Н. Протасов рассматривает: основной процесс (процесс-правоотношение), предпроцесс (процесс-юридический факт) и нормативная основа их функционирования). Предпроцесс как система процессуальных правоотношений отличается от основного процесса своим целевым назначением, которое заключается в установлении достаточных оснований для возникновения основного процесса. Цель же основного процесса по мнению ученого заключается в установлении действительного существования основного процесса и его последующей реализации[2].

По мнению Е.Г. Лукьяновой, процессуально-правовой механизм есть «динамическая система правовых средств, при помощи которой упорядочивается охранительная деятельность уполномоченных органов в области юрисдикционного правоприменения»[3]. Основными элементами данного механизма, по ее мнению, выступают: 1) нормы процессуального права; 2) юридические факты, опосредующие процессуальные правоотношения, или

---

[1] См.: Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 100.

[2] См.: Там же. С. 101.

[3] См.: Лукьянова Е.Г. Механизм процессуального регулирования и его элементы // Журнал российского права. 2001. № 91. С. 94.

«процессуальная фактическая система»; 3) процессуальные правоотношения (юридический процесс)[1].

Не углубляясь в дискуссию о содержании и объеме понятия «механизм процессуально-правового регулирования, заметим, что вышеприведенные точки зрения, по нашему мнению, не вполне полно характеризуют рассматриваемое явление, оставляя за пределами рассмотрения ряд его важных компонентов. Так, с предложенной В.Н. Протасовым дефиницией в целом можно согласиться. Однако, в объем понятия, он почему-то не включает акты реализации процессуальных прав и обязанностей, правовые процедуры, ограничиваясь лишь упоминанием процессуального правоотношения. Вместе с тем, понятие «правоотношение» в общей теории права трактуется большинством авторов как волевое идеологическое отношение, юридическое содержание которого складывается из корреспондирующих друг другу субъективных прав и юридических обязанностей. В подобном смысловом контексте правоотношение не охватывает правореализационные и правоприменительные акты. В связи с этим, концепция В.Н. Протасова представляется недостаточно определенной.

Что касается понятия, предложенного Е.Г. Лукьяновой, то, очевидно, что такие формулировки, как «динамическая система правовых средств», «охранительная деятельность уполномоченных органов», «в области юрисдикционного правоприменения» значительно ограничивают объем механизма процессуально-правового регулирования и весьма упрощают его структуру. В данном случае, в последнюю не включаются очевидно «нединамические», институциональные правовые средства, а также средства, правореализационного характера, используемые субъектами, не являющимися носителями властных полномочий и правоприменительной компетенции (иски, жалобы, заявления, отводы, показания, объяснения, возражения, признание иска и др.). Кроме того, структура рассматриваемого механизма в трактовке Е.Г. Лукьяновой с точки зрения классических постулатов общей теории права также

[1] См.: Там же.

не включает собственно «динамического элемента» – актов реализации прав и обязанностей[1].

Приведенные теоретические подходы, на наш взгляд, также не вполне точно отражают целевые аспекты рассматриваемого механизма. Так, в определении Е.Г. Лукьяновой данный аспект излишне конкретизирован, в дефиниции же В.Н. Протасова он, напротив, выражен в виде указания на наиболее общую стратегическую цель процессуального права.

Учитывая сказанное, представляется необходимой формулировка такого определения механизма процессуально-правового регулирования, которая отражала бы систему процессуальных инструментов как можно в более целостном виде. Полагаем, что в качестве рабочей абстракции в нашем исследовании возможно использовать следующее определение.

Механизм процессуально-правового регулирования – это единая система всех процессуально-правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное специально-юридическое воздействие на юрисдикционные правоприменительные отношения, достижение стратегических и тактических целей процессуально-правовой политики.

Преимущества приведенной формулировки понятия механизма процессуально-правового регулирования видятся нам в более точном отражении специфики объекта воздействия процессуальных инструментов – юрисдикционные отношения. Кроме того, данная дефиниция наиболее абстрактно, а значит, в данном случае наиболее полно отражает систему включенных в рассматриваемый механизм средств. В более общей форме в нем отражаются и ориентиры процессуально-правового регулирования, что для подобной максимально абстрактной научной категории, также, по нашему мнению, является более предпочтительным.

---

[1] Сама Е.Г. Лукьянова включает акты реализации прав и обязанностей в структуру правового отношения. См. Указ. работу. С. 93. Вместе с тем, подобный подход с позиций общей теории права не является бесспорным и соответственно требует обоснования.

Специфика механизма процессуально-правового регулирования более полно раскрывается при анализе его инструментальной структуры, при рассмотрении отдельных его регулятивных звеньев, типичных правовых инструментах, действующих на том или ином этапе упорядочивания процессуальных отношений. Одновременно такой анализ дает возможность охарактеризовать типичные правовые ориентиры, обнаруживающие себя на этих этапах.

Среди отечественных правоведов широкую популярность завоевал подход, согласно которому структурное строение МПР конструируется на основе стадийности процесса специально-юридического воздействия на социальные коммуникации. Исходя из такой концепции, система юридических средств, участвующих в процессе правового регулирования, как бы распределяется по тем стадиям этого процесса, на которых они «работают», тем самым формируя соответствующие структурные звенья МПР.

Подобный подход представляется вполне приемлемым по отношению к объекту нашего анализа. Процессуально-правовое регулирование – длящийся во времени процесс, состоящий из ряда типичных стадий (циклов), на каждой из которых «работают» определенные процессуально-правовые инструменты. Основополагающими из таких стадий являются: нормативно правовая регламентация процессуальных отношений, наступление юридически значимых фактов, формирование процессуального правового отношения, практическое использование нормативных процессуальных инструментов в процессе реализации и применения процессуально-правовых норм.

Процесс процессуального правового регулирования начинается с нормативно-правовой регламентации соответствующих процессуальных отношений. Данная первоначальная стадия находит свое отражение в таком базовом юридическом инструменте, как норма права[1].

[1] Подробнее о нормах права см.: Нормы советского права/ Под ред М.И. Байтина и В.К. Бабаева. Саратов, 1987.

Процессуальные нормы – идеальные абстрактные модели процессуально-правовых отношений, типовые схемы поведения их участников. Они формализуют абстрактный состав субъектов процессуальных правоотношений, их соответствующие ориентиры, соответствующие юридические факты, систему модельных процессуально-правовых средств.

Рассмотрение юридической нормы в контексте инструментального подхода к праву позволяет проанализировать ее как системное функциональное образование. Следует подчеркнуть, при этом, что речь идет не о логической структуре правового предписания (которую традиционно видят как единство гипотезы, диспозиции и санкции нормы), а именно о ее инструментальном содержании.

В этой связи выражаем солидарность с К.В. Шундиковым, отмечающим, что «если рассматривать юридическую норму в качестве правового средства, как одно из основных звеньев структуры МПР, то нетрудно заметить, что она не является монолитным образованием… Напротив, она представляет собой комплексный собирательный юридический феномен, ибо за ней всегда стоит конкретный набор разноплановых юридических средств, образующих в своей совокупности целостный регулятивный механизм…»[1].

Сама по себе выступая важным типовым юридическим средством, норма процессуального права выступает в то же время и особой формой институциализации определенной группы правовых целей и средств, механизмом их объединения в системную регулятивную конструкцию. В подобном упорядочивании проявляется организационная функция юридической нормы как элемента механизма процессуального правового регулирования.

Систематизируя процессуально-правовой инструментарий, юридическая норма является не просто его внешней «оболочкой», она придает ему особые качественные характеристики позитивного права (императивность, смысловую точность и терминологическую определенность, общеобязательность,

[1] Шундиков К.В. Механизм правового регулирования: Учебное пособие. Саратов, 2001. С. 58.

гарантированность и др.). Эти качества правовых средств позволяют им выступать эффективными инструментами преобразования социальных отношений.

Процессуальные нормы являются особой разновидностью правовых норм, поэтому им присущи все закономерные свойства любой юридической нормы. Вместе с тем, ученые-процессуалисты обращают внимание на ряд отличительных особенностей процессуально-правовой нормы. В числе таких особенностей отмечаются, в частности: особенности предмета правового регулирования; категорический, императивный характер процессуальных предписаний; адресованность субъектам, наделенным властными полномочиями в сфере охранительной деятельности государства; основной формой их реализации является исполнение, то есть совершение активных действий по реализации соответствующих юридических обязанностей; процедурный характер, связанный с установлением порядка совершения действий участников правоотношений, а также формы закрепления результатов таких действий[1].

В работах процессуалистов неоднократно отмечалась и такая особенность процессуальных норм, адресованных государственно-властным субъектам процессуальных отношений, как совпадение в целом ряде случаев субъективного права с юридической обязанностью[2].

Учитывая особенности процессуальной правовой нормы, Е.Г. Лукьянова определяет ее как «установленное государством общеобязательное правило поведения процедурного характера, регулирующее общественные отношения, складывающиеся в сфере юрисдикционной и иной охранительной деятельности уполномоченных субъектов»[3].

---

[1] См.: Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003. С.167-168.

[2] См., например: Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 74; Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. С. 54; Советское гражданское процессуальное право. М. 1964. С. 11; Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970. С. 5.

[3] Лукьянова Е.Г. Указ соч. С. 179.

Процессуальные правовые нормы, как и материально-правовые, могут быть регулятивными и охранительными. Кроме того, П.Ф. Елисейкин выделяет в системе процессуальных норм организационные процессуальные предписания, определяющие порядок, условия и формы реализации регулятивных и охранительных норм. К числу подобных предписаний относятся, в частности, нормы, определяющие подведомственность и подсудность юридических дел, статутные нормы и др[1].

Вторая стадия правового регулирования – *стадия наступления юридически значимых* фактов и конкретизации условий действия нормативных юридических программ. На данной стадии происходит своего рода «связка» абстрактных регулятивных конструкций позитивного права с конкретными, единичными социальными взаимодействиями и поведением индивидуально определенных участников этих взаимодействий. Подобная связка становится возможной только при соответствующем определении тех обстоятельств, фактов и условий, при наличии которых нормативная правовая программа начинает воплощаться в юридической практике.

Базовым правовым средством, действующим на этом этапе правового регулирования являются *юридические факты* или их совокупности – *фактические составы.*

Юридические факты отличаются двойственной фактически-юридической сущностью. С одной стороны, они всегда являются событиями, процессами, ситуациями, явлениями, лежащими в области объективной жизни и обусловленными ее законами. Так, течение срока времени, рождение человека, наступление определенного возраста, стихийное бедствие и другие подобные события находятся в сфере сущего, выступают жизненными фактами. Другая сторона юридического факта – это его правовая природа. Она предопределена тем, что в качестве юридического выступают далеко не любые фактические

[1] См.: Елисейкин П.Ф. Процессуальная норма и ее диспозиция // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979. С. 51.

обстоятельства жизни, но только, те с которыми законодатель и правовые нормы связывают наступление определенных последствий.

Указанная двойственность природы позволяет юридическим фактам соединять в процессе правового регулирования области фактически сущего и юридически должного, выступать своего рода «мостами» между этими двумя областями жизни общества. В структуре МПР основное функциональное назначение юридического факта – обеспечить необходимую связь между целями и средствами, закрепленными на нормативном правовом уровне, и конкретными общественными отношениями и их участниками.

В области процессуально-правового регулирования специфика юридических фактов связана, главным образом, с тем, что их значительная часть представлена процессуальными действиями, предусмотренными законодательством.

Значительная часть процессуально-правовых отношения возникает на основе наступления не отдельных, единичных юридических фактов, а их совокупности, иными словами – юридических составов. Например, гражданское процессуальное отношение – суд-истец складывается только вслед за совершением двух действий: подача заявления истцом и принятие (отказ в принятии) заявления судом.

Процессуальные юридические факты имеют свои особенности. Во-первых, они должны быть зафиксированы в установленной законодательством процедурно-процессуальной форме, должны быть надлежащим образом оформлены и удостоверены

Во-вторых, юридические факты, порождающие конкретные процессуальные отношения, как правило, не единичны, а выступают в виде фактического (юридического) состава[1].

[1] См.: Галаган И.А., Василенко А.В. К проблемам теории правоприменительных отношений // Государство и право. 1998. № 3. С. 13.

В-третьих, процессуальные фактические составы отличаются двойственной правовой природой. Наряду с собственно процессуальными фактами в него включаются факты материально-правового характера (материальные охранительные отношения)[1].

В-четвертых, собственно процессуальные факты исчерпывающе определены в нормах процессуального права[2].

Подчеркивая тесную взаимосвязь и единство фактической основы юридического процесса, Е.Г. Лукьянова использует понятие «процессуальная фактическая система». Последнее отражает комплекс процессуальных юридических фактов и процессуальных фактических составов, рассматриваемый в масштабе системы процессуального права или ее компонентов. В структуру процессуальной фактической системы, по мнению Е.Г. Лукьяновой, следует включать процессуальные действия, юридические события, процессуальные сроки, юридические состояния, процессуальные акты-документы[3].

Кроме того, в качестве важнейшего элемента процессуальной фактической системы, она предлагает рассматривать все процессуальное правоотношение в целом, отмечая, что важнейшей особенностью процессуально-правового механизма является «взаимопревращение» одних его компонентов в другие. В механизме процессуально-правового регулирования юридические факты и правоотношения могут «меняться местами», правоотношения способны выступать в качестве юридических фактов. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что «юридический процесс есть неразрывная цепь возникающих, развивающихся и прекращающихся процессуальных действий и соответствующих отношений в их взаимосвязи и взаимообусловленности»[4].

---

[1] См.: Там же.

[2] См. Лукьянова Е.Г. Указ. соч. С. 189.

[3] См.: Там же. С. 189-200.

[4] Там же. С. 192-193.

Третья стадия процессуально- правового регулирования – *установление индивидуальной юридической связи между субъектами социальных отношений*.

На этом этапе на базе соответствующих нормативных моделей и юридически значимых фактов между участниками социальных взаимодействий формируются дополнительные юридические взаимосвязи. В качестве правового средства, отражающего суть данной стадии правового регулирования, выступает *процессуальное правовое отношение*.

Абстракция «правовое отношение» в теории права трактуется чаще всего как регламентированное правом и находящиеся под государственной охраной общественное отношение, участники которого являются носителями взаимно корреспондирующих друг другу юридических прав и обязанностей[1].

Аналогичным образом, с учетом специфики предмета регулирования, определяется сущность процессуально-правовых отношений в различных отраслях права. Так, например, авторы учебного курса «Уголовное право России» определяют уголовно-процессуальные отношения как «урегулированные нормами уголовно-процессуального права общественные отношения, участники (субъекты) которых в ходе деятельности по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел выступают в качестве носителей процессуальных прав и обязанностей»[2]. В рамках процессуально-правовых наук и учебных дисциплин общетеоретические подходы к правоотношению получают свое преломление в соответствии с предметной спецификой той или иной отрасли права.

---

[1] См. : Теория государства и права. Курс лекций/ Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 1997. С. 479.

[2] Уголовный процесс России: Общая часть: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов /Под ред. В.З. Лукашевича. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. Гос. Ун-та, 2004. С. 27.

Проблемам, связанным с процессуальными правоотношениями в отечественной правовой науке (преимущественно – отраслевой) традиционно уделяется значительное внимание[1].

Процессуально-правовое отношение есть возникающая на основе норм процессуального права правовая связь субъектов процессуального права (связь субъективного права и юридической обязанности), взятая в единстве с их фактическим поведением[2].

Особенности процессуально-правовых отношений заключаются в следующем:

1) Особый круг *субъектов*, предопределенный специфическим предметом. Процессуальные отношения относятся к числу публично-правовых отношений, в которых на одной стороне всегда выступает субъект – носитель государственно-властных полномочий.

Так, например, одним из центральных, ведущих участников процессуальных отношений выступает суд. Именно суд руководит ходом юрисдикционного процесса, направляет действия лиц, участвующих в нем, обеспечивает осуществление ими их процессуальных прав и обязанностей, выносит правоприменительные акты властного характера, разрешает материально-правовой спор, осуществляет защиту нарушенного или оспоренного субъективного права, признает лицо виновным в совершении правонарушения, возлагает на него обязанность претерпевания той или иной меры юридической ответственности[3].

---

[1] См., в частности: Божьев В.П. Уголовно-процессуальное правоотношение. М., 1975; Елисейкин П.Ф. Гражданские процессуальные правоотношений. Ярославль, 1975; Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов, 1965; Сорокин В.Д. Административно-процессуальное отношение. Л., 1968; Чечина Н.А. Гражданские процессуальные правоотношения. Л., 1962; Щеглов В.Н. Гражданские процессуальные правоотношения. М., 1966;

[2] См.: Лукьянова Е.Г. Указ. соч. С. 204.

[3] Подробнее о субъектах процессуально-правовых отношений см.: Лукьянова Е.Г. Указ. соч. С. 213 и сл.

2) Функциональное назначение процессуальных правовых отношений связано, главным образом, с обеспечением реализации материальных правоотношений.

3) Процессуальные отношения всегда вступают только в правовой форме, вне рамок которой они не могут существовать[1]. Названная характеристика процессуальных отношений оспаривается лишь некоторыми авторами[2].

Понятие процессуальной правовой формы является дискуссионным. При этом наиболее часто его трактуют, как последовательный установленный нормами процессуального законодательства порядок рассмотрения дел, включающий определенную систему гарантий[3], как систему требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата.[4].

Уголовно-процессуальная форма – это закрепленная уголовно-процессуальным правом структура уголовного процесса и отдельных его стадий, условия, последовательность, порядок совершения процессуальных действий и фиксации их в правовых актах[5].

Правовая форма процессуальных отношений есть не только способ их юридической фиксации, но и их неотъемлемая составная часть. Каждое процессуальное действие лица, участвующего в процессе, должно быть

---

[1] См.: Строгович М.С. Уголовно-процессуальное право в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 103.

[2] См., подробнее: Ринг П.М. К вопросу о гражданских процессуальных отношениях // Ученые записки ВИЮН. 1963. Вып. 16. С. 51.; Кокорев Л.Д. Участники правосудия по судебным делам. Воронеж, 1971. С. 44.

[3] См.: Гражданское процессуальное право: учебник / С.А. Алехина и др. / Под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2007. С. 30.

[4] Юридическая процессуальная форма: теория и практика /Под общ. ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. М., Юрид. лит., 1976. С. 13.

[5] См.: Уголовный процесс России: Общая часть: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов /Под ред. В.З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 32.

разрешено законодательно. Действия, не предусмотренные законом не порождают правовых последствий.

4) Процессуальные правоотношения носят властный характер, они построены на началах субординации, поскольку одной из сторон таких отношений всегда выступает орган власти, наделенный властной компетенцией по отношению к другой стороне правовой связи. В связи с этим, процессуальным правоотношениям присущ также публично-правовой характер.

5) Процессуальные отношения отличает системный характер, обусловленный единством юрисдикционного процесса, тесной взаимосвязью всех его этапов, стадий. Основой же единства системы всех процессуально-правовых отношений служит предмет юрисдикционного процесса – спорное материальное правоотношение.

6) В научной литературе отмечается, что процессуальные правоотношения всегда складываются ради «чужого интереса», заложенного в материальном правоотношении[1].

7) Процессуальные правоотношения в отличие от материально-правовых возникают преимущественно на основе юридических фактов-действий. Решающее значение для формирования, изменения и прекращения таких отношений имеют процессуальные акты уполномоченных органов и должностных лиц, а также других лиц, реализующих свои полномочия, обеспеченные государственной защитой.

8) Процессуальные отношения носят динамический характер. Это также отличает их от материальных правовых отношений, которым присуща большая степень стабильности. Процессуальные отношения существуют только в динамике.

9) Еще одну особенность процессуальных правовых отношений отмечает И.М. Погребной: они «короче» материальных правоотношений во времени.

---

[1] См.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 30.

Последние возникают раньше и завершаются позже. На протяжении всего производства по конкретному делу единое материальное правовое отношение будет присутствовать в качестве составного компонента в процессуальном фактическом составе наряду с процессуальным документом, предваряющим возникновение нового процессуального отношения[1].

Так, например, гражданские процессуальные правоотношения определяются как «общественные отношения между судом и участниками процесса, возникающие и развивающиеся при осуществлении правосудия по конкретному делу, урегулированные нормами гражданского процессуального права»[2].

Содержанием процессуально-правовых отношения являются корреспондирующие друг другу права и обязанности их участников.

В научной литературе встречается и иная точка зрения, согласно которой процессуальные права по своей юридической природе являются правами на одностороннее волеизъявление, которым не противостоит соответствующая обязанность[3].

Особенности функциональной роли правоотношений в механизме процессуально-правового регулирования связаны в первую очередь, особыми свойствами данных правовых явлений, с их двойственным содержанием, охватывающим как фактический, так и юридический аспекты. Если фактическое содержание правового отношения образуют многообразные способы и формы взаимодействия его участников, то юридическое – их взаимные (корреспондирующие друг другу) субъективные права и юридические обязанности.

---

[1] См.: Погребной И.М.Общетеоретические проблемы производств в юридическом процессе. Дисс…к.ю.н.Харьков, 1982. С. 85.

[2] См.: Гражданский процесс. Учебник. Издание третье, перераб. и доп. / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М.: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2001. С. 47.

[3] См., например: Гурвич М.А. Судебное решение. М., 1976. С. 13-38.

Основной функциональной задачей правового отношения, как одного из регулятивных звеньев МПР, является конкретизация условий работы модельного юридического инструментария и тех субъектов, которые его практически используют. Кроме того, на стадии формирования правовых отношений вся система юридических средств концентрируется и выступает в двух ипостасях – субъективное право и юридическая обязанность. Последние становятся своеобразными формами «живого» функционирования модельных нормативных правовых регуляторов. Права и обязанности участников процессуально-правовых отношений выступают в роли комплексных правовых средств, которые определенным образом конкретизируют и «распределяют» между субъектами модельный юридический инструментарий. Так, санкции, запреты и предписания, предусмотренные нормами права, выражаются в форме конкретной юридической обязанности, дозволения, льготы, поощрения – в форме субъективных прав.

Процессуально-правовые средства выстраиваются в конструкции правоотношения таким образом, чтобы субъективному праву одного участника корреспондировала юридическая обязанность другого. Права и обязанности на стадии правовых отношений всегда находятся в связке, что является необходимым условием обеспечения соответствующей юридической коммуникации и гарантирует достижение целей правового регулирования.

Сказанное определяет значение правоотношений в структуре механизма процессуального правового регулирования

Следующий четвертый этап правового регулирования связан с практической реализацией субъективных прав и юридических обязанностей. Здесь процесс правового регулирования достигает своих целей, происходит достижение тех или иных результатов.

На этой стадии нормативные программы поведения, уточненные в конкретных правовых отношениях трансформируются в акты поведения участников правоотношений, которые планировал законодатель. Субъекты своими непосредственными действиями для реализации собственных законных

притязаний используют предоставленные законодательством возможности и правовые средства.

На рассматриваемой стадии правового регулирования находит свое применение такой элемент механизма процессуально-правового регулирования, как *правореализационные юридические средства*.

Основное функциональное назначение данной группы юридических инструментов заключается в том, чтобы гарантировать целесообразное практическое применение участниками правовых связей правовых средств нормативно-правового характера и обеспечить, таким образом, непрерывность процесса правового регулирования и достижение необходимых результатов.

Особенность этих средств также заключается в том, что они существуют в правовой системе в двух разных формах: с одной стороны, – как нормативно закрепленные юридические институты, с другой – как акты непосредственной или опосредованной реализации правовых норм. Они всегда выступают в неразрывном единстве с юридическим инструментарием нормативного характера, образуя особую подсистему механизма правового регулирования – механизм реализации права[1].

Правореализационные правовые средства, по сути, образуют собою особые «формы жизни» нормативных правовых инструментов в сфере юридической практики, выступают в качестве «продолжения» последних, формируют практические механизмы их целенаправленного регулятивного воздействия.

В качестве особенностей данной группы правовых регуляторов можно выделить особые формы их материализации. Последние зачастую связаны с соответствующим документальным оформлением (иски, претензии, жалобы, ходатайства, договоры, протоколы, заключения и т.п.). Вместе с тем такие регуляторы могут иметь и форму непосредственных юридически значимых

[1] Подробнее о механизме реализации права см.: Сапун В.А. Деятельность по использованию правовых средств в реализации советского права// Проблемы реализации права. Межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1990. С. 9-19.

действий участников правовых коммуникаций в форме соблюдения, использования, исполнения или применения правовых положений. В последнем случае их можно охарактеризовать понятием «средства-деяния».

Особое значение в процессуально-правовом регулировании имеют процессуальные акты применения права. Применение – это особая деятельность управомоченных субъектов (государство в лице соответствующих органов или должностных лиц), осуществляемая в особых процессуальных формах и направленная на реализацию правовых норм.

Специфика правоприменительной деятельности по сравнению с иными вышеперечисленными формами правореализации заключается, прежде всего, в ее посредническом, медиативном характере. Правоприменительная практика – исключительная прерогатива должностных лиц и органов власти, образующая основную компетенционную составляющую их правового статуса. Рядовые граждане не могут применять право, они способны лишь соблюдать, исполнять и использовать его установления.

В силу упомянутого свойства правоприменительная деятельность отличается строгой нормативно-процессуальной регламентацией. Как процесс, так и результаты правоприменительной практики требуют соответствующего документального оформления.

Особое значение в правореализационном механизме имеют процессуальные акты, формализующие собою решения соответствующих компетентных лиц и органов по конкретным делам. Такие акты направлены на дополнительное (наряду с нормативным) индивидуальное правовое регулирование социальных связей. Порождая для участников правоотношений соответствующие субъективные права и юридические обязанности на основе общих нормативных программ, конкретизируя индивидуальные модели взаимодействия субъектов, такие акты, по сути, приобретают значение юридически значимых фактов и открывают следующие циклы правового регулирования.

Глава III. РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

1. Понятие и виды результатов процессуально-правового регулирования

Процессуальное правовое регулирование, как форма целенаправленной социально-юридической практики, неизбежно приводит к определенным последствиям, порождает те или иные результаты.

Проблема результативности – одна из важнейших проблем управления, в том числе управления социального, разновидностью которого выступает и правовое регулирование. Именно результат как желательный итог, на достижение которого направлена сознательная регулятивная практика, определяет в конечном итоге смысл данной деятельности, а качественные характеристики достигнутых результатов служат показателем ее эффективности.

Понятие результата в его общеупотребительном смысловом контексте толковые словари трактуют как конечный итог, завершающий собой что-нибудь (прекрасный результат работы, результаты конкурса и т.п.)[1].

В подобном понимании результативность присуща любому акту человеческой деятельности. Действительно, каждый поступок человека, та или иная практическая операция, управленческая деятельность и т.п. всегда чем-либо заканчиваются, завершаются каким-то итогом, даже если не приводят ни к каким существенным изменениям первоначального состояния. В широком смысле отсутствие результата любого человеческого труда – тоже результат, уже постольку, поскольку оно связано с окончанием этого труда.

Вместе с тем, в философском аспекте встречается и боле узкая трактовка понятия результата человеческой практики. Последняя связана с тем, что большая часть последствий человеческой деятельности определяются не просто

[1] См., например: Ожегов С.И. Словарь русского языка. Издание девятое испр. и доп. М., 1972. С. 622.

практикой, а целесообразной и целенаправленной практикой субъектов. Отсюда вытекает тесная корреляция между целями и результатами деятельности.

Цель в философском контексте этого понятия является формой субъективного отражения окружающей действительности, а также результатом некоторой оценки объективного мира с позиций потребностей субъекта. Цель – порождение противоречий бытия, своего рода конфликта между существующим и необходимым. В этом смысле любой ориентир является «не столько отражением действительности, сколько полаганием новой действительности» [1]. Образ будущего результата способен направлять человеческую деятельность, выступать ее внутренне побуждающим мотивом. Человеку, как правило, не свойственно стремиться к наступлению тех последствий, которые для него нежелательны, неблагоприятны, невыгодны и т.п.

Итак, в общеупотребительном и философском аспекте следует различать результаты человеческой деятельности *в широком смысле*, как любые результаты вообще, и результаты *в узком смысле*, как результаты желательные, планируемые.

Связь цели социальной практики как идеального феномена и результата этой практики как объективированного ее итога заключает в себе еще одну закономерность, которая была также отмечена в философии. Она проявляется в том, что результаты практически никогда не бывают «материализованной копией» цели.

Несоответствие поставленных ориентиров и наступивших последствий – обыденный факт социальной жизни. Еще Гегель отмечал, что цели и идеалы Великой французской революции, такие как общественный договор, свобода, равенство, братство и другие, при попытке их практической реализации привели к вопиющим последствиям[2].

---

[1] См.: Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968. С. 55-56.

[2] См.: Гегель. Философия права. М., 1990. С. 264-265.

В случаях подобного рода «сбоев» в попытках целесообразного социального регулирования его инициаторы зачастую склонны рассматривать такие дефекты как что-то напрямую не вытекающее из самой регулятивной практики, как следствие какого-то внешнего случайного влияния, воздействия непредвиденных факторов и т.п.

Вместе с тем, отклонение содержания результатов от целевых установок деятельности имеет под собою объективные основания и объясняется уже тем, что цели практики, как идеальные модели намечают будущий результат весьма огрублено. Многие его параметры формируются и корректируются непосредственно в ходе практического воплощения ориентиров. Такая коррекция основана на существовании феномена обратной связи между достигаемыми результатами и теми идеальными образами, на базе которых они формируются.

Боле того, сама цель может быть поставлена таким образом, что станет фактически недостижимым ориентиром. Она может быть утопичной, заранее невыполнимой в связи с несоответствием наличным условием социального бытия.

Кроме того, не следует недооценивать и роль в процессе достижения результата самого процесса достижения целей и прежде всего – используемых при этом средств. Ведь конструкция любого целесообразного механизма человеческой деятельности не может быть описана только в категориях «цель», «средство», «результат». Возникновение «неожиданных» результатов той или иной деятельности связано с тем, что наступление результатов не может быть следствием простого воспроизводства конструкций сознания. Главным образом они порождаются непосредственно самой деятельностью. Полное тождество цели и результата представляется недостижимым. Последний всегда выступает как ориентир перевыполненный в той или иной мере, он несет с собой

некоторые дополнительные последствия, которые не были запланированы на этапе целеполагания[1].

Вышеприведенные общенаучные философские положения достаточно легко проецируются на сферу процессуально-правового регулирования. Последняя представляет собой особую область сознательной целенаправленной и преобразующей практики и соответственно немыслима без наступления тех или иных результатов. При этом, результаты функционирования процессуальной юридической формы могут быть проанализированы как в широком общесоциальном, так и в более узком собственно юридическом контексте.

В первом случае мы должны принимать во внимание те последствия, которые наступают в регулируемых общественных отношениях вследствие действия тех или иных процессуальных норм, институтов, отраслей. Такие последствия являются материализованным воплощением наиболее общих (общепроцессуальных, отраслевых, институциональных) ориентиров процессуально-правового регулирования.

В частности, снижение уровня преступности в обществе, и улучшение качества защиты нарушенных прав граждан могут выступать непосредственными показателями эффективности действия процессуального законодательства в обществе. Значение таких последствий выходит за рамки сугубо правовые, приобретает более широкий общесоциальный контекст. Поэтому подобные результаты можно охарактеризовать как *общесоциальные.*

Вместе с тем, в процессе своего функционирования процессуальная правовая форма сама по себе переживает постоянные структурные трансформации, меняет свои характеристики. Как живая юридическая практика она представляет собой сложную систему процедур, операций, юридически значимых деяний и т.п., которые постоянно приводят к тем или иным новым качественным состоянием самих процессуальных отношений.

Например, сокращение сроков рассмотрения дел в мировом суде, сокращение числа подаваемых кассационных жалоб, предъявление обвинения,

---

[1] См.: Трубников Н.Н. Указ. соч. С. 131.

вынесение судебного решения и т.п. можно рассматривать как «внутренние» сугубо *юридические результаты* процессуально-правового регулирования, поскольку они связаны с определенными изменениями в самих процессуально-правовых отношениях.

В зависимости от уровня функционирования процессуальной правовой формы, наступающие в этой сфере результаты, так же как и цели, могут быть классифицированы на *общепроцессуальные*, *отраслевые*, *подотраслевые*, результаты функционирования *отдельных процессуальных правовых актов*, а также результаты применения *конкретных процессуально-правовых средств.*

Так, результаты использования отдельных процессуально-правовых средств проявляют себя, как правило, в рамках конкретных правовых отношений, рассмотрения отдельного правового казуса. Такие результаты сопровождают практически любые процессуальные действия: осмотры, допросы, экспертиза, заявления, отводы, очные ставки, обжалование решения и т.п. Вместе с тем, приобретая массовый и однотипный характер, они могут дать ощутимый эффект на общеотраслевом или общепроцессуальном уровне, а также повлечь общесоциальные последствия. Так, например, общая статистика деятельности судов присяжных в современной России в общегосударственном масштабе демонстрирует такой показатель функционирования данного института, как значительный процент (по сравнению с «государственными» судебными органами) оправдательных приговоров.

Результаты функционирования целостной системы процессуально-правовых средств проявляют себя на уровне показателей отраслевого, общепроцессуального правового регулирования, или на уровне изменения качественных характеристик правовой системы общества в целом.

Особенно заметна бывает такая тенденция в периоды радикального реформирования отдельных институтов процессуального законодательства, введения новых, ранее неизвестных правовых механизмов и процедур. Например, судебные уставы Александра II по сути в корне изменили характер ранее существовавших процессуальных правовых отношений. Системные

преобразования, затронувшие как изменения самих принципов юрисдикционного процесса, так и структуру процессуальных институтов в весьма короткие сроки дали заметный оздоравливающий эффект на уровне правовой системы в целом. Позитивными результатами стали сокращение сроков рассмотрения дел, снижение коррумпированности суда, утверждение начал подлинной состязательности сторон, независимости суда, обеспечения права обвиняемого на защиту и др.

Достаточно заметными и для юридической практики и в общесоциальном значении, могут выступать результаты действия отдельных *процессуальных правовых актов*.

В зависимости от последовательности достижения результаты процессуально-правового регулирования могут быть подразделены на три категории – *ближайшие, промежуточные и конечные.* Возможность такой классификации обуславливается динамичным и стадийным характером процесса правового регулирования в целом, а также его отдельных форм, этапов, отдельных процессуальных действий и др.

Характерным примером в данном случае может служить процесс предварительного следствия по уголовному делу. Одним из возможных итоговых результатов данного процесса, исходя из его целевого назначения в общей структуре уголовно-процессуального производства, предполагается направление прокурором дела в суд с утвержденным обвинительным заключением. На пути же достижения данного результата следователь или дознаватель должны обеспечить решение целого ряда промежуточных задач и достижение соответствующих промежуточных результатов: привлечение лица в качестве подозреваемого (обвиняемого), получение доказательств вины подозреваемого (обвиняемого) путем проведения разного рода следственных действий (допросы, осмотры места происшествия, экспертизы и пр.), составление обвинительного заключения, направление дела с обвинительным заключением прокурору и др.

В свою очередь, на пути к достижению каждого из названных промежуточных результатов, решаются еще более конкретные частные задачи, и, соответственно, достигаются частные результаты. Так, предъявление обвинения в уголовном процессе предполагает предварительное извещение обвиняемого о дне предъявления обвинения, разъяснение ему права самостоятельно приглашать защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем, удостоверение личности обвиняемого, объявление ему постановления о привлечении в качестве обвиняемого, разъяснение ему существа предъявленного обвинения, а также прав обвиняемого, получение подписи обвиняемого или его защитника на постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, вручение обвиняемому и его защитнику копии данного постановления, направление копии постановления прокурору (ст. 172 УПК РФ).

Приведенный пример демонстрирует тот факт, что, по сути, юридический процесс – это череда правовых процедур, направленных на достижение все новых и новых результатов. Кроме того, он также отражает такую общую закономерность человеческой практики, как перманентный «круговорот» целей, средств и результатов, их постоянные диалектические взаимопереходы друг в друга. Действительно, одно и то же процессуальное действие, например допрос свидетеля, может на различных этапах расследования уголовного дела выступать и целью, к достижению которой стремиться следователь, и средством (например, получения доказательств) и результатом (как совершенное необходимое следственное действие).

В зависимости от степени соответствия целевым установкам, субъектов процессуально-правового регулирования его результаты могут осознаваться ими как *желательные* или как *нежелательные*

В идеале, результаты юридической регулятивной практики должны полностью соответствовать поставленным на том или ином ее этапе целям и задачам, но практика показывает, что полной идентичности между этими феноменами достичь удается далеко не всегда. Данное философское положение

является непосредственно действующим и в сфере правовой политики, а его учет в процессе юридической практики.

Степень отклонения достигнутого результата поставленным изначально целям деятельности может значительно варьироваться от практически полного соответствия до абсолютно противоположного качества. В связи с этим еще одной возможной классификацией результатов социальной практики может быть деление их на *идеальные* (в максимально возможной степени соответствующие поставленным ориентирам); *частично соответствующие и несоответствующие поставленным целям.*

В зависимости от степени предсказуемости наступающие в процессе процессуально-правового регулирования результаты могут быть *ожидаемыми (прогнозируемыми) и неожиданными, непредвиденными.*

В связи с ограниченностью информации, имеющейся в распоряжении субъектов, ряд наступающих в процессе юрисдикционной деятельности последствий могут быть для них не вполне предсказуемыми (предполагаемыми, допускаемыми), или полностью не предполагаемыми, непредвиденными. Например, появление в деле третьих лиц или соответчиков может не прогнозироваться истцом, заявляющим первоначальные исковые требования, но допускаться его адвокатом или судьей, рассматривающим дело. Прекращение уголовного дела или оправдательный приговор суда могут быть как ожидаемыми, предсказуемыми для участников процесса, так и непредсказуемыми.

Последний факт может быть связан с установлением в процессе его рассмотрения новых непредвиденных обстоятельств: появление нового обвиняемого, законодательной декриминализации деяния, изменение социальной обстановки, установление отсутствия в деяниях обвиняемого состава уголовного преступления и т.п.

Одним из классификационных критериев достигаемых в ходе процессуально-правового регулирования результатов может служить субъективное восприятие теми или иными его участниками их качественных

характеристик, степени соответствия их субъективным ожиданиям, потребностям и желаниям. С этой точки зрения результаты могут быть *положительными, нейтральными или отрицательными*.

Положительный результат является для субъекта изначально желаемым итогом, к достижению которого субъект стремиться и прилагает для этого определенные усилия, использует соответствующие средства и т.п. При этом понятно, что результат, устраивающий одного участника процесса, другим может быть воспринят как негативный. Известно, в частности, что в гражданском процессе, какое бы решение не вынес суд, одна из сторон, как правило, бывает недовольна.

Таким образом, результаты – закономерные характеристики любой сознательной социальной практики, в том числе и процессуально- правового регулирования. Особенности результатов, наступающих в области правового регулирования связаны со следующими обстоятельствами:

Во-первых, они представляют собой заключительный компонент логической структуры правового регулирования политики, их наступление знаменует окончание определенного цикла правового регулирования.

Во-вторых, результаты правовой политики всегда выражаются объективно в тех или иных изменениях в регулируемых правом социальных коммуникациях, они всегда связаны с наступлением конкретных последствий, изменений в регулируемых отношениях. Наступление результатов есть, по сути, возникновение новых качественных состояний в регулируемых отношениях, процессах и т.п., появление таких изменений, которых не было до использования потенциала правовых средств.

В-третьих, результаты правовой политики – это такие трансформации регулируемых правом отношений, которые выражены в материальных явлениях и могут быть исследованы (наблюдаемы, измерены, зафиксированы и т.п.) как эмпирические факты.

В-четвертых, результаты правовой политики являются прямым следствием постановки субъектами юридической практики правовых целей и использования ими определенного набора правовых средств.

Рассмотренные проблемы позволяют нам прийти к выводу о том, что под *результатами процессуально-правового регулирования* следует понимать объективированные в форме конкретных материальных изменений в социальных или в процессуально-правовых отношениях последствия применения на практике процессуально-правовых средств.

2. Эффективность процессуально-правового регулирования: понятие, критерии оценки, факторы детерминации

Процессуально-правовое регулирование как целенаправленная практика, связанная с формированием системы правовых средств и механизмов, ориентирована на достижение тех или иных результатов, определенных изменений как в области самой правовой формы, так и в сфере регулируемых социальных отношений. В связи с этим одной из центральных проблем, с необходимостью решения которой постоянно сталкиваются и законодатели и субъекты, применяющие процессуальные правовые нормы на практике, является проблема обеспечения эффективности правового регулирования.

Эффективность является важнейшей характеристикой правовой формы, показателем уровня профессионализма субъектов правового регулирования, их способности успешно достигать поставленные цели. Кроме того, этот параметр правового регулирования является непосредственным критерием оценки качества действия системы процессуальных правовых средств в целом, а также отдельных правовых инструментов. В широком общесоциальном аспекте высокая степень эффективности правовых конструкций выступает одной из гарантий успешного решения актуальных проблем общественной жизни, залогом прогрессивного цивилизованного развития общества.

Что же представляет собой эффективность, как свойство процессуально-правового регулирования, каковы критерии его оценки, как его можно «измерить», какие условия определяют его показатели? Для ответа на эти вопросы нам следует обратиться, прежде всего, к общетеоретическим положениям концепции эффективности права.

Основы классической концепции эффективности права в отечественной правовой науке были заложены в работах В.В. Глазырина, В.И. Никитинского и И.С. Самощенко, рассматривавшим эффективность правовых норм как соотношение между целями, которые ставил перед собой законодатель и результатами, наступившими в ходе практики нормативно-правового регулирования[1]. В рамках такого подхода, по сути, главным критерием и индикатором эффективности правовой нормы является степень реализации соответствующей цели, *результативность* в ее узком понимании, как приемлемую для субъектов правового регулирования степень достижения поставленных задач.

Подобная концепция в целом представляется весьма убедительной. Вместе с тем, мы разделяем также тезис о том, что степень реализации цели не может быть единственным критерием эффективности правового регулирования. Ведь в противном случае ориентиры законодательства и юридической практики оказываются вне зоны критического осмысления, возникает опасная иллюзия абсолютной безошибочности правовой политики государства. Вместе с тем, реальная правовая жизнь нередко демонстрирует иные примеры.

Показательна в этой связи агрессивная юридическая практика, сформировавшаяся в СССР в 30-е годы 20 века на основе уголовного и уголовно-процессуального законодательства, предусматривающего упрощенные процедуры привлечения к ответственности и осуждения и служившая основным инструментом неоправданных масштабных репрессий. Декларируемые ориентиры правовой политики (борьба с врагами народа, шпионами,

[1] См.: Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 22.

вредителями и т.п.), а также цели скрытые, «не лежащие на поверхности» (устрашение населения, расправа над неблагонадежными и свободомыслящими, устранение политических оппонентов и конкурентов главы государства) реализовывались достаточно «успешно». Но является ли такое регулирование эффективным?

Безусловно, в свете новейших тенденций правовой политики демократических государств с ее гуманистической направленностью и обеспечением правовой защиты неотчуждаемых прав и свобод человека, ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Полагаем, что правовые установления, воплощение которых в жизнь потенциально способно повлечь негативные социальные результаты не следует характеризовать как эффективные даже в случае высоких показателей их результативности.

В этой связи принципиальным представляется соображение о том, что общее понятие эффективности правового регулирования не может быть сведено к сугубо инструментальной трактовке. Последний аспект должен быть лишь одним из аспектов (безусловно, весьма значимым) общесоциальной эффективности права, которая понимается как способность права содействовать достижению социально полезных результатов, реализации актуальных общественных потребностей и интересов, решению острых социальных проблем, прогрессу общества и т.д.

При таком более широком подходе к эффективности права (правового регулирования) наряду с результативностью, появляются и другие дополнительные критерии, позволяющие оценить данное качество правовой формы. Так, например, с точки зрения И.Я. Дюрягина эффективность права необходимо рассматривать как степень полезности достигнутого результата реализации правовых норм в процессе поставленной обществом цели[1]. В.А. Козлов связывает это качество правовой материи с достижением поставленной цели, социальной полезностью полученного результата, экономичностью

[1] См.: Дюрягин И.Я. Право и управление. М., 1981. С. 132.

действия права, а также моральной приемлемостью и оптимальностью избираемых для его достижения правовых средств[1].

Резонным представляется тезис о том, что в качестве критерия эффективности правового регулирования, помимо достижения поставленных целей, следует рассматривать также общественную полезность полученных результатов, отсутствие в их структуре всякого рода неблагоприятных последствий, «издержек», «побочных эффектов». Безусловно, выявление подобного комплекса наступивших социальных последствий правового регулирования – непростая задача, связанная с необходимостью всесторонней экспертизы его плюсов и минусов.

Кроме того, при оценке степени эффективности действия правовых механизмов представляется значимым оценивать параметры процесса правового регулирования, среди которых первостепенное значение имеют показатели применяемого при этом юридического инструментария. Учитывая тот факт, что цели субъектов могут достигаться самыми разными средствами, позитивным следует считать уже сам факт применения для их достижения правовых инструментов. Степень востребованности правового инструментария является важным показателем уровня правовой культуры социума. И напротив, если субъекты для защиты своих прав и законных интересов обращаются не к средствам процессуального права, а к неправовым инструментам, это свидетельствует о недостаточном уровне доверия к правовой форме.

Среди характеристик правовых средств немаловажными представляется такой их показатель как экономичность, предполагающая минимизацию затрат «юридической энергии», выбор наиболее оптимальных с точки зрения законодательной техники и технологии способов юридического регулирования. В области процессуального правового регулирования этот принцип выражается в необходимости использовать по возможности более простые юрисдикционные

---

[1] См.: Козлов В.А. Вопросы теории эффективности правовой нормы. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Л., 1972. С.8.

процедуры. Вместе с тем, такая оптимизация не должна снижать регулятивный потенциал инструментов процессуального права а также создавать угрозы нарушения прав и свобод участников процессуальных отношений.

Стремление к экономичности средств процессуального права вполне оправдано и на этапе правотворческого процесса и в области правоприменительной практики. В первом случае речь идет о том, что для законодателя не следует создавать слишком сложные, запутанные процессуальные механизмы, процедуры и т.п. В сфере же правоприменения экономия средств выражается в попытке субъектов процесса выбрать наиболее оптимальный, «короткий» путь к достижению соответствующей цели, использовать минимальный набор процессуальных инструментов. Такой задачей руководствуется, в частности, следователь, формирующий план следственных мероприятий. Такой план обычно не раз корректируется в процессе предварительного следствия в зависимости от полученных результатов, собранных доказательств и т.п. Но очевидно, что наиболее эффективным при одинаковом результате следует признать тот путь расследования, который занял меньше времени и обошелся меньшими «инструментальными затратами».

Значимым критерием эффективности правового регулирования в современных условиях следует считать также и моральную приемлемость применяемых юридических средств. Социальная история не раз подтверждала тот факт, что применения негуманных, бесчеловечных способов решения проблем в конечном счете обесценивает те ориентиры и идеалы, которые при этом декларировались, какими бы высокими и привлекательными они не казались на первый взгляд.

Данный критерий, безусловно, чрезвычайно значим в качестве условия эффективности процессуально-правового регулирования. История процессуального права, к сожалению, изобилует примерами использования в юрисдикционном процессе нравственно неприемлемых инструментов, унижающих человеческое достоинство, попирающих фундаментальные естественные права человека. Особенно прославились ими инквизиционные

формы юридического процесса, весьма востребованные в тоталитарных государствах. Оговоры, доносы, пытки, объективное вменение, примат признания вины над другими видами доказательств, упрощенные формы процесса, ответственность «без суда и следствия» и прочие «процедуры» нашли свое применение в недавнем прошлом в российской юридической практике.

Полагаем, что правовое регулирование, допускающее использование подобных инструментов не может характеризоваться как эффективное.

С учетом вышесказанного, полагаем, что наиболее приемлемым подходом при оценке степени эффективности правового регулирования является его комплексная оценка. Разделяем в этой связи позицию А.В. Малько и К.В. Шундикова, согласно которой, эффективность – понятие, призванное охарактеризовать качественное состояние процесса правового регулирования в его целостности, комплексно, всесторонне, с учетом как сугубо юридических, так и политических, социальных, нравственных и других его характеристик[1].

Таким образом, *эффективность правового регулирования* – это особая качественная характеристика процесса специально-юридического воздействия права на социальные отношения, которая включает в себя три основных элемента:

1) степень практической реализации правовой цели (результативность);

2) степень социальной полезности полученных результатов;

3) степень совершенства применяемых юридических средств.

Теоретическая конструкция эффективности правового регулирования несет в себе определенный гносеологический потенциал, который может быть успешно использован на различных уровнях научного исследования – от сугубо эмпирического до теоретического. Он может быть задействован при познании качества регулятивного воздействия правовой формы в целом, отдельных элементов правовой системы общества, а также конкретных правовых

[1] См.: Малько А.В., Шундиков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 224.

инструментов или их комплексов. При этом на эмпирическом уровне познания, помимо рассмотренных выше общих критериев правовой эффективности могут быть актуализированы и иные дополнительные показатели, свойственные тем или иным правовым инструментам и обусловленные их объективными особенными свойствами.

Наиболее практически значимыми проблемами теории эффективности правового регулирования являются вопросы об условиях, которые оказывают влияние на показатели данного свойства, содействуют повышению или, наоборот, снижению уровня действенности правовой формы.

Проецируя общетеоретические наработки концепции эффективности права на объект нашего исследования, следует, прежде всего, отметить, что основополагающим условием эффективности процессуально-правового регулирования объективно выступает соответствующее *качество действующего процессуального законодательства*.

В юридической литературе сложилось три основных подхода к пониманию качества законодательства. Первый из них связан с трактовкой данного свойства как способности законодательства соответствовать социальным реалиям, отражать объективные потребности общественного бытия, актуальные задачи развития общества и государства и т.п. В данном случае акцент сделан на внутренней характеристике правовой формы[1].

Вторая позиция основана на идее о том, что качество законодательства проявляется главным образом в его формально-технических свойствах, в том, насколько удачно в нем отражены упомянутые социальные реалии[2].

Наконец, третья теоретическая позиция связывает качество законодательства с совокупностью всех его свойств, и содержательных и формальных, позволяющих ему быть эффективным регулятором общественных

---

[1] См., например: Прозоров В.Ф. Указ. соч.

[2] См., в частности: Игнатенко В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях. Иркутск, 1998.

отношений[1]. Т.В. Кашанина считает, что качество законодательства – это «внутренне присущая его форме и содержанию совокупность социальных и юридических свойств, обусловливающих пригодность законодательства удовлетворять определенные потребности общества»[2].

Последняя из приведенных точек зрения представляется нам наиболее приемлемой, поскольку позволяет сформировать целостный, системный взгляд при оценке качественных параметров действующих нормативно-правовых актов. В нашем исследовании мы основываемся на понимании качества законодательства как его комплексной характеристика, касающаяся различных аспектов, как его внешней формы, так и его содержания.

Подробное освещение рассматриваемого параметра эффективности правового регулирования не входит в цели нашей работы, этой проблеме посвящена достаточно обширная библиография. В целом же можно отметить, что речь идет, по сути, о соблюдении в процессе подготовки нормативно-правовых актов разнообразных общих принципов и конкретных правил юридической техники (логических, содержательных, структурных, языковых, формально-реквизитных, процедурных и др.)[3].

Вместе с тем, учитывая специфику объекта нашего исследования, заметим, что среди упомянутых юридико-технических приемов немаловажную роль играют те, которые связаны с формализацией целевого и инструментального компонентов правовой формы. Стоит также подчеркнуть, что данной группе правил юридической техники в специальной научной литературе пока не уделяется должного внимания.

В частности, следует обратить внимание на качественную *формализацию целевого аспекта* процессуальной правовой формы. Дело в том, что правовые ориентиры являются не только наиболее важными критериями эффективности

---

[1] См.: Сырых Е.В. Критерии качества закона // Законодательная техника / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 44.

[2] Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2008. С. 144.

[3] См. подробнее, в частности: Кашанина Т.В. Указ. соч.

правового регулирования. Их параметры (и количественные и качественные) в значительной степени обуславливают показатели эффективности правового воздействия, являются непосредственными факторами, определяющими ее уровень.

В этой связи необходимо отметить, что первостепенное значение в деле повышения эффективности правового регулирования имеет само наличие у законодателя непротиворечивой системы ориентиров. Данное, казалось бы, очевидное положение, далеко не всегда соответствует реальной практике правового регулирования. Нередко при анализе положений процессуально-правового законодательства цели правового регулирования не прослеживаются достаточно четко. В следующей главе работы мы затронем этот аспект проблемы более подробно.

Еще одним важным условием формализации целевого аспекта в праве является соблюдение принципа соответствия целей правового регулирования потребностям и интересам участников правоотношений. Ведь при отсутствии такого соответствия целевая составляющая будет находится в конфликте с реальными потребностями субъектов социально-правовых связей и соответственно станут препятствием для работы механизма процессуально-правового регулирования.

Особое значение в деле повышения эффективности права имеет последовательность закрепления целей в текстах конкретных нормативных актов.

Разнообразие и сложность «целевого дерева» в сфере правовой жизни актуальной задачей субъектов правотворчества необходимо считать оптимизацию системного аспекта целевого содержания правовой формы, обеспечение согласованности различных правовых ориентиров, их последовательной и непротиворечивой формализации в законодательном тексте.

Система ориентиров в процессуально-правовом законодательстве в идеале должна формироваться так, чтобы цели отдельных процессуальных средств и механизмов не входили в конфликт друг с другом и не противоречили общим

целям отраслевого процессуального регулирования. Поэтому, конструируя общие ориентиры процессуального регулирования, субъекты правотворческой практики должны по возможности развивать, детализировать их в целях более конкретных юридических процессуальных средств и механизмов.

Важным фактором детерминации эффективности процессуально-правового регулирования являются *целевые параметры правореализационной практики*, содержание целевых установок субъектов реальных, «живых» процессуально-правовых отношений. Чем более высокой будет степень соответствия этих ориентиров нормативно закрепленным целям, тем более велика вероятность развития процесса правового регулирования по эффективному сценарию.

Безусловно, реальные цели субъектов процессуально-правовой жизни весьма часто расходятся с ориентирами, нашедшими свою формализацию в положениях действующего законодательства.

Данное обстоятельство обуславливается тем, что на стадии реализации права юридические цели выступают уже не абстрактным ориентиром, моделирующим в общих чертах необходимый результат, но становятся элементом сознания и воли конкретных субъектов правоотношений, их внутренним стимулирующим мотивом поведения. Очевидно, что подобные цели не могут стопроцентно соответствовать модельным положениям законодательства и будут в той или иной степени отклоняться от них, что связано уже с их наибольшей конкретизацией в их смысловой наполненности и условиях их воплощения в жизнь. Заинтересованность участников правоотношений в реализации формальных ориентиров законодательного регулирования может варьироваться весьма широко: от полного принятия до полного отрицания. В подобного рода конфликте целевых установок кроется одна из фундаментальных причин существования феномена правовых девиаций, правонарушений и преступности.

Так или иначе, одним из направлений процессуально-правовой политики государства должно выступать формирование и использование разного рода

механизмов (информационных, интерпретационных, поощрительных, карательных и др.), обеспечивающих приемлемый уровень подобных отклонений. Возможные пути решения этой задачи будут отмечены нами в следующей главе работы.

Как бы ни были важны телеологические характеристики правового регулирования, необходимо понимать, что сами по себе цели не могут привести к достижению необходимых результатов. Реализация целей невозможна вне практики субъектов и используемых в ее процессе правовых инструментов.

Поскольку результаты правового воздействия во многом зависят от применяемых юридических средств, главным фактором определяющим уровень эффективности права является совершенствование его *«инструментальной базы».*

Действующее процессуальное законодательство России предусматривает довольно широкий круг правовых регуляторов. За годы правовой реформы система средств и механизмов процессуально-правового регулирования была подвергнута существенным модификациям. Инструментальная баз процессуального права в целом стала более совершенной, большая часть процессуально-правовых средств, продемонстрировали свою необходимость и ценность.

Вместе с тем, результаты проводимой в современной России в течение последних десятилетий правовой реформы убедительно демонстрируют, что далеко не во всех случаях поставленные законодателем цели успешно достигаются на практике, ожидаемое зачастую так и не становится реальным.

Одной из причин этого является неграмотное использование юридических средств при разработке законодательства, неумение правотворческих органов найти оптимальную «меру» количества и качества юридического инструментария, гарантирующую реализацию поставленных целей[1].

[1] См.: Малько А.В., Шундиков К.В. Указ. соч. С. 239.

При выборе средств правового регулирования, прежде всего, законодателю следует ориентироваться на те ориентиры, к достижению которых он стремиться. Кроме того, необходимо учитывать и уровень развития наличного инструментального потенциала. Цели и средства их достижения должны быть адекватны друг другу. Практика правового регулирования должна по возможности избегать ситуаций как постановку ориентиров без учета имеющихся регулятивных ресурсов, так и обратной ситуации – чрезмерного наращивания инструментальной правовой базы без постановки соответствующих целей развития социально-правовой системы. И в том и в другом случае эффективность правового регулирования будет находиться не на высоте.

Еще одним фактором риска для законодателя является уже упомянутый нами ранее феномен подмены целей средствами и средств целями. В случае подобной подмены может снижаться как целесообразность так и результативность человеческой практики. Примером может служить практика правового регулирования, сложившаяся в России на рубеже 80-х – 90-х гг. 20 века, когда активное введение в законодательство разного рода новелл далеко не во всех случаях коррелировало с пониманием тех задач, которые необходимо достигнуть. Бурные законодательные изменения, радикальные трансформации правовой системы создавали в умах обывателей иллюзию активного движения общества к новым идеалам. Но как показала дальнейшая практика, во властных элитах представления об этих идеалах были не более четкие, чем у большинства населения страны.

Подобная практика правового регулирования, к сожалению, не искоренена до конца и в новейший период правовой реформы. Российскому обществу время от времени предлагаются различные юридические новации в качестве рецептов, способных вывести страну из кризиса на новые рубежи развития, кардинально повысить качество жизни граждан, уровень защиты их прав и свобод и т.п. Нередко это выражается в заимствовании тех или иных правовых институтов из

зарубежных правовых систем без необходимого в таких случаях критического анализа, взвешенной социально-юридической экспертизы подобных мер.

Сказанное приводит к выводу о том, что в процессе конструирования правовой системы общества законодателю следует избегать абсолютизации инструментального аспекта правового регулирования. Правовые ориентиры должны постоянно воспроизводить себя в сознании субъектов правового регулирования. Только в этом случае сможет быть обеспечена целесообразность применяемой правовой формы и соответствующей юридической практики.

Вместе с тем, это не означает, что законодателю следует сосредоточить свое внимание лишь на целевой составляющей правового регулирования. Ведь его инструментальная основа требует к себе не меньшего внимания. Подбирая правовые инструменты, адекватные поставленным целям и задачам, правотворческие субъекты должны решить ряд непростых вопросов. Одним из них является вопрос о потенциальной инструментальной эффективности применяемых средств, об их регулятивном потенциале, их возможностях.

Формирование инструментальной основы правовой политики может поставить и перед моральным, этическим выбором. Делая его, законодатель неизбежно становится перед необходимостью ответить себе на вопрос о том, оправдывает ли цель средства? Возможно ли допустить некоторое отступление от принятых в социуме морально-этических канонов ради достижения в будущим социально-полезных результатов или же ради достижения каких-либо иных благовидных задач? Ответы на подобные вопросы, безусловно, должны даваться с учетом конкретной ситуации, подлежащей разрешению.

Формирования инструментального компонента правового регулирования, подбор необходимых юридических средств в целом является проблемой многоаспектной, в процессе решения которой законодателю предстоит оценить множество различных факторов: качество самих целей, инструментальный потенциал средств, планируемых к использованию, их моральная приемлемость, возможные риски и издержки, «внешняя среда» (социальная, политическая,

экономическая, культурная и др.), в которой протекает правовое регулирование и т.п.

Говоря об инструментальном компоненте процессуально-правового регулирования как одной из важнейших детерминант эффективности последнего, следует, в частности, отметить, что повышение результативности механизма процессуально-правового регулирования невозможно без обеспечения соответствующего уровня *системности* применяемых правовых средств. Применяемые для достижения целей правовые ресурсы, чтобы быть эффективными, должны быть взаимно согласованы друг с другом, системно связаны в один регулятивный комплекс. В подобном комплексе в идеале не должны обнаруживать себя пробелы, противоречивость, конфликты правового инструментария. Только будучи согласованными друг с другом, правовые инструменты усиливают свою регулятивную мощь и воздействуют на социальные отношения наиболее эффективно.

Законодателю также важно научиться грамотно «составлять» отдельные правовые инструменты в более сложные юридические механизмы и режимы, создавать в каждом конкретном случае необходимый и достаточный для достижения поставленной цели комплекс, «микросистему» правовых средств. В подобных комплексах регулятивный потенциал одних правовых инструментов должен подкрепляться в необходимых случаях действием других (гарантирующих, охранительных и пр.) правовых средств.

Невнимание к данной стороне проблемы неизбежно влечет за собой возникновение таких нежелательных дефектов правового регулирования, как противоречия, коллизии правовых средств, их своеобразное «противостояние». В результате нарушается необходимая слаженность работы процессуально-правового механизма, «распыление» правовой энергии, снижение отдачи от управленческих усилий.

Проблему совершенствования юридического инструментария применительно к современному этапу развития процессуального правового регулирования в России мы затронем подробнее в следующем разделе работы.

Среди факторов, определяющих показатели качества процессуально-правового регулирования и уровень его эффективности, помимо характеристик системы процессуального законодательства, важную роль играют *параметры «внешней среды»*. Правовое регулирование – социальная управленческая практика, осуществляемая не в «вакууме» и не в раз и навсегда данных условиях. Напротив, она складывается в исторически-конкретный период времени в определенной материальной и духовной среде. Среди наиболее значимых факторов «внешней среды», определяющих результативность работы правовых средств, можно выделить следующие:

1) экономический (уровень развития производственных отношений, общие принципы экономической политики в обществе, специфика сложившихся экономических институтов, уровень благосостояния населения, уровень спроса и предложения на рынке, уровень конкуренции и безработицы в стране, степень открытости экономической системы для взаимодействия с другими национальными экономиками и другие параметры экономической жизни);

2) политико-идеологический (господствующая политическая идеология, принципы, ценности и нормы политической жизни, специфика политических институтов и характеристики политической системы общества, уровень политической конкуренции, характеристики политического режима государства и др.);

3) культурно-нравственный (уровень общей культуры общества, доминирующие нравственные, религиозные и этические ценности, особенности национального сознания (в том числе и правового), менталитета, традиций, обычаев, привычек и пр.);

4) информационный (особенности информационно-коммуникативных процессов в обществе, качество информации (в том числе и правовой), уровень ее адекватности сложившимся реалиям, специфика каналов и скорость ее циркуляции, особенности статуса средств массовой информации в обществе и т.д.);

5) организационно-технический (уровень материально-технического обеспечения проводимой государственной и правовой политики, качество подготовки и отбора кадров, степень профессионализма государственных служащих и юридического сообщества, обеспеченность государственных органов бюджетным финансированием, зданиями, транспортом, необходимой техникой и т.п.).

Описанные в подобном абстрактном виде упомянутые основные и другие факторы «внешней среды» довольно очевидно проявляют себя как на «макроуровне» процессуально-правового регулирования в целом, так и на уровне конкретных процессуально-правовых отношений. В последнем случае они проявляют себя через те или иные юридически значимые формы поведения субъектов, участвующих в процессуальных действиях, и, таким образом, преломляются через сознание и волю последних. Эффективность действия процессуально-правовых средств в этом смысле во многом зависит от субъектов, их применяющих и использующих на практике, от уровня их общей и правовой информированности, культуры, профессионализма, морально-нравственных установок, материального положения и других характеристик.

Так, доминирование экономического фактора над правовым может выразиться в отказе должника от добровольной компенсации причиненного материального ущерба по причине отсутствия необходимых средств. Аналогичное соотношение действия данных факторов имеет место в случае подкупа должностного лица, обязанного принимать решение на основе положений закона.

Преобладающее влияние политического фактора над правовым может выражаться, в частности, в хорошо известных российской управленческой практике институтах «телефонного права», политической целесообразности, административного ресурса и др.

Немаловажную роль в определении результатов процессуально-правового регулирования играет уровень информированности участников процесса о своих правах, обязанностях, возможностях и т.п. Ведь зачастую, например, ошибки в

применении норм процессуального законодательства, а также прямые их нарушения должностные лица допускают не по злому умыслу, а в следствие низкой степени информирования. То же обстоятельство объясняет нередко пассивный характер поведения рядовых участников процесса; истцов, ответчиков, обвиняемых, потерпевших и др., которые часто не обладают и минимумом юридических знаний, не понимают своего реального места в юридическом процессе, своих потенциальных возможностей, не умеют грамотно использовать предоставленные им правовые ресурсы.

Весьма существенной гарантией эффективности действия процессуально-правовых средств является организационный фактор. Его значение не следует недооценивать. Ведь нередко поставленные законодателем и участниками процесса цели не достигаются вследствие отсутствия тех или иных организационных гарантий. Например, отсутствие реальных условий, обеспечивающих доступность правосудия, – весьма опасное препятствие на пути защиты при помощи правовых средств прав и свобод человека. Отсутствие технических возможностей может стать причиной низкого качества проведения тех или иных следственных действий и мероприятий (осмотра места происшествия, экспертизы, обыска и др.).

Таким образом, реализация целей процессуально-правового регулирования – есть процесс, на качество которого влияют не только цели и средства. Результат правового регулирования – продукт всей юридической практики, он детерминирован множеством параметров.

Для того чтобы демонстрировать приемлемые показатели эффективности, право нуждается в определенной внешней среде. Если показатели последней «неблагоприятны», действуют в пику правовым механизмам и последние не могут преодолеть это «сопротивление среды», то и результаты правового регулирования будут определяться не правовым управленческим параметром, а совершенно иными неюридическими факторами.

3. Пути повышения эффективности процессуально-правового регулирования в современной России

Российское процессуально-правовое законодательство и практика его реализации сегодня переживают новый этап развития. В последнее десятилетие произведена существенная ревизия действующего процессуального законодательства. Приняты и действуют базовые отраслевые процессуальные законодательные акты, такие как: Уголовно-процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Кодекс РФ об административных правонарушениях, Арбитражный процессуальный кодекс РФ. Указанные акты заложили новые концептуальные подходы к регламентации соответствующих видов юридического процесса, закрепили основные ориентиры и принципы правового регулирования, систему средств и механизмов их реализации.

Оценивая в целом качество процессуально-правового регулирования в современном Российском государстве можно отметить, что по целому ряду направлений в этой области удалось добиться значительных успехов. Законодательные новеллы в целом адекватно отразили произошедшие в стране изменения, актуальные потребности и интересы социального и государственного развития, закрепили целый ряд институтов и механизмов, направленных на наиболее эффективную реализацию провозглашенных принципов и целей правового регулирования, создание действенных гарантий защиты прав и свобод человека в области юридического процесса.

Вместе с тем, анализ практики применения новейшего процессуально-правового инструментария приводит к выводу о том, что и сами законодательные конструкции, и их применение нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Отметим основные проблемы в этой области и возможные пути их решения.

Прежде всего, по нашему мнению, в правовом регулировании процессуально-правовых отношений следует обратить внимание на необходимость более последовательного отражения в законодательных

установлениях целевого аспекта, более адекватного отражение общеотраслевых и частных ориентиров и задач. Дело в том, что целевые установки процессуально правового регулирования, как уже было отмечено нами ранее, нашли свое формальное закрепление в соответствующих статьях процессуально-правовых актов в достаточно абстрактной и общей форме. Так, например в Уголовно-процессуальном кодексе РФ обозначены лишь общие цели уголовного процесса. Аналогичный подход законодатель использовал и в других отраслевых процессуальных кодексах

Вместе с тем, подобное отражение процессуально-правовых целевых установок, на наш взгляд, не является достаточным. Полагаем необходимой их большую конкретизацию, которая должна быть связана с обозначением конкретных задач правового регулирования в той или иной сфере.

Уклонение от формализации целей нормативно-правовых актов, субъектов правоотношений, отдельных правовых инструментов может привести к произвольному их пониманию и не вполне корректному их толкованию участниками правовых взаимодействий. Кроме того, в ситуации нечеткого декларирования правовых ориентиров весьма затруднительной становится оценка эффективности реализации законодательства, а также усилит необходимость проведения специальной интерпретации правовых положений, направленных на выявление таких ориентиров (телеологическое толкование права).

Исходя из вышесказанного, считаем целесообразным дополнение соответствующих отраслевых процессуальных кодексов статьями, содержащими указание на те конкретные задачи, которые должны быть решены с их помощью.

Кроме того, представляется, что законодателю не следует упускать возможность формализации в нормативных установлениях целевых ориентиров отдельных юридических средств и механизмов. Дело в том, что в целом ряде случаев, цели, реализации которых должен служить тот или иной процессуально-правовой инструмент не являются вполне очевидными, в связи с чем возникает возможность их вольного понимания, и как следствие – опасность

«нецелевого использования, злоупотребления правовыми средствами в процессе применения положений закона.

Это касается, в частности таких правовых инструментов, как меры процессуального принуждения, меры пресечения, процессуально-правовые санкции. Весьма показательным примером может служить заключение под стражу, которое до сих пор остается «любимой» мерой пресечения в российской уголовно-процессуальной практике и в значительном числе случаев применяется необоснованно, без крайней необходимости. Такое положение дел нельзя признать правильным. Следует согласиться с тем, что меры процессуального принуждения в условиях цивилизованного общества должны применяться лишь в случае безусловной необходимости; такое общество не может допустить расширение оснований и масштабов государственного принуждения, в том числе по уголовным делам[1].

Еще одним примером злоупотребления правовыми средствами может служить институт оставления искового заявления без движения. Хорошо известен тот факт, что значительное количество поданных исков оставляется российскими судами без движения на основании того факта, что в них не казаны все обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела, а также не приведены достаточные по мнению суда доказательства этих обстоятельств. Такой подход, по сути, есть нарушение важнейшего процессуально-правового принципа – принципа доступности правосудия. Правовое средство защиты в данном случае превращается в своеобразный «тормоз», становится препятствием для граждан в защите из законных прав и интересов.

Полагаем, что одним из путей решения подобных проблем может стать прямое закрепление использования конкретных процессуальных правовых средств в праве, что сделает эти ориентиры элементом юридических

[1] См.: Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: нормы и действительность. М., 2000. С. 173.

предписаний и, таким образом станет некоторой гарантией от их неправомерного использования, разного рода злоупотреблений ими, ведь уже само отклонение от нормативно установленного ориентира будет означать противоправность поведения со всеми вытекающими последствиями. Особенно важен такой подход по отношению к тем процессуальным инструментам, которые напрямую связаны с гарантированием реализации важнейших процессуально-правовых возможностей и защитой прав участников юридического процесса. В подобных случаях принцип процессуальной экономии не должен становиться препятствием в реализации данных прав.

Одним из существенных путей повышения эффективности права на этапе правотворческого процесса является качество юридико-технической стороны формализации правовых ориентиров.

В этой связи важным аспектом выступает обеспечение соответствия поставленных законодателем целей объективным условиям социально-политической, экономической и прочих сфер жизни общества, отражение в них актуальных интересов и потребностей этого общества, приоритетных задач государственной правовой политики. Кроме того, на этапе конструирования целевой составляющей правовой формы важно адекватно оценить наличные возможности их достижения, взвесить возможное позитивное и негативное влияние на процесс их реализации разного рода условий «внешней среды» действия права.

Множественность и разноуровневый характер «целевого дерева» определяет необходимость грамотной организации системы правовых целей, в которой одни ориентиры логично бы вытекали из других, частные не противоречили общим, ближайшие конкретизировали стратегические и при этом «эта конкретизация должна быть доведена до такого уровня, чтобы данная специфическая цель могла выступать в качестве непосредственной цели деятельности»[1].

[1] См.: Экимов А.И. Указ. автореферат. С. 9-10.

В свете совершенствования целевого аспекта процессуально-правового регулирования видится также *необходимость дополнительного осмыслений некоторых общих принципов процессуального производств*а. Так, закрепленный в гражданском и уголовно-процессуальном законодательстве принцип состязательности, на наш взгляд был не совсем правильно истолкован на практике, его смысловое содержание было понято весьма широко и к сожалению в ущерб содержанию иных важнейших принципов процессуального права, таких как: принцип полноты, всесторонности и объективности рассмотрение обстоятельств дела. Сегодня ни суд, ни прокурор, ни следователь фактически не должны соблюдать эти принципы.

В результате такая трактовка принципа состязательности фактически привела к отказу от установления объективной истины по делу. Полагаем такой подход законодателя не вполне корректным. В данном случае мы сталкиваемся с проблемой подмены целей средствами, ведь сам по себе принцип состязательности процессуального производства не служит гарантией всестороннего и полного исследования обстоятельств дела и вынесения правосудного и справедливого решения. А без ориентирования правоприменителя на достижение такого результата, по нашему мнению, нельзя говорить о качестве и эффективности правосудия. В этой связи полагаем необоснованным отказ законодателя от такого важнейшего и традиционного для отечественного процессуального производства принципа, как принцип установления объективной истины по делу.

Одним из условий реальности целей, закрепленных в праве, является ее *обеспеченность необходимым юридическим инструментарием*. Процессуально-правовая база российского законодательства все еще далека от совершенства, является во многом недостаточной, пробельной, противоречивой. В результате граждане, а также правоприменители сталкиваются со значительными трудностями в использовании правовых инструментов.

Так, например, применительно к области конституционного процесса дают о себе знать отсутствие ряда важнейших процессуально правовых инструментов, традиционно присущих иным разновидностям юридического процесса.

Так, до сих пор Конституционный Суд РФ лишен возможности возбуждения производства по вопросу о проверке соответствия нормативного акта Конституции Российской Федерации по собственной инициативе.

Кроме того, конституционное производство, в отличие от иных видов юридического процесса, не имеет института конституционно-процессуальной ответственности. В результате возникает ситуация недостаточной государственной обеспеченности действия конституционно-процессуальных норм. В этой связи солидаризируемся с позицией С.К. Струнков, отмечающего необходимость скорейшего включения в «набор» конституционно-процессуальных средств конституционно-процессуальной ответственности[1].

В российском процессуальном законодательстве все еще существуют «пробелы» в системе правового инструментария, наносящие ущерб его эффективности.

В частности, до сих пор отсутствуют эффективные механизмы восстановления нарушенных прав и компенсации ущерба, причиненного преступлением. Непродуманными и дающими нередкие сбои остаются и механизмы исполнения судебных решений связанных с возмещением вреда в рамках гражданского, административного процессов.

В уголовно-процессуальном праве России в отличие от многих других государств отсутствуют правовые механизмы, предусматривающие оказание помощи и защиты жертвам и свидетелям преступлений. В этой связи скорейшего принятия требует соответствующий федеральный закон.

В специальной литературе отмечается, что в дальнейшей разработке нуждается такое важное правовое средство как залог – одна из мер пресечения в

[1] См.: Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики. Саратов, 2005. С. 117.

уголовном процессе, необходимо расширить разновидности залога, расширить виды поручительства, в том числе и предусмотреть варианты, при которых поручителями могли бы выступать не только физические, но и юридические лица[1].

В дальнейшем развитии нуждается сегодня также институт участников уголовного судопроизводства, которые должны наделяться большим комплексом прав. Расширение их прав должно стать одним из приоритетных направлений развития уголовно-процессуального законодательства. В частности это касается правового статуса подозреваемого, который нуждается в более детальной регламентации, также институт потерпевшего[2].В дальнейшей разработке нуждается институт реабилитации, механизмы реабилитации[3].

Аналогичные проблемы являются актуальными и в свете дальнейшего развития дифференциации производств по определенным категориям уголовных дел. Так, например, в рамках уголовно-процессуального законодательства целесообразным считаем совершенствование механизмов, регламентирующих производство по делам несовершеннолетних.

В этой связи полагаем целесообразным выделение в рамках УПК РФ специальной главы, нормы которой были бы посвящены более детальной регламентации данного вида уголовно-процессуального производства, так как это сделано в отношении иных производств (о применении принудительных мер медицинского характера, в отношении отдельных категорий лиц и др.).

Отмеченные и многие другие проблемы, связанные с нехваткой необходимых процессуально-правовых инструментов (их исчерпывающее освещение, к сожалению, невозможно с учетом формата настоящей работы), приводят к выводу о необходимости продолжения интенсивной

---

[1] См.: Руднев В.И. Концепция развития уголовно-процессуального законодательства// Концепции развития российского законодательства/ Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004. С. 391-392.

[2] Там же. С. 392.

[3] Там же. С. 394.

законотворческой работы, направленной на формирование необходимого и достаточного уровня инструментальной обеспеченности поставленных целей и задач процессуально-правового регулирования.

Отмечая недостаточность процессуально-правового инструментария, следует также подчеркнуть, что реформирование механизма процессуально-правового регулирования должно быть взвешенным, как в вопросах введения новых процессуальных институтов, так и в вопросах их отмены, упразднения тех или иных правовых средств, механизмов, процедур, изъятия их из арсенала процессуально-правового инструментария.

Весьма спорной в этой связи представляется необходимость такого процессуально правового средства, как институт апелляции. Введение последнего в законодательство в единстве с институтом мирового судопроизводства должно было, по мнению законодателей, служить целям упрощения последнего, сокращения сроков рассмотрения дел. Однако, реальная юридическая практика обнаружила обратную тенденцию – судопроизводство, напротив, усложнилось и отдалилось от населения. В этой связи, разделяем мнения С. Зеленина о том, что " мировое судопроизводство … само по себе является не упрощением процедуры, процесса как такового, а упрощением состава суда."[1]

Введение апелляционной формы обжалования судебных актов в российский юрисдикционный процесс, по нашему мнению, никак нельзя признать адекватной мерой для создания независимого правосудия. Апелляция с 1995 года существует в рамках арбитражного процесса, с 1998 года – в гражданском и уголовном судопроизводстве – правда, пока в отношении актов мировых судей. Ныне действующая система апелляционного пересмотра актов суда первой инстанции - не что иное, как повторное новое рассмотрение дела по существу. Суд апелляционной инстанции действует так, как если бы решения

[1] Зеленин С. Совершенствовать надо не статус судей, а эффективность правосудия // Российская юстиция. 2002. №1. С.34.

суда первой инстанции вообще не было. Самим существованием апелляции в ее нынешнем виде подрывается базовый принцип любого юрисдикционного процесса - "законная сила судебного решения". В таких условиях суд первой инстанции не может действовать независимо, авторитет этой судебной инстанции на сегодняшний день правилами об апелляции приравнен к нулю.

Приведенный пример демонстрирует ситуацию, когда избранное для реализации прогрессивных целей процессуальной политики конкретное правовое средство оказывается негодным, неадекватным, несмотря на свою внешнюю новизну и качественное отличие от " старых" правил.

Вместе с тем, не вполне оправданной и целесообразной представляется отмена некоторых процессуально-правовых средств, доказавших в течении длительной практики свою жизнеспособность. Это касается, в частности института народных заседателей, отмененного с 1 января 2004 года. Разделяем позицию правоведов, отмечающих, что данное правовое средство еще полностью не исчерпало свой потенциал и нуждается в дальнейшей разработке с учетом опыта зарубежного законодательства. Ведь с существованием данного института напрямую связан принцип участия граждан в отправлении правосудия. В Российской Федерации граждане, участвуя в рассмотрении дел судами, должны иметь больший объем полномочий, ощущать себя полноправными участниками процесса[1].

Не вполне приемлемым нововведением для российского уголовного процесса нам представляется и такое правовое средство, как процедура сделок о признании вины – особая сокращенная форма досудебного рассмотрения уголовных дел, получившая широкое распространение в странах англосаксонской правовой семьи, в частности в США.

На первый взгляд использование данного процессуального инструмента в российском уголовном процессе дает возможность упростить достаточно

---

[1] См.: Руднев В.И. Концепция развития уголовно-процессуального законодательства// Концепции развития российского законодательства/ Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004. С. 396-397.

сложную и формализованную процедуру рассмотрения дел, сократить сроки следственного и судебного процесса, что сегодня чрезвычайно необходимо.

Вместе с тем, необходимо понимать, что рассматриваемый правовой институт как юридический инструмент сконструирован для решения определенных задач, не вполне свойственных отечественному уголовному процессу. Как известно, американская юрисдикция и правосудие ориентировано преимущественно не столько на установление подлинной картины рассматриваемых юридических дел и из формально законное разрешение, сколько на установление начал справедливости и восстановление нарушенного общественного спокойствия путем поиска компромиссных решений, устраивающих и общественное мнение и участников процесса и суд. Что же касается российского уголовного процесса, то он изначально основан на несколько иных принципиальных идеях, среди которых немаловажное место занимают принципы законности, установления фактических обстоятельств дела, соразмерности характера наказания характеру совершенного преступления.

С учетом вышеизложенного полагаем, что институт сделок о признании вины не вполне адекватен принципам отечественного уголовно-процессуального права и угрожает деформацией всего механизма уголовно-процессуального регулирования, дисбалансом в целях и принципах его организации.

В свете сказанного вызывают скептическое отношение и некоторые другие предлагаемые коллегами нововведения. Это касается в частности предложения передать ряд полномочий в области процессуального правового регулирования на региональный уровень. В частности высказаны идеи о том, что исходя из территориально-природных особенностей, федеральный законодатель посредством формулировок в УПК мог бы делегировать часть своих полномочий регионам[1].

[1] См., например: Томин В.Т. К общей характеристике УПК РФ: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Отв. ред. П.А. Лупинская, Г.В. Дашков. М., 2002. С. 50.

Считаем подобные инициативы недостаточно убедительными, поскольку, по нашему мнению, их реализация таит в себе опасность еще большего «размывания» принципов и механизмов процессуального регулирования, злоупотребления местных законодателей процессуальной правовой формой в ущерб правам и законным интересам граждан.

Повышение качества и степени эффективности правового регулирования невозможно без приведения используемых в этом процессе правовых средств в определенную системную конструкцию. Системность предполагает взаимосогласованность, непротиворечивость правового инструментария, что обеспечивает его ассоциированное регулятивное воздействие. В противном случае возникает риск «распыления» юридической энергии на конфликты правовых механизмов друг с другом и как следствие – снижение качества управления.

В связи с этим сегодня актуальной представляется дальнейшая *систематизация действующего процессуального законодательства,* связанная со своего рода «инвентаризацией» действующего правового инструментария, приведения его в более системную форму, обеспечение его согласованности и т.п.

Решение этой задачи представляется чрезвычайно актуальным, в частности, применительно к области административно-процессуального правового регулирования. Достаточно активно и давно обсуждается в среде ученых-правоведов и юристов-практиков идея разработки специального законодательного акта (кодекса), регламентирующего административную форму производства. Предлагаются различные варианты решения данной проблемы.

Так, В.Д. Сорокин выдвинул идею принятия «Основ административно-процессуального законодательства Российской Федерации и субъектов Российской Федерации». По его мнению, данный нормативный правовой акт должен состоять из общей и особенной частей. Первая из них должна отразить цели и задачи административно-процессуального законодательства, его принципы, обозначить круг участников административного процесса, основные

правила рассмотрения административных дел в сфере государственного управления.

Особенная же часть должна регламентировать вопросы производства по принятию актов государственного управления, а также по предложениям и заявлениям граждан, по административно-правовым жалобам и спорам, по делам об административных поощрениях и т.д[1].

Идея принятия основ административно-процессуального законодательства поддерживается и рядом других отечественных правоведов[2].

Полагаем, что принятие подобного документа является необходимым шагом. Ее значимость связана в первую очередь с тем фактом, что ст. 72 Конституции РФ относит административно-процессуальное законодательство к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Более основательная концептуальная нормативная регламентация этой области правового регулирования именно в форме Основ законодательства позволила бы, с одной стороны, более четко выстроить систему административно правовых средств, повысить их системность, установить их наиболее важные унифицированные формы и, таким образом, обеспечить единство принципиальных подходов в правовом регулировании в масштабах страны. С другой стороны, подобный нормативный акт будет служить основой для разработки субъектами Федерации собственного административно-процессуального законодательства, служить для них необходимым ориентиром в этом процессе.

Актуальность повышения системности административно-процессуального регулирования в современном Российском государстве связана также с тем, что

---

[1] См.: Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003. С. 610.

[2] См., например,: Тихомиров Ю.А., Ноздрачев А.Ф., Хангельдыев Б.Б., Терещенко Г.К., Игнатюк Н.А., Петухов В.Н., Минашкин А.В. Концепция развития административного и административно-процессуального законодательства // Концепция развития российского законодательства. М., 1998. С. 82.

данное направление, по сути, еще только зарождается в России. Регулирование административного процесса носит пока разрозненный, неупорядоченный характер. К сожалению, законодатель, пошел по старому пути приняв КоАП "старого образца", включив туда как материальную, так и процессуальную части, и имея в виду, что последняя обслуживает только производство по наложению административных взысканий. Такой подход явно находится в противоречии с политической задачей создания полноценной административной юстиции.

Эффективное решение задач процессуально-правового регулирования в современной России, безусловно, нельзя гарантировать простым закреплением в действующем законодательстве соответствующих правовых средств. Не менее важное значение имеет грамотная организации процесса воплощения юридических моделей в жизнь, оптимизация правореализационного и правоприменительного механизмов. Полагаем, что такая оптимизация сегодня должна развиваться в следующих основных направлениях.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на необходимость обеспечения большей целесообразности процесса реализации процессуально-правовых норм, решения проблем, связанных с конфликтом целей и интересов в этом процессе. Как справедливо отмечает А.И. Экимов, главный фактор неадекватной реализации правовых норм заключается в степени заинтересованности людей в осуществлении тех или иных юридических предписаний[1]. Степень же такой заинтересованности может варьироваться в достаточно широких пределах.

Причины противоречий между индивидуальной мотивацией и ориентирами законодательства, безусловно, носят во многом объективный характер, ибо, выражая в конструкциях позитивного права абстрактную коллективную (общественную, государственную и т.п.) волю, законодатель в

[1] См.: Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. Ленинград, 1984. С. 93.

принципе не может гарантировать совпадение этой воли с интересами всех и каждого. Этого от него никто и не требует.

Вместе с тем, подобные коллизии, безусловно, могут быть смоделированы, спрогнозированы и сведены к возможному минимуму. Как средство такой минимизации весьма успешно могут быть задействованы просветительские, воспитательные, информационные, идеологические механизмы воздействия на общество. Еще один традиционный инструмент влияния – карательные, принудительные способы воздействия на субъектов социальных отношений. Последние в целом успешно освоены в практике отечественного государственного управления.

Что же касается первой группы мер, то они пока применяются далеко не оптимально и весьма фрагментарно и непоследовательно. Между тем, в современных условиях мозаичности, чрезвычайной мультикультурности российского социума они, по нашему мнению, должны найти более широкое применение на практике. Сегодня актуальна разработка стратегии, направленной на «информационную поддержку» процессуально-правового регулирования, на соответствующее просвещение как рядовых граждан – потенциальных участников процессуально-правовых отношений, так и субъектов, применяющих законодательные положения в их интересах.

Практика показывает, в частности, что в рамках уголовного процесса потерпевший или обвиняемый нередко остаются пассивными участниками процесса. Это связано во многом низкой правовой культурой. Формальное «разъяснение прав» не решает данной проблемы и не гарантирует инициативное и грамотное использование субъектами соответствующих юридических средств.

В процессе формирования модели процессуально-правовой политики в современном Российском обществе, следует учитывать, что сегодня чрезвычайно актуально развитие не только правоприменительного сегмента правового регулирования, но и всемерное стимулирование саморегулятивных процессов в правовой системе, в частности – процессов свободного выбора

гражданами средств, методов и форм самостоятельной защиты своих субъективных прав.

Часть 2 Статьи 45 Конституции РФ провозглашает право каждого защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом. Подобный подход создает основу для развития во всех отраслях права общедозволительного типа правового регулирования, призванного стимулировать правовую активность человека, проявлять самостоятельность при выборе правовых средств защиты [1].

Вместе с тем, современная юридическая практика демонстрирует известную инерцию правового сознания российских граждан в вопросах самостоятельной защиты своих прав и интересов. Это, в частности, проявляется в крайне осторожном отношении россиян к негосударственным механизмам защиты прав, недоверие к ним. Хотя многие социологические опросы говорят и о низком доверии соотечественников к институтам государства (к судебной системе в частности), все же россияне больше склонны обращаться за защитой именно к последним.

В частности, крайне незначительно используется на практике институт примирения (особенно досудебного и внесудебного). Об этом красноречиво свидетельствует статистика.

Мировым соглашением в судах общей юрисдикции заканчивается весьма небольшой процент дел. Посреднические процедуры (третейские, медиация) также не пользуются популярностью россиян, что подтверждает, например, практика применения закона о медиации, вступившего в силу с 1 января 2011 года[2]. Прошедшие полтора года показали, что наши люди предпочитают ругаться без посредников.

---

[1] См.: Сапун В.А. Деятельность по использованию правовых средств в реализации советского права. С. 13.

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)". Российская газета. Федеральный выпуск. 2010. 30 июля.

Так, согласно «Справке о практике применения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», утвержденной Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 6 июня 2012 года, – в большинстве судов примирительные процедуры в настоящее время пока не нашли широкого применения.

В этом документе обобщаются причины такого положения: новизна процедуры, высокая степень конфликтности отношений участников спора, отсутствие навыков и традиций по ведению переговоров и т.д. Стороны соглашаются пройти процедуру медиации в исключительных случаях, после того, как судьями в судебных заседаниях затрачивается значительное время на разъяснение сущности процедуры медиации и ее преимуществ[1].

Вместе с тем, использование механизмов примирения конфликтующих сторон (и внесудебных и судебных) представляет собой если не лучший, то, по крайней мере, оптимальный способ решения конфликтных ситуаций. Это экономит ресурсы судебной системы, что в современных условиях немаловажно, ведь на одного мирового судью в России сегодня приходится в среднем 100 дел в месяц, то есть в день по 4 – 5.

А самое главное – примирение, в основе которого лежит взаимный компромисс, позволяет учесть и согласовать интересы обеих сторон, прийти к наиболее взвешенному в сложившейся ситуации решению спора, а значит – обеспечить более качественную реализацию законных интересов и прав граждан.

Сказанное приводит к выводам о том, что в современных условиях целесообразно стимулировать правозащитные ресурсы самого общества, его правовую самоорганизацию.

Наряду с решением названной задачи, современная правовая система России нуждается в качественной модернизации практики применения

[1] http://www.rg.ru/2012/08/16/primirenie-site.html

законодательства. Деятельности правоприменительных структур в последние годы обнажила целый ряд весьма острых проблем, решение которых является насущно необходимым шагом, не сделать который означает, поставить под угрозу возможность дальнейшего социального и государственного прогресса в стране.

Одной из таких проблем является проблема профессионализма юридических кадров. Субъекты, применяющие правовые предписания, к сожалению, далеко не во всех случаях обнаруживают способности решать стоящие перед ними задачи на высоком профессиональном уровне, в том числе и в части понимания целей правовой политики государства, а также умения грамотно использовать соответствующие правовые средства.

В качестве примера можно привести практику использования такого процессуально-правового инструмента, как заключение под стражу, которое до сих пор продолжает оставаться «любимой» мерой пресечения в отечественной юридической практике. Иные же средства превентивного воздействия на правонарушителя применяются в России весьма ограничено. В частности, это касается залога. Как свидетельствует опыт правового регулирования многих государств мира, залог может быть весьма действенной мерой обеспечивающей решение юрисдикционных задач, в частности, – своевременную явку подозреваемого (обвиняемого) в судебное заседание[1].

В свете сказанного, полагаем необходимым обратить внимание на проблему подбора и расстановки кадров, развивать систему повышения квалификации, наладить своевременное информирование госслужащих о новом законодательстве.

Одним из важных способов оптимизации процессуальной юридической практики является телеологическое (целевое) толкование законодательства, содержание которого составляет «осуществляемая субъектами права

---

[1] См.: Руднев В. Залог в России, «бэйл» в США: сравнительный анализ// Российская юстиция. 1998. № 4. С. 22.

деятельность по установлению целей закона с помощью обособленной совокупности специальных приемов, в конечном счете, способствующая раскрытию общего смысла и содержания конкретных нормативных предписаний...»[1].

Смысл телеологического толкования заключается в выяснении целевой направленности той или иной нормы, группы норм, правового института, нормативного акта и т.п. В процессе телеологического толкования все используемые при этом средства и приемы привязываются к цели нормативного предписания, которая лежит за пределами непосредственного содержания нормы права, но объясняет это содержание[2].

В силу уже упоминаемых нами логических и функциональных связей целей и средств в правовой форме, подобное толкование, помимо собственно разъяснения соответствующих правовых ориентиров, связано также с разъяснением инструментальной природы и назначения конкретных юридических средств, к которым эта цель «привязана». Таким образом оно содействует пониманию субъектами правовых отношений правомерных путей достижения цели, тех юридических возможностей и механизмов, которые для этого необходимо задействовать.

В свете сказанного представляется, что использование в современной российской юрисдикционной практики метода телеологического толкования права является важным фактором оптимизации механизма процессуально-правового регулирования. В связи с этим, предлагаем более активное внедрение данного института как в правотворческую, так и в правоприменительную пктику современного Российского государства.

Еще одним важным условием оптимизации процессуально-правового регулирования в современных условиях является решение ряда *организационно-технических проблем*, связанных с дальнейшим развитием сложившихся и

---

[1] Насырова Т.Я. Телеологическое толкование советского закона: понятие, содержание и роль в юридической практике. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 1985. С. 5.

[2] См.: Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2008. С. 353.

формированием новых необходимых государственно-властных административных институтов, способствующих более оптимальному использованию процессуально-правового инструментария.

Эта проблема актуальна сегодня, в частности, в связи с объективной необходимостью совершенствования механизмов функционирования отдельных подвидом процессуальных производств.

Так, например, своего дальнейшего совершенствования требует институт конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, основные задачи функционирования которых обусловлены необходимостью обеспечить соблюдение конституционной законности на территории субъектов РФ, формирование единого правового пространства страны. Вместе с тем, система уставных судов распространяется в Российском государстве крайне медленно. На сегодняшний день конституционные (уставные) суды действуют в 13 республиках, 2 областях и одном городе федерального значения (Санкт-Петербурге).

Ряд правоведов предлагают принять специальный законодательный акт о конституционном контроле в Российской Федерации, который бы сформировал систему уставных судов субъектов с учетом специфики последних, закрепил бы компетенцию данных органов, принципы их взаимодействия с органами государственной власти соответствующего уровня, а также с Конституционным Судом России[1].

Полагаем, что принятие такого документа было бы целесообразным. Оно позволило бы подвести под процесс формирования и функционирования указанных судебных инстанций более конкретную правовую базу, что стало бы дополнительной гарантией оптимизации системы конституционного правосудия в российских регионах.

---

[1] См.: Пряхина Т.М. Конституционный процесс: интерпретация определения // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2000. С. 21.

Распространение практики конституционного контроля на территории всех субъектов Российской Федерации будет содействовать повсеместному укреплению конституционной законности, единства правового пространства, станет важной дополнительной гарантией защиты прав и свобод человека.

Вместе с тем, отметим также, что по нашему мнению сам факт замедления процесса строительства конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации не связан напрямую с недостаточностью правового регулирования. И Конституция РФ, и Закон о судебной системе как акты прямого действия прямо и императивно указывают на необходимость формирования этой системы. Среди проблем, препятствующих развитию данного процесса, не последнее место занимают организационно-экономические сложности.

Весьма актуальной нерешенной проблемой организационно-правового характера остается вопрос о формировании в Российской Федерации системы *административных судов*.

Проект Федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации» закладывает концепцию формирования на территории страны системы, включающей двадцать один окружной административный суд в пределах федеральных округов, а также федеральные межрайонные административные суды. Предполагается также формирование Судебной коллегии по административным делам в составе Верховного Суда РФ, а также соответствующих коллегий в судах субъектов Федерации.[1]

В целом идея формирования административной юстиции как самостоятельной ветви правосудия представляется нам целесообразной, поскольку специализация судей положительно отражается на оперативности, качестве и прочих характеристиках судопроизводства.

---

[1] См.: Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации» // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 19.

Вместе с тем, формирование системы административных судов связана с решением целого ряда не только сугубо законотворческих, но и организационных проблем, связанных с привлечением значительных финансовых, человеческих, технических и прочих ресурсов.

Специалистами справедливо отмечается, что в силу объективных причин количество созданных административных судов будет значительно меньшим по сравнению с количеством ныне действующих судов, рассматривающих административные дела, соответственно их юрисдикция будет распространяться на обширную территорию. Это существенно снизит доступность правосудия по административным делам для населения. С учетом географических, территориальных, транспортных, демографических условий административные суды часто будут просто недоступны для граждан[1].

Учитывая сказанное, необходимость и полезность формирования ветви административной юстиции представляется не вполне очевидными. Безусловно, при решении данной проблемы необходим комплексный подход, направленный на решение как сугубо правовых, так и организационных проблем в комплексе.

Рассмотренные нами проблемы позволяют прийти к заключению о том, что на настоящем этапе в Российском государстве необходимым является дальнейшее совершенствование процессуальной правовой формы, которое должно идти по пути оптимизации сложившихся нормативно-правовых процессуальных механизмов и практики их использования, обеспечения их большей целесообразности, усиления начал системности, гарантированности юридических конструкций.

В этой связи сегодня представляется актуальной необходимость формирования целостной непротиворечивой и системной *процессуально-правовой политики* Российского государства.

Среди теоретиков права наибольшее признание получило определение правовой политики, как научно обоснованной, последовательной и системной

[1] См.: Жилин Г.А. О проблемах современного гражданского процесса // Закон. 2007. № 11. С. 6.

деятельности соответствующих субъектов (государственных и муниципальных органов) по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и жизни общества и личности[1].

«Правовая политика современной России, – отмечают А.В. Малько и К.В. Шундиков, – … должна складываться из следующих основных направлений, которые вполне могут считаться формами ее реализации: правотворческая; правоприменительная; правоинтерпретационная; доктринальная; правообучающая»[2].

К числу принципов правовой политики в современной России, во многом раскрывающих ее сущность и социально-правовую ценность, разработчики концепции правовой политики выделяют: социально-политическую обусловленность; научную обоснованность; приоритетность прав и свобод человека и гражданина; легитимность; демократический характер; законность; учет нравственно-ценностных устоев и культурных традиций общества; согласованность с международными стандартами правового регулирования при учете национальных интересов; гласность; целенаправленность; прогнозирование; планомерность и поэтапность; эволюционный характер реформирования правовой формы; реалистичность; комплексный подход к решению проблем; достаточность средств и ресурсов; сочетание механизмов управления и самоорганизации[3].

---

[1] См.: Малько А.В. Правовая политика в условиях правовой реформы в современной России // Правовая политика России: теория и практика. Монография / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2006. С. 54.

[2] Малько А.В., Шундиков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 217.

[3] См.: Малько А.В., Матузов Н.И., Шундиков К.В. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. / Под ред. А.В. Малько. – М., 2008. С. 19-21.

Вполне обоснованной представляется классификация правовой политики государства по отраслевому критерию, деление ее на уголовно-правовую, административно-правовую, гражданско-правовую, финансово-правовую и др. Представляется в этой связи также убедительной идея о существовании такой самостоятельной формы правовой политики, как *политика процессуально-правовая.*

Например, И.А. Майдан определяет процессуально-правовую политику как «системную, научно-обоснованную и последовательную деятельность по созданию эффективного механизма процессуально-правового регулирования, направленную на всемерную охрану защиту интересов личности, общества и государства посредством оптимизации юрисдикционного процесса»[1].

Приведенное понимание процессуальной правовой политики представляется нам несколько узким за счет указания в качестве главного средства достижения обозначенных целей оптимизации юрисдикционного процесса. С учетом вышеприведенных общетеоретических положений концепции правовой политики, данное понятие следует трактовать более широко.

По нашему мнению, *процессуально-правовую политику* следует понимать как научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов (правотворческих и правоприменительных), связанную с формированием механизма процессуально-правового регулирования и использованию системы процессуально-правовых средств в целях наиболее оптимального обеспечения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина, общественных и государственных интересов, гарантирования беспрепятственной и эффективной реализации норм материального права.

---

[1] См.: Майдан И.А. Процессуально-правовая политика современной России: проблемы теории и практики. Дисс… к.ю.н. Краснодар, 2009. С. 32.

Общетеоретическая концепция правовой политики, по сути, есть учение об идеальных характеристиках процесса специально-юридического воздействия на социальные отношения, о таких параметрах модели правового регулирования, к достижению которой должны стремиться субъектов правотворческой и правореализационной практики. Она позволяет «приподняться» над многими частными отраслевыми юридическими проблемами и дать комплексную оценку уровня и качества правового регулирования в масштабах правовой системы в целом, а также в рамках отдельных отраслей права, что в свою очередь является важной предпосылкой успешного реформирования механизмов правового регулирования. В этом видится конструктивный потенциальный заряд данной научной конструкции, которая может выступать важным методологическим средством практического преобразования правовой формы в обществе.

В связи с этим, полагаем, что одним из важнейших направлений развития процессуальных правовых наук в современный период должна стать разработка концепций процессуально-правовой политики современного Российского государства (как общепроцессуальной, так и отраслевых). Основное содержание указанных концепций должно, по нашему мнению отразить целостный, системный взгляд на качественное состояние процессуально правового регулирования в современный период; цели и приоритеты такого регулирования; принципы процессуальной правовой политики государства; механизм ее формирования и реализации; систему конкретных мер, направленных на преодоление ее дефектов и повышение степени ее эффективности.

Безусловно, серьезное решение подобных задач возможно сегодня только на глубоко научной основе и требует проведения целого ряда научных исследований, целенаправленной работы государственных органов власти в союзе с научным сообществом, ведущими научно-исследовательскими центрами. Сегодня необходимо обеспечить координацию и системную организацию доктринального обеспечения разработки концепции

процессуально-правового регулирования, рассчитанную на долгосрочное стратегическое сотрудничество власти и научного сообщества.

Полагаем, что лишь при соблюдении этого условия сегодня возможно обеспечить оптимизацию существующего механизма процессуально-правового регулирования, повысить целесообразность и эффективность использования системы процессуально-правового инструментария.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативно-правовые и судебные акты:

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета – 1993. – 25 декабря. – С. 8-10.
2. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. 1998. 10 декабря
3. Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.
4. Международный Пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах» // Ведомости ВС СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291.
5. ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447. (ред. от 02.06.2009).
6. ФКЗ от 31.12.1996. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 1997. 6 января. (ред. от 27.12.2009)
7. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301. (ред. от 27.12.2009, с изм. от 08.06.2010).
8. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 г., № 63-ФЗ Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. (ред. от 01.07.2010).
9. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. № 1 (ч.1), ст.1. (ред. от 01.07.2010).
10. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч.1). – Ст. 3. (ред. от 01.01.2010).
11. ФЗ от 18.12.2001. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч.1) Ст. 4921. (ред. от 01.07.2010).

12. ФЗ от 24.07.2002 № 95-ФЗ «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. 2002. 27 июля. (ред. от 30.04.2010).
13. ФЗ от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»// Российская газета. 2002. 20 ноября. (ред. от 30.04.2010).
14. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание Законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
15. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)". Российская газета. Федеральный выпуск. 2010. 30 июля.
16. Указ Президента РФ от 06.07.1995 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 28. Ст. 2642.
17. Указ Президента РФ от 22.11.1994 № 2100 « О мерах по реализации концепции судебной реформы в Российской Федерации» // Российская газета. 1994. 30 ноября.
18. Указ Президента РФ от 01.09.2000 № 1602 «О государственном Совете Российской Федерации» // Российская газета. 2000. 5 сентября.
19. Указ Президента РФ от 22.05.2004. № 662 «Об утверждении Положения об управлении Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан» // Собрание законодательства РФ. 24.05.2004. № 21. Ст. 2025.
20. Указ Президента РФ от 28.05.2004 № 699 «Об утверждении Положения о государственно-правовом управлении Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.05.2004. №22. Ст. 2147.

21. Постановление Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002-2006 годы» // Собрание законодательства РФ. 2001 3 декабря. № 9. Ст. 4623.
22. Постановление Правительства РФ от 21.10.2006 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007-20011 годы» // Собрание законодательства РФ. 2006. 14 августа. № 33. Ст. 3652.
23. Постановление Правительства РФ (в ред. от 10.04.2007) № 214 «Развитие судебной системы России на 2007-2011 гг.» // Собрание законодательства РФ. 2006. 9 октября. № 41. Ст. 4248.
24. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998 № 5.
25. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С.В. Пустовалова» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 12. Ст. 1178.
26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации // Российская юстиция. 2003. № 12.

Книги:

1. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961.
2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
3. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права, Вып. 1. Свердловск, 1963.

4. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1 М., 1981.
5. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982.
6. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989.
7. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961.
8. Ахматов А.В. Юридический процесс: проблемы теории и практики. М., 2011.
9. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005.
10. Баринов Н.А. Имущественные потребности и гражданское право. Саратов, 1987.
11. Божьев В.П. Уголовно-процессуальное правоотношение. М., 1975
12. Братусь С.Н. О роли советского права в развитии производственных отношений. М., 1964.
13. Ветютнев Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности (введение в теорию). Элиста, 2006.
14. Викут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс. Курс лекций. Саратов, 1998.
15. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. М., 1998.
16. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
17. Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974.
18. Вопленко Н.Н. Толкование права. Волгоград, 2007.
19. Гегель. Соч. в 15-ти томах. Т. 1. М.-Л., 1929.
20. Гегель. Философия права. М., 1990.
21. Гражданский процесс: Учебник. Издание третье, перераб. и доп. / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М.,: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2001.

22. Гражданское и гражданское процессуальное право в России и зарубежных странах: тенденции развития и перемены: Сборник статей / Под ред.: Безбах В.В., Ермаковой Е.П., Ситкаревой Е.В. М., 2010.
23. Гурвич М.А. Право на иск. М., 1949.
24. Гурвич М.А. Судебное решение. М., 1976.
25. Дюрягин И.Я. Право и управление. М., 1981.
26. Елисейкин П.Ф. Гражданские процессуальные правоотношений. Ярославль, 1975.
27. Зайцев И.М. Понятие и содержание юридического процесса // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2001.
28. Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов, 1965
29. Знаменский Г.Л. Совершенствование хозяйственного законодательства: цель и средства. Киев, 1980.
30. Иеринг Р. Фон. Цель в праве // Избранные труды. Самара, 2003.
31. Игнатенко В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях. Иркутск, 1998.
32. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.
33. Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии. Л., 1969.
34. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2008.
35. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.
36. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.
37. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998.
38. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. М., 1954.
39. Кокорев Л.Д. Участники правосудия по судебным делам. Воронеж, 1971.
40. Конституционное право России: Учебник / Отв. Ред. А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин. – 2 е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007.
41. Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Саратов, 2000.

42. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958.
43. Кулапов В.Л., Хохлова И.С. Способ правового регулирования. Саратов, 2010.
44. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972.
45. Лазарев В.В. Особенности реализации правовых предписаний. // Избранные труды. В 3-х т. Т. 2: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. М., 2010.
46. Леженин А.В. Юридический процесс по доктрине административного права. Воронеж, 2011.
47. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1959.
48. Лукашук И.И. Механизм международно-правового регулирования. Киев, 1980.
49. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003.
50. Макаров М.Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л., 1977.
51. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд, перераб. и доп. М., 2003.
52. Малько А.В. Теория правовой политики. М., 2012.
53. Малько А.В., Матузов Н.И., Шундиков К.В. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. / Под ред. А.В. Малько. – М., 2008.
54. Малько А.В., Шундиков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003.
55. Матузов Н.И, Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. М., 2001.
56. Морозова И.С. Основы теории правовых льгот. Саратов, 2007.
57. Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2008.
58. Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976.

59. Мурзин А.Е., Павлушина А.А. Исполнение как стадия юридического процесса. М., 2010.
60. Насырова Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Казань, 1988.
61. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Издание девятое испр. и доп. М., 1972.
62. Огибалин Ю.А. Средства и способы обеспечения индивидуальной свободы личности в гражданском материальном и процессуальном праве. Тверь, 1991.
63. Осокина Г.Л. Иск. Теория и практика. М., 2000.
64. Павлушина А.А. Теория юридического процесса и практика процессуального регулирования / Под ред. В.М. Ведяхина. Самара, 2005.
65. Панова И.В. Административно-процессуальное право России. М., 2012.
66. Панова И.В. Курс административно-процессуального права России. Саратов, 2003.
67. Подлесных С.Н. Пробелы в уголовно-процессуальном праве. М., 2013.
68. Правовая политика. Право. Правовая система/ Под ред. А.В. Малько. М., 2013.
69. Правовые средства обеспечения эффективности производства. М.,1980.
70. Правотворческая политика в современной России. Курс лекций. / Под ред. А.В. Малько. Саратов, 2013.
71. Прозоров В.Ф. Качество и эффективность хозяйственного законодательства в условиях рынка. М., 1991.
72. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991.
73. Протасов В.Н. Юридическая процедура. М., 1991.
74. Процессуальные нормы и отношения в советском праве. Воронеж, 1985.
75. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.,1984.
76. Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма. Львов, 1975.

77. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961.
78. Ропаков Н.И. Категория цели: проблемы исследования. М., 1980.
79. Российский Б.В. К вопросу о конституционном судебном процессе как разновидности юридического процесса в Российской Федерации // Российская юстиция. 2012. № 6.
80. Сандевуар П. Введение в право. М., 1994.
81. Сапун В.А. Право. Правовые средства. Правосознание. СПб., 2012.
82. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., 2002.
83. Советский гражданский процесс/ Под ред. К.И. Комиссарова и В.И. Семенова. М., 1988.
84. Советское гражданско-процессуальное право. Учебное пособие / Под ред. М.А. Гурвича. М., 1964.
85. Сорокин В.Д. Административно-процессуальное отношение. Л., 1968
86. Сорокин В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003.
87. Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: нормы и действительность. М., 2000.
88. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
89. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951.
90. Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики. Саратов, 2005.
91. Субочев В.В. Законные интересы в механизме правового регулирования. М., 2007.
92. Субочев В.В. Законные интересы М., 2008.
93. Теория государства и права. Курс лекций/ Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997.

94. Теория государства и права: Учебник для вузов. 2-е изд., изм и доп. / Под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. М., 2000.
95. Теория юридического процесса / Под ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985.
96. Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М., 1998.
97. Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980.
98. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959.
99. Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968.
100. Туманова Л.В., Эриашвили Н.Д. Гражданское процессуальное право России. Учебник. / Под ред.: Алексий П.В., Амаглобели Н.Д., Туманова Л.В. М., 2011.
101. Уголовный процесс России: Общая часть: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов /Под ред. В.З. Лукашевича. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. Гос. Ун-та, 2004.
102. Философская энциклопедия. М., 1970.
103. Чельцов-Бебутов М.А. Цель уголовного процесса и организация окончательного производства. Киев, 1925.
104. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные правоотношения. Л., 1962
105. Чечот Д.М. Иск и исковые формы защиты права // Правоведение. 1969. № 4.
106. Чулюкин Л.Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань, 1984.
107. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970.
108. Шебанов А.Ф. Советское социалистическое общенародное право. М., 1963.
109. Шебанов А.Ф. О воздействии права на общественное развитие в условиях общенародного государства // Советское государство и право. 1963. № 12.
110. Шейндлин Б.В. Сущность советского права Изд. ЛГУ, 1959.

111. Шундиков К.В. Механизм правового регулирования: Учебное пособие. Саратов, 2001.
112. Щеглов В.Н. Гражданские процессуальные правоотношения. М., 1966
113. Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984.
114. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград, 1976.
115. Эффективность правовых норм. М., 1980.
116. Эффективность правовых средств обеспечения качества продукции /Под ред. В.П. Грибанова. М., 1987.
117. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. М., 1956.
118. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / Под ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. М., 1976.
119. Явич Л.С. К вопросу о предмете и методе правового регулирования. // Вопросы общей теории советского права Сборник . М., 1960.
120. Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961.

Научные статьи:

1. Александров Н.Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе // Вопросы философии, 1957. № 1, С. 57.
2. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация// Светское государство и право. 1987 № 6.
3. Алексеева Л.Б. Уголовно-процессуальные функции// Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М.: Юридическая литература, 1989.
4. Быстржина И., Лакатош М. Некоторые вопросы правового регулирования в социалистическом обществе // Советское государство и право, 1964, № 2.

5. Бузун Е.В. Процессуальное право в системе российского права// Юридические науки: проблемы и перспективы: Материалы международной заочной научной конференции. (г. Пермь, март 2012). Пермь, 2012. С. 3-5.
6. Витченко А.М. Механизм правового регулирования социалистических общественных отношений, его понятие и структура // Вопросы теории государства и права. Сб. статей/ Под ред. М.И. Байтина. Выпуск 1. Саратов, 1968. С. 67- 73.
7. Воронин Ю.А., Даровских С.Н. Судебные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации – источник уголовно-процессуального права // Проблемы права. 2012. № 2.
8. Воронцова И.В. Международный договор как источник российского гражданского процессуального права // Вопросы российского и международного права. 2012. № 1.
9. Галаган И.А., Василенко А.В. К проблемам теории правоприменительных отношений // Государство и право. 1998. № 3.
10. Голунский С.А. О творческой революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма. // Советское государство и право, 1961. № 3.
11. Гражданское и гражданское процессуальное право в России и зарубежных странах: тенденции развития и перемены: Сборник статей / Редколл: Безбах В.В., Ермакова Е.П., Ситкарева Е.В. М., 2010.
12. Дагель П.С. Взаимодействие уголовного материального и процессуального права. // Правоведение, 1972, № 2.
13. Даев В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1974. № 1.
14. Дегтярев С.Л. Судебная деятельность как источник гражданского процессуального и арбитражного процессуального права // Российский юридический журнал. 2012. № 3 (84) 173-179.

15. Елисейкин П.Ф. Процессуальная норма и ее диспозиция // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979.
16. Ерпылева Н.Ю. Европейское банковское право: механизм правового регулирования банковской деятельности// Государство и право. 1998. № 3.
17. Жевак И.И. Осуществление субъективных процессуальных прав в свете новых источников гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3.
18. Жилин Г.А. О проблемах современного гражданского процесса // Закон. 2007. № 11.
19. Жилин Г.А. Понятие целевых установок в гражданском судопроизводстве // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 87.
20. Зеленин С.Совершенствовать надо не статус судей, а эффективность правосудия. // Российская юстиция. 2002. №1.
21. Керимов Д. А. Категория цели в советском праве // Правоведение. 1964. № 3.
22. Кокотов А.Н., Саликов М.С. Конституционное судебное процессуальное право // Конституционный судебный процесс / Отв. Ред. М.С. Саликов. М., 2003.
23. Конин В.В. Уголовно-процессуальные функции: дискуссия не закончена// Уголовное судопроизводство. 2008. № 2.
24. Курочкин С.А. Об эффективности норм гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2012. № 4.
25. Кутько В.В. К вопросу о соотношении понятий «процессуальное право», «юридический процесс» и иных смежных категорий. // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 3.
26. Лукьянова Е.Г. Механизм процессуального регулирования и его элементы // Журнал российского права. 2001. № 91.
27. Малько А.В. Механизм правового регулирования// Правоведение 1996. № 3

28. Малько А.В. Правовая политика в условиях правовой реформы в современной России // Правовая политика России: теория и практика. Монография / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2006.
29. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики. // Журнал российского права. 1998. № 8.
30. Малько А.В. Основы теории правовых средств // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Вып. 1. Тольятти, 1998.
31. Малько Е.А. Постановления Европейского суда по правам человека и гражданская процессуальная правовая политика в современной России// Современное право. 2012. № 4.
32. Марченко М. Н. Частно-правовой договор в механизме правового регулирования// Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2004. № 2.
33. Масленников М.Я. Административно-процессуальное право – реальная правовая отрасль // Административное право и процесс. 2012. № 3.
34. Мицкевич А.В. Некоторые черты взаимодействия права и нравственности в период перехода к коммунизму // Правоведение, 1962, № 3.
35. Морозов М.Э. Частное процессуальное право: тупиковая ветвь права или новый вектор его развития?// Третейский суд 2010. № 6 (72).
36. Нажимов В.П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1973. № 5.
37. Овсепян Ж.И. Конституционное судебно-процессуальное право: у истоков отрасли права, науки и учебной дисциплины // Правоведение. 1999. № 2.
38. Орлов В.Н., Экимов А.И. Цель в норме советского права // Правоведение, 1968. № 5.
39. Осинцев Д.В. К вопросу о категории «юридический процесс// Российский юридический журнал. 2011. № 3 (78).
40. Павлова Е.В. Механизм правового регулирования защиты гражданских прав потерпевших в ДТП// Юрист. 2004. № 9.

41. Павлушина А.А. Процессуально-правовая политика// Российская правовая политика. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2003.
42. Пастушенко Е.Н. Цели и функции административной ответственности // Правоведение. 1987. № 3.
43. Пашков А.С., Явич Л.С. Эффективность действия правовой нормы// Советское государство и право. 1970. № 3.
44. Пиголкин А.С. Формы реализации норм общенародного права // Советское государство и право, 1963, № 3.
45. Рабинович П.М. О юридической природе целей правовых актов// Правоведение. 1971. № 5. С. 28-35.
46. Ринг П.М. К вопросу о гражданских процессуальных отношениях // Ученые записки ВИЮН. 1963. Вып. 16.
47. Руднев В.И. Залог в России, «бэйл» в США: сравнительный анализ// Российская юстиция. 1998. № 4.
48. Руднев В.И. Концепция развития уголовно-процессуального законодательства// Концепции развития российского законодательства/ Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004.
49. Саликов М.С. Конституционный судебный процесс в системе российского права // Журнал российского права. 2003. № 11.
50. Самощенко И.С., Никитинский В.И. Цели правовых норм – масштаб оценки их эффективности// Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1969. Вып. 19. С. 55-58.
51. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., 2002.
52. Сапун В.А. Право. Правовые средства. Правосознание. СПб., 2012.
53. Сафина О.А. Механизм правового регулирования международных кредитно-денежных и расчетных отношений // Международное публичное и частное право. 2004 № 1(16).

54. Слифиш М.В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального права в теории российского уголовного процесса // Право и государство: теория и практика. 2012. № 7(91).
55. Соловых С.Ж. Судебная практика в системе источников арбитражного процессуального права в России// Источники частного и публичного права: сборник научных трудов по материалам Межвузовской научно-практической конференции 30 апреля 2012 г. Тамбов, 2012.
56. Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правоотношений // Советское государство и право. 1957. № 2.
57. Страшун Б.А. Научно-практическая конференция «Судебный конституционный контроль в России: уроки, проблемы и перспективы (Обзор) // Государство и право. 1997. № 5.
58. Строгович М.С. Уголовно-процессуальное право в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 4.
59. Субочев В.В. Законные интересы и российская юридическая практика // Юристъ - Правовед, 2008. № 6 (31). С. 101-106.
60. Субочев В.В. Законные интересы в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 2. С. 2-7.
61. Субочев В.В. Законные интересы как неотъемлемый элемент механизма правового регулирования // Право и политика. 2007. № 2. С. 13-20.
62. Субочев В.В. Законные интересы в механизме материально-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2006. № 4. С. 20-31.
63. Сырых Е.В. Критерии качества закона // Законодательная техника / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000.
64. Терехин В.А., Афанасьев С.Ф. Судебно-правовая политика// Правовая политика России. Монография / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2006.
65. Тихомиров Ю.А. Проблемы развития процессуального права. // Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства. (По материалам научно-практической конференции. Москва, 28 мая 2001г. М., 2001.

66. Тихомиров Ю.А., Ноздрачев А.Ф., Хангельдыев Б.Б., Терещенко Г.К., Игнатюк Н.А., Петухов В.Н., Минашкин А.В. Концепция развития административного и административно-процессуального законодательства // Концепция развития российского законодательства. М., 1998.
67. Томин В.Т. К общей характеристике УПК РФ: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Отв. Ред. П.А. Лупинская, Г.В. Дашков. М., 2002.
68. Фокина М.А. Гражданская процессуальная политика: понятие и приоритеты // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 2.
69. Чеглаков К.В. Административно-процессуальное право в системе российского права// Мир экономики и права. 2010. № 2.
70. Шабалин В. А. Системный анализ механизма правового регулирования// Сов. гос-во и право. 1969. № 10.
71. Шевченко Я.Н. Средства защиты в гражданском праве// Советское государство и право. 1977. № 7.
72. Шундиков К.В. Инструментальная теория права – перспективное направление научного исследования// Правоведение. 2002. № 2.
73. Шундиков К.В. Правовые механизмы: основы теории // Государство и право. 2006. № 12.
74. Щеглов В.Н. Соотношение гражданского процессуального правоотношения с другими правоотношениями // Ученые труды Томского госуниверситета им. В.В. Куйбышева. Вопросы экономики и права. Томск, 1963.
75. Экимов А.И. Категория цели в науке права// Философские проблемы государства и права. Л., 1970.
76. Ялбулганов А.А. Плата за землю: механизм правового регулирования// Юрист. 2003. № 12.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

1. Букина В.С. Принципы советского гражданско-процессуального права: Автореф. дисс… к.ю.н. Л., 1975.
2. Грошев А.В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования. Автореф. дисс…д.ю.н. Екатеринбург, 1997
3. Добровольский А.А. Некоторые вопросы исковой формы защиты права: Автореф. дисс… д.ю.н. М., 1966.
4. Игнатенкова К.Е. Дозволение как способ правового регулирования. Автореф. дисс… к.ю.н. Саратов, 2006.
5. Киселева О.М. Поощрение как метод правового регулирования. Автореф. дисс… к.ю.н. Саратов, 2000.
6. Козлов В.А. Вопросы теории эффективности правовой нормы. Автореф. дисс. к.ю.н. Л., 1972.
7. Кропачев Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования. Автореф. дисс…д.ю.н. Санкт-Петербург, 2000.
8. Липатова Т.Б. Реализация принципов гражданского процессуального права при производстве в суде второй инстанции. Автореф. дисс… к.ю.н. Саратов, 2012.
9. Лукьянова Е.Г. Процессуальное право и его место в структуре права. Автореф. дис. …к.ю.н. М., 2000.
10. Майдан И.А. Процессуально-правовая политика современной России: проблемы теории и практики. Дисс. … к.ю.н. Краснодар, 2009.
11. Насырова Т.Я. Телеологическое толкование советского закона: понятие, содержание и роль в юридической практике. Автореф. дисс. к.ю.н. М., 1985.
12. Погребной И.М.Общетеоретические проблемы производств в юридическом процессе. Дисс…к.ю.н. Харьков, 1982.
13. Подлесных С.Н. Пробелы в уголовно-процессуальном праве. Автореф. дисс… к.ю.н. Воронеж, 2012.

14. Полянская Н.Ю. Реализация принципа диспозитивности в механизме гражданского процессуального регулирования. Автореф…к.ю.н. Саратов, 2005
15. Попова З.В. Санкции норм процессуальных отраслей права. Автореф. дисс… к.ю.н. СПб., 2012.
16. Реутов В.П. Структурирование правовой системы как выражение ее функциональных возможностей. Автореф. дисс. в виде научного доклада… д.ю.н. Нижний Новгород, 2004.
17. Рогов Д.И. Механизм гражданско-правового регулирования отношений, возникающих по поводу чести, деловой репутации и доброго имени граждан. Автореф. дисс…к.ю.н. Екатеринбург, 2003
18. Рукавишникова И.В. Метод финансового права. Автореф…д.ю.н. Саратов, 2004.
19. Сабирова Л.Л. Эффективность процессуально-правовых норм в сфере частного права: вопросы теории и практики. Автореф. дисс…к.ю.н. Казань, 2005.
20. Шугаев А.А. Правовые средства укрепления трудовой дисциплины и борьбы с текучестью кадров. Автореф. дисс. к.ю.н. М., 1985.
21. Шундиков К.В. Цели и средства в праве: общетеоретический аспект. Автореф. дисс… к.ю.н. Саратов, 1999.
22. Экимов А.И. Категория «цель» в советском праве. Автореф. дис. к.ю.н. Л., 1970.
23. Яковенко О.В. Правовая процедура. Автореф. дисс... к.ю.н. Саратов, 1999.

Интернет ресурсы:

1. http://www.rg.ru – «Российская газета» – официальный сайт издания.
2. http://www.goverment.ru – Официальный сайт Правительства РФ.
3. http://www.vsrf.ru – Официальный сайт Верховного Суда РФ.
4. http://www.arbitr.ru – Официальный сайт Высшего арбитражного Суда РФ.

5. http://www.ksrf.ru – Официальный сайт Конституционного Суда РФ.
6. http://law.edu.ru/ – «Юридическая Россия». Федеральный правовой портал.
7. http://www.consultant.ru/ – Официальный сайт компании «Консультант плюс».